ДМИТРИЙ
РОСТОВЦЕВ

ЗЕРКАЛО СКОРОСТИ

СПОРТ И ЛИЧНОСТЬ

ДМИТРИЙ РОСТОВЦЕВ

ЗЕРКАЛО СКОРОСТИ

Литературная запись
ЛЕОНИДА РЕЙЗЕРА

ТАССР Казан ГОРОНО
Сәламәт спорт
Детская спортивная школа
ДЕТСКАЯ СПОРТИВНАЯ ШКОЛА № 3
Казанского ГОРОНО ТАССР

МОСКВА
«МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ»
1984

75.719.5
Р 78

Р 4202000000—217
078(02)—84 КБ—20—037—84

© Издательство «Молодая гвардия», 1984 г

ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ

Это случилось за пять дней до олимпийского экзамена на трассе скоростного спуска.

В Кортина д'Ампеццо мы приехали загодя. Привыкали к обстановке в олимпийской деревне, изучали местные склоны, трассы, снег. Каждой команде выделили определенное время для тренировок. По трассе скоростного спуска Стратофана мы успели за день проехать три раза. А вот на слаломную гору вообще не пускали: тонка была снежная «циновка», и солдаты на специальных жестяных желобах доставляли привезенный из других мест снег, бережно раскладывали его по склону, вставали на лыжи и шли вверх-вниз «лесенкой», трамбуя наст.

Потом залили склон водой.

Настроение у меня было самое что ни на есть боевое потому, что довольно удачно выступила на пред-

шествовавших Играм стартах, где участвовали все сильнейшие горнолыжницы мира.

Я выполняла очередной скоростной спуск. Трасса пролегала большей частью по лесу, была сложной и быстрой. И вот при выходе из чащобы попадаю на крутой участок. Скорость высокая, километров за семьдесят. Вдруг вижу — полотно трассы пересекает турист. Как машина останавливается на всех тормозах, так и я разворачиваю лыжи влево поперек склона, раздается скрежет кантов. Я падаю вниз по склону на правую руку.

Диагноз был столь же ясен, сколь и неутешителен: тяжелый ушиб правого плеча с воспалением нервного сплетения.

Пять суток, пять дней и ночей, я не могла ни одеваться, ни причесываться, ни есть. Меня одевали, причесывали и кормили. Приглашали наших врачей, работавших и с лыжниками, и с конькобежцами, и хоккеистами, но боль не стихала. Она не давала и минутной передышки, при движении обостряясь. И ночь не приносила покоя. Я не могла лежать, сидеть в кровати надоедало — начинала ходить по комнате из угла в угол...

О тренировках речь и не шла. С каждым днем мое участие в состязаниях становилось все менее реальным. Председатель Всесоюзного спорткомитета Николай Николаевич Романов вначале запретил мне выступление.

Настал черед специального слалома, с которым я связывала особые надежды. Явилась к нашему тренеру-врачу Преображенскому и сказала: «Не надо мне никаких блокад, лекарств. Я буду стартовать. Только разрешите мне». Владимир Сергеевич промолчал, но по глазам его добрым поняла, что он постарается выполнить мою просьбу.

Накануне участницам разрешили прийти на гору без лыж и посмотреть рельеф. А он был сложный — крутой, ледяной и как будто состоящий из ступеней: подъезжаешь к краю такой ступени — и видишь только макушки деревьев, словно и нет трассы, а дальше следует резкий спад. Но ведь такие в миниатюре и родные Воробьевы горы, что обрываются у Москвы-реки. И я не теряла надежды.

Когда утром, сразу после завтрака, мы потянулись к месту соревнований, склон уже был усеян частоколом флажков. Нам предстояло разобраться в нем. Начался просмотр. Как рельеф склона, так и сам характер трассы могут одному приглянуться, а другому нет. На меня трасса произвела неприятное впечатление: я любила ритмичные и быстрые трассы, а эта была несколько разбросанной; мне легче давались быстрые частые повороты, значительно хуже я выполняла длинные пологие виражи. Дольше всего мы простояли у «шпильки», обычной «шпильки»*, которую поставили под уклон. Именно с правой стороны я должна была делать два захода в эту фигуру, чтобы правильно выйти из нее и сохранить «стратегическую» высоту. Советовалась с тренерами Владимиром Сергеевичем и Юрием Сергеевичем Преображенскими.

— Мне будет трудно здесь, — сказала я.

— Давай, Женечка, сделаем лишний поворот, чтобы не перегружать больную руку, — предложил Владимир Сергеевич.

— Время потеряю на этом, — возразила я, хотя понимала, что это для меня оптимальный вариант.

— Оставляем тот вариант, который надежней.

В одиннадцать ноль-ноль начинались состязания. Лыжи мне принесли к месту старта, смазали их и наточили канты. Обычно я все это делала сама. Палку к правой руке накрепко прибинтовали, потому что я не могла ее фиксировать. Вместо того чтобы пять дней тренироваться, я ездила по врачам. Но нет худа без добра:

---

* «Шпилька» — слаломная фигура, представляющая собой комбинацию из двух вертикальных ворот.

перерыв в тренировках иногда оказывал на меня благотворное влияние. Мой учитель Вольдемар Эргардович Нагорный знал это и давал мне передышки чаще, чем другим. Наверное, я была чересчур впечатлительной, устава-вала быстрей подруг и дольше восстанавливала силы.

Нагорный приучил меня проводить перед стартом основательную разминку. Я должна была поймать свой ход, сделав серию быстрых поворотов, и обязательно сконцентрировать внимание. Но альпийские стрелки, находившиеся вокруг стартового домика, строго-настрого запретили всякое лишнее шевеление, чтобы мы не испортили трассу: назавтра здесь же предстояло выступать мужчинам, старт им давался чуть выше. Даже попрыгать на месте я не сумела.

Услышала команду стартера «Гоу!» и ринулась вниз...

Прошла первую трассу как могла. На той «шпильке» потеряла какие-то мгновения. И очень удивилась тому, что показала одинаковое с итальянкой Кеналь-Минуццо третье время.

Не было привычного настроя, сосредоточенности, болезнь и все связанное с ней отвлекали меня. Я же привыкла никого и ничего не видеть, кроме ниточки, мысленно проложенной в частоколе флажков. И если эта ниточка вдруг прерывалась, я могла даже остановиться как вкопанная. Чисто инстинктивно остановиться, не зная, что делать дальше.

Вторую трассу мы внимательно обследовали. Была она ровней и ритмичней. Зато старт вызывал тревогу: сразу длинная «змейка» из четырех ворот и рыхловатый снег.

Ожидая своей очереди, я почувствовала дрожь в коленях. В первой попытке почему-то меньше волновалась, а вот сейчас казалось, что, если еще какое-то время не дадут старт, я не выдержу напряжения, не смогу пройти трассу. В жизни ничего подобного не испытывала. Стала разминаться, имитируя вход в поворот. Тут как тут сол-

даты: «Не ковырять снег!» Заглушить волнение было очень трудно. И когда встала на старт, почувствовала скованность.

Толкнулась. Пошла. Миновала «змейку». И настолько волновалась по поводу начала трассы, что начисто забыла следующий участок. А там был резкий поворот среди деревьев: не видно, что дальше. Я выпрямилась. Длилось это мгновение. Увидела «диагональ», вернее, две длинные «диагонали» — четверо ворот, которые следовало пройти двумя дугами. И сразу же исчезли волнение и страх. Я заскользила ритмично, как и до травмы.

Я упивалась скоростью, ритмом поворотов и приближением к цели. За шесть ворот до финиша стартовавшие раньше меня, делая резкий вираж, сняли слой снежного прикрытия, образовался глянец — лед. Я видела перед собой только ворота, на снег и не посмотрела. Из-под меня сразу же вылетели ноги. И я упала на больную руку. Еще в воздухе успела сказать себе: «Нужно же финишировать. Финиш близко. Нельзя падать!»

Потом какие-то иностранцы спрашивали у меня: «Как это вы сумели так быстро встать?» Что могла объяснить, если мне вообще показалось, что... не падала. Было такое ощущение, что в воздухе выправила положение лыж и приземлилась на них. Но я, конечно же, упала. Вскочила. И стала толкаться, почему-то особенно усердно правой рукой. Коньковым ходом кое-как набрала скорость. И вот финиш. Резко вперед вытянула руку, опять же правую — тогда фотофиниш распознавал высоко, не то, что ныне («Омега» фиксирует время по носкам лыж). Выбросила я палку как рычаг и упала. На несколько секунд потеряла сознание.

Мне удалось обойти Кеналь-Минуццо на одну шестую долю секунды.

Так я стала бронзовой медалисткой Олимпийских игр 1956 года.

ТАСС Детская спортивная школа Горнолыжная секция Горно ТАССР

По вечерам Романов вручал нашим олимпийским чемпионам букеты алых роз. Получила и я чудесный подарок, хотя чемпионкой не стала. Николай Николаевич сказал: «Твою «бронзу» приравниваю к «золоту»...»

Воды с тех пор действительно утекло много. И все эти годы я жду от наших спортсменов улучшения или хотя бы повторения своего олимпийского результата. Тщетно жду.

А ведь были мастера, которые могли, которые хотели, которые просто обязаны были по своим задаткам достичь успеха.

Милая и симпатичная Света Лебедева из заполярного Мончегорска. Я любовалась ею и верила, что она пойдет дальше меня. Ее заполярный земляк кировчанин Василий Мельников и техничен был, и настойчив, и прилежен. Сестры Перчаткины и Люда Реус из уральского города Белорецка ярко начинали. Но особенно мне обидно за Лебедеву.

Так уж повелось, что горнолыжный спорт при всей его растущей день ото дня популярности и олимпийской значимости — ведь разыгрывается шесть комплектов наград — пребывает у нас на вторых ролях. Не понимаю и не принимаю этого.

Не все, конечно, плохо. Детских спортшкол стало много, и в каждой из них есть преподаватели, работающие вдумчиво и на совесть. Оснастились наши горы подъемниками. Инвентаря хорошего прибавилось...

Взлет на стыке 70—80-х годов привел к международному признанию советских горнолыжников. Любо-дорого было наблюдать за новой плеядой мастеров, талантливых и дерзких. На Олимпиаде 80-го года Надя Андреева в первой попытке специального слалома показала третье время. Сердце мое забилось чаще: вот, думала, наконец-то... И будь рядом с ней в тот момент воспитавшая ее Алла Васильева, подруга лет моих спортивных, уверена, что свершилось бы. А так — шестое место. Тоже неплохо. Там же, на горе Уайтфейс, Валерий Цыганов упал за тридцать метров до финиша гигантского слалома и подарил соперникам медаль...

Были и есть личности среди горнолыжников. Это и мой учитель Вольдемар Эргардович Нагорный, заложивший фундамент отечественного горнолыжного спорта. Это и братья Юрий Сергеевич и Владимир Сергеевич Преображенские. Это и единственный в нашем виде спорта заслуженный тренер СССР Дмитрий Ефимович Ростовцев. Но и они бывали бессильны одолеть все препятствия, разрешить все проблемы.

Девчонки и мальчишки, которых обучала горнолыжным азам, часто спрашивали: «Евгения Николаевна, а что почитать про горные лыжи?» В ответ я лишь беспомощно разводила руками, потому что, кроме методической литературы, ничего не было.

А теперь есть.

И это добрый знак.

ЕВГЕНИЯ СИДОРОВА,
бронзовый призер Олимпийских игр 1956 года

УМНЫЙ ГОР НЕ ОБОЙДЕТ

Вы уж поверьте на слово.

Я это видел.

По склону горы на одной лыже скользил человек. Диковинного в том не было, ведь рекомендуется иногда и спортсменам спускаться, поочередно поворачивая на одной лыже, а другую держа на весу. Таким образом развивают чувства равновесия и приподнятой лыжи.

Но сухощавый мужчина лет пятидесяти ехал на одной лыже, а другой у него вообще не было. Человек был без ноги... Ампутирована выше колена. В руках костыли, заканчивающиеся кольцом и штырем от лыжной палки. Во что одет, не припомню. Помню лишь отчетливо, как он падал.

Поворачивал еле-еле в одну сторону и на следующем вираже по-мальчишески отчаянно боролся за остатки равновесия, которое все же покидало его, и лыжник па-

дал на твердый леденистый наст. Казалось, что это не он, а я оказывался распластанным на склоне. Хотел было подъехать и помочь встать, мужчина, однако, всякий раз вскакивал без промедлений, словно снег обжигал его, и продолжал спуск за околицей подмосковной деревни Чернево.

Я долго следил за ним. Где-то внутри больно кололо, мне было не по себе, хотелось отвернуться и не видеть страданий, которые я, увы, облегчить не мог.

Страдания... Так ли зовется это?

Победа над недугом.

И каким недугом!

Потом встречал того инвалида и в других местах — Крылатском, Подрезкове. Катание становилось все увереннее. И все реже отводил я глаза в сторону. Ни за одного своего ученика не переживал так остро и болезненно, как за этого незнакомца.

В начале 50-х годов в Австрии мне довелось присутствовать на крупных состязаниях среди... одноногих инвалидов. Проводились они, конечно, на упрощенных трассах, зато во всем остальном соблюдались обычные правила. Вот кого нельзя было упрекнуть в недостатке бойцовских качеств. Азартно боролись. На конце палок у них вместо штыря крепились носки лыж — для баланса. Тогда я в который раз убедился в реальности скольжения на двух лыжах как на одной, без «упоров» — скольжения на параллельных лыжах.

— Горнолыжный спорт — это спуски с гор по трассам, размеченным воротами из флажков.

Правильный ответ для студента физкультурного института, вызубрившего формулировки учебника. Но если такое скажет специализирующийся по горным лыжам, то он заслуживает жирного «неуда». Кто так представляет себе лыжный спуск из поднебесья, тот, простите, ровным счетом ничего и не понял.

Во все времена года и при любых капризах погоды, на севере или на юге, молодые или старые, скалистые, лесистые или травянистые — горы красивы!

Горные лыжи — это синь неба и гордые вершины вокруг.

Горные лыжи — это искристый снег с голубизной.

Горные лыжи — это колючий мороз и ветер в лицо.

Горные лыжи — это приручeнная скорость.

Горы... Какие они разные.

Кавказский хребет — это грозная панорама вершин от Казбека и до Эльбруса, отделяющих Европу от Азии. И что ни вершина, то скальное альпинистское диво, покоренное порой дорогой ценой. Полукружие снежных вершин Бакуриани с редкими скальными выходами особенно памятно мне: Табасцхури, Лесное озеро, Тори, Цихис-Джвари с серными источниками. А Хибины с вершинами, сглаженными ледниками, стоят перед глазами в малиновом свете наступающей полярной ночи под сполохами северного сияния. Только Рерих сумел изобразить на своих полотнах что-то подобное. А могучие тянь-шаньские ели? А лыжный рай травянистых Карпат?..

И все, что увидишь, — твое. Только успевай замечать. И даже после того, как ты поставишь перед собой цель — скорей останавливать бег электронных хронометров, все равно пусть периферическим зрением, пусть подспудно в тебя будут переселяться эти красоты и чудеса.

Обычный кадр на фотопленке: на высокой скорости спортсмен в своих доспехах едва отличим от склона, снега, кустарника, деревьев, скал, неба. Человек органично слился с природой! Это близко к сути горных лыж. И как ни меняй диафрагму, по-настоящему контрастно получится что-то одно — либо лыжник, либо пейзаж. Размытый кадр, он и самый достоверный.

В час отдыха человек стал рациональней, практичней, что ли. Сближаясь с природой, он желает использовать ее силы, свои же при этом приберегая и расходуя по мере надобности.

А лыжи горные? На них мы «приручаем» силу земного тяготения. Австриец Тони Зайлер — в горных лыжах он что-то вроде Пеле в футболе или Харламова в хоккее — четко сформулировал:

«Техничный горнолыжник тот, кто меньше всего сопротивляется силе тяжести».

Быстрей! Выше! Дальше!

Девиз авиаторов близок нам.

Повыше забраться на старт! Подлиннее выбрать спуск! И побыстрей скатиться!

До старта осталось пять минут.

Трасса, ее ключевые участки вновь встают перед глазами.

Разогретые после разминки мышцы начинают стыть. Снова наклоны и вращения туловища, махи руками и ногами, приседания.

До старта минута.

Отрешенность. Напряжение. Собранность.

Выплеснуть в считанные секунды умение, добытое днями и неделями, месяцами и годами.

До старта десять секунд.

Пара глубоких вдохов-выдохов. Пружина готовности сжата до предела.

Пять секунд, четыре, три, две, одна.

«Марш!»

Миг старта. Что близко ему? Прыжок с трамплина или с парашютом, где тоже не исправить ошибку. Полная необратимость времени, его не повернуть вспять и ничего не изменить. Ты сам отвечаешь за себя, за свои действия, малейший просчет — и все пропало. Жди теперь нового старта.

Сколько раз я в юности попадал впросак. Ну, кажется, все прекрасно, скользишь как по маслу, и

вдруг... падение. По инерции летишь еще несколько метров, сдирая наст, пока не остановишься. Тогда-то и определишь, только ли синяк, ссадину подарил тебе сегодняшний день.

Малейшего расслабления вполне достаточно, чтобы выбыть из борьбы. От старта и до финиша, каждый метр одолевать на предельной мобилизации сил, оставаясь незакрепощенным, — в этом и тяжесть и прелесть горнолыжного спорта. Спора в мастерстве, а не просто катании ради удовольствия.

Горнолыжные старты Холменколленских игр, своего рода лыжной Олимпиады, проходили в 55-м году, как обычно, в местечке Нурефиель. Я был тренером команды. В тот день мы долго просматривали трассу гигантского слалома, обсуждали и намечали варианты прохождения, тактику спуска. Поднялись к стартовому домику с Женей Сидоровой, и я понял, что худо наше дело. Она стоит ни жива ни мертва, губы посинели, подавлена так, будто несчастье с близким человеком случилось. А все уже вроде бы сделано: лыжи намазаны, крепления подогнаны, слова успокаивающие сказаны. И размялась неплохо.

Попробовал было отвлечь:

— Жень, посмотри, небо такое голубое и снег сегодня, какой ты любишь.

А она словно окаменела вся.

Участницы стартуют одна за другой, и скоро Женина очередь. В таком состоянии ей впору снимать лыжи: не в третьи, так в пятые ворота не впишется.

Что предпринять? Что?! Понимаю ситуацию, а рецепта готового нет. И тут меня осенило. Вспомнил, как австрийцы выводили на старт стройную блондинку Регину Шопф: один несет левую лыжу, другой правую, а третий шествует с ней в обнимку и что-то шепчет на ухо. Спортсменка слушает и хохочет от души. Финиш в тот день у Регины был весьма успешным.

Мы снова принялись развлекать Женю всеми силами,

тормошить ее. И достигли все-таки желаемого. Почувствовалось, что она успокоилась. Затем воодушевилась, приосанилась и кинулась вниз — только ее и видели. На пьедестале почета все тогда хорошо разглядели Евгению Сидорову.

Спустя много лет полюбопытствовал, помнит ли она минуты перед тем стартом. Недоуменно пожала плечами: «А что было?»

За событиями Гренобльской олимпиады 1968 года я наблюдал пристально. На старт с посиневшими, плотно сжатыми губами вышла Нина Меркулова. Я понял, что удачи не видать. Увы, так оно и получилось.

Прохождение трассы.

Вспоминаю слова Тони Зайлера:

«После того, как я прохожу трассу на предельной скорости, ощущаю больше усталости от напряжения в голове, чем в ногах.

Даже по тому, как горнолыжник реагирует на брошенный в него снежок, можно очень легко определить, какова у него реакция на трудные места трассы.

Для достижения хороших результатов в горнолыжном спорте необходима точная координация в работе мышц, глаз и мозга, и, пожалуй, правильнее всего на первый план поставить работу мозга. Мне кажется, что научиться этому взаимодействию можно только с раннего детства».

Я своих воспитанников всегда призывал к дальновидению: в слаломе смотреть метров на десять или на трое ворот вниз по склону, в гигантском слаломе метров на тридцать, а в скоростном спуске на полсотни и даже сотню метров вперед. Упредить мысленно встречу с препятствием, проиграть в голове вариант его преодоления и потом выполнить прием почти автоматически — вот что может и должен мастер. И потому

кажется порой, что едешь довольно медленно. А неудачи на спуске подстерегают тех, кого застает врасплох очередная каверза трассы.

Прохождение трассы.

В течение сорока-пятидесяти секунд слалома, минуты с небольшим слалома-гиганта и двух с лишним минут скоростного спуска на свете существуют только ты и трасса. И более ничего. На что-либо стороннее ты не реагируешь.

Катя Вогулкина была способной и прилежной девушкой, внимательной к советам и указаниям. На чемпионате СССР 49-го года я выступал в роли «играющего» тренера. Просматривая вместе с ней трассу, наказывал:

— Катя, обрати внимание, «кандахар» на перегибе. Ты зайди на фигуру дугой покруче и тогда с хорошим накатом выскочишь к следующим воротам.

— Ясно. Так и сделаю.

Уже на старте я опять к ней:

— Помнишь, Катя?

— Да, да, все будет в порядке.

И последним моим напутствием были слова:

— О «кандахаре», о «кандахаре» не забудь!

Едва я успел спуститься к этому месту на трассе, как стартовала Катя. Вполне грамотно проехала метров триста, приблизилась к «кандахару» и на боку сползла мимо.

Замучил я девушку своими напоминаниями, вот она и перестраховалась: подсела и упала. Думала только о том, как бы чисто пройти сложный участок, и ошиблась именно на нем.

Борьба с трассой один на один настолько жесткая, что всяческие напоминания об этом, особенно в последние предстартовые минуты, излишни.

Еще меньше толку от тренерских указаний по ходу спуска.

Стояли мы на каких-то состязаниях рядом с уважаемым коллегой. Как только в зоне видимости появлялась его ученица, так сыпались замечания и подсказки. А я стою и улыбаюсь. Потом он спросил:

— Ты чего смеешься?!

— Толя, она тебя совершенно не слышала. Ты сам когда выступал, слышал разве тренерские подсказки?

— А ведь верно. Вот так забудешься, в азарте кричишь до хрипоты, а толку ноль.

— Давай спокойно посмотрим. Наше дело сделано.

Прохождение трассы.

Оно начинается с ее просмотра — неизбежной процедуры, которую совершают абсолютно все. И чем сильней мастер, чем выше его притязания, тем усердней будет он, поднимаясь на лыжах рядом с трассой, разглядывать частокол флажков и в «профиль» и «анфас». Память должна заучить каждую «строчку» трассы, как стихотворение, а оптимальную траекторию ее преодоления накрепко впечатать в мозг, чтобы он безошибочно потом давал команды ногам, рукам, всему телу.

Наверху, перед стартовым створом, я иногда держал в руках карандаш и зарисованную на картоне трассу. Опрашивал ребят, все ли ее помнят. И если не было вопросов, ехал вниз смотреть, как они будут спускаться.

Или кто-то что-то запамятовал:

— Какое место?.. А-аа, вот смотри, мы ж обсуждали этот участок, давай повторим...

Просмотр слаломной трассы для горнолыжника что ночь перед экзаменом у студента. Можно и не сомкнуть глаз, лихорадочно листая учебник и конспекты лекций, запоминая формулировки законов, а не вникая в их суть. Можно назавтра, если повезет, получить «удовлетворительно», а то и «хорошо». Следующий предмет,

новый экзамен — и снова лихорадка перед стартом... Хорошо разобравшись в сложностях, которыми полна трасса, реализовать план действий по силам тому, кто имеет прочные навыки, а не рассчитывает на штурм и наскок.

Александр Панов — наш, армейский. Как слаломист котировался в стране довольно высоко, попадал и в первую десятку. И вот недавно, уже будучи зрелым спортсменом, он признался:

— Знаете, Дмитрий Ефимович, я ведь только сейчас понял, как важно тщательно просматривать трассу.

Мне довелось быть свидетелем того, как искуснейший мастер слалома австриец Эрнст Хинтерзеер знакомился с трассой. У «змейки» Эрнст остановился, потрогал руками древки — прочно ли воткнуты, потом стал ходить то вперед, то назад, так примерится и эдак, прикинет что-то в уме и все топчется на одном месте. Зато как же здорово вильнул в той самой «змейке» Хинтерзеер — как никто другой!

Три года спустя он завоевал олимпийское «золото» на склонах Скво-Вэлли.

Прохождение трассы.

Трудность скоростного спуска во многом определяется рельефом. А горы-то везде разные! Потому нет и трасс-близнецов. Да и схему спуска, внутреннее его содержание, каждый специалист видит по-своему. Считают, что на Чегете нельзя проводить крупные старты, проложить классную трассу скоростного спуска. А я вижу ее. Дайте мне на лето студенческий отряд человек в сто, бульдозер, маленький экскаватор, трактор — и, не забыв о противолавинной защите, мы получим здесь трассу — любым иностранцам на зависть!

Слаломные трассы тоже неповторимы. Их постановщики — квалифицированные и весьма ценные специалисты при организации любого турнира. Автор трас-

сы — это звучит гордо. Часто с просьбой составить свой «кроссворд» на снегу обращаются к заслуженным в прошлом спортсменам.

Слаломный частокол — это сочетание из различных комбинаций ворот: горизонтальных, вертикальных и косых — по отношению к склону; открытых, закрытых или слепых (оба древка как одно в створе взгляда) — по отношению к движению участника. «Змейки», «шпильки», «диагонали» — фигуры традиционные, они так или иначе обязательно включаются.

И без тени сомнений узнавал я, кто сегодня потрудился — австрийский тренер Фред Роснер или итальянский судья Отто Менарди. Это были мэтры слаломной режиссуры. Роснер ставил примерно на полтора десятка больше ворот, чем Менарди, и повороты у него были круче, полней и сложней. Зато Менарди очень тонко и умно расставлял флажки, обязывая при кажущейся свободе предельно точно совершать заходы в фигуры.

В начале 70-х годов на международный турнир в Терскол прибыли швейцарец Бруггманн и Нойройтер из ФРГ — слаломисты с мировыми именами. Наши мастера были в полном сборе.

Для мужчин я поставил трассу с хитринкой. Надеялся, что наши ребята справятся с каверзными участками. И ошибся.

Работая над скоростью, тренеры приучили своих воспитанников к простым, примитивным трассам, где не требовалось узких накатистых заходов, умения думать и точно выполнять намеченное. Нарушили суворовскую заповедь: тяжело в учении — легко в бою. А Бруггманн и Нойройтер раскусили мои «орешки» и обогнали ребят на три-четыре секунды. Разрыв огромный, ведь обычно у горнолыжников счет идет на сотые доли мгновения. Три секунды проигрыша в слаломе соответствует более 30 метрам (!) отставания на финише. Студент Московского авиационного института Толя Тор-

мосин был единственным, кто порадовал. Думать умел и на студенческой скамье, и на горе.

Бруггманн особенно поразил меня своим тонким, каким-то обостренным чутьем лыж. Если у лежащей на снегу лыжи один кант загружен чуть больше другого, то лыжа скользит по кривой и на снегу пишется дуга. Это ювелирная работа — накатисто поворачивать на плоско поставленных лыжах только благодаря неравномерной загрузке кантов. Расставляя ворота, я как минимум в двух местах рассчитывал на этот элемент высшего пилотажа, а по-настоящему исполнил его лишь Бруггманн.

«Душой кривить я не привык —
Слалом съезжаю напрямик».

В день моего рождения Дмитрий Богомолов, режиссер учебного фильма, что мы снимали перед войной в Красноярске, выпустил стенгазету, а одну из фотографий, запечатлевшую меня в движении, сопроводил незамысловатым двустишием.

Специальный слалом.

Слалом-гигант.

Скоростной спуск.

Это классическое троеборье.

Одних влечет слалом, других — «гигант», третьих — спуск. Отчего такое разделение вкусов?

«Слалом съезжаю напрямик...» Если бы это буквально соответствовало действительности, я бы не добирался к финишу. Впишется в слаломный частокол тот, кто ограничит себя в упоении скоростью и будет аккуратен и собран. И в таком духе он исполнит танец между флажками, выжимая скорость, которая здесь невольно ограничена.

Мое любимое напутствие: слалом иди в оптимально допустимом темпе, гарантируя прохождение. Именно в слаломе пролетает мимо очередных ворот каждый четвертый, третий, второй даже, а бывает и так, что у стартового домика выстраиваются сто участников, из них пробираются через снежные рифы всего двадцать пять: вероятность благополучного финиша — двадцать пять процентов!

В спуске меньше выбывших из борьбы. Но и решаются на участие в нем далеко не все. У многих смелости и решительности, страсти к риску недостаточно для такого испытания. Если на трассе спуска упал и сам встал — считай, тебе повезло. Травмы тут бывают серьезные.

Поэтому современные трассы спуска делают широкими, как автострады. Но и они с нарастанием скорости становятся все опасней, а каждая маленькая неровность отдается в теле.

«Гигант» являет собой золотую середину. Раньше его называли «контролируемым скоростным спуском». Мы ходили по вытянутым в полтора с лишним километра трассам. Потом их укоротили и устроили две попытки. Мне импонирует прежний вариант. Не зря говорят, что новое — это хорошо забытое старое: международная федерация включила в программу Кубка мира-83 супергигант с одной попыткой.

Скорость порядка 70 километров в час приятна; в отдаленных друг от друга на 20—40 метров воротах разгонишься: слаломная подневольность отсутствует. Хорошо! Где наиболее тонкая работа головы и мышц, там и гармония. Стало быть, в гигантском слаломе, где поворот «вписывается», гармоничность удивительная. В слаломе поворот «врезают», а здесь — именно «вписывают». Само слово ласкает слух.

Окруженный стеклом и металлом, автогонщик ощущает скорость только по мельканию набегающих домов, фонарей, деревьев. Скорость под колесами несравнима с той, что под ногами. Но европейские асы часто

уходят в автогонщики. Француз Жан-Клод Килли после громких побед на снежных склонах сел за руль гоночной машины.

Я же в собратья свои выбираю мотогонщика. Обдувается он тугой воздушной струей, преодолевая телом ее сопротивление, тут и баланс сил, и техника перехода из виража в вираж близки к тому, что происходит у горнолыжника.

Друг юности — однополчанин по Отдельной мотострелковой бригаде особого назначения (ОМСБОН) — Геннадий Фомин прибыл со своей командой мотогонщиков в Бакуриани. На Кохте они стали наблюдать за тренировкой скоростного спуска. И через несколько минут все единогласно заключили:

— Скорость та же, но у нас хоть газ можно сбросить.

...В программу праздничного открытия Всемирного фестиваля молодежи и студентов в 1957 году включили показательные выступления на водных лыжах, только зарождавшихся в стране. Организаторы обратились к горнолыжникам, и я мобилизовал своих армейцев.

Летним вечером при свете мощных прожекторов по Москве-реке, от Ленинских гор до Стрелки, промчались катера, буксировавшие спортсменов. Зрелище получилось на славу.

Замыкающим ехал отчаянный парень Коля Петраченков. Буксировал его новенький катер на подводных крыльях, бывший тогда в диковинку. Коля ехал со скоростью 75 километров в час, причем не по ровной и ласковой воде, а по рифленой и твердой поверхности: вода, ударяясь о гранитные набережные, отражалась, и на речной глади появлялась заметная рябь, да и сама вода при быстрой езде становится твердой, как асфальт. От тряски по волнам с непривычки он отбил себе пятки. И вот уже под Крымским мостом, завершая маршрут следования, водитель быстроходного катера, чтобы в темноте не натолкнуться на шедших впереди, резко

сбросил обороты двигателя. Маневр застал Николая врасплох, и он плюхнулся в воду. Катер, сохраняя колонну, проехал дальше, а Петраченкова подняла на борт дежурившая поодаль речная милиция.

Двумя годами ранее я закупал в Австрии инвентарь. И на фабрике фирмы «Кестле» заметил вдруг лыжи не лыжи, непонятно что, на огурцы похожее. Мне объяснили. И я самовольно вместо еще одной пары слаломных приобрел две пары водных лыж, по цене как раз совпало. Заказ упаковали и отправили в Москву на склад Главспортпрома. Когда распаковали, то не поняли, что к чему. Звонят оттуда в ЦСКА и приглашают Ростовцева. Приезжаю на склад. Спрашивают:

— Что это такое?! Вас за чем посылали?!

— Минуточку, — отвечаю. — Успокойтесь. Это я специально привез, водные лыжи это. Хорошо бы попробовать их в деле, на воде.

Ручаться не стану, но те «огурцы», по-моему, были в стране первыми настоящими образцами. Воднолыжники восприняли их как манну небесную. Одну пару отдали военным морякам, другой мы пользовались. Быстроходных катеров насчитывались единицы, и мы иной раз уговаривали сотрудников речной милиции повозить ребят, хотя развиваемая скорость и не совсем устраивала нас.

Все же с годами мы отказались от приятного и в чем-то родственного вида спорта. Резко возросло время тренировок, которое даже летом следовало проводить на снегу.

Катаются везде, где только есть горы и снег. Я встречал горнолыжников из Новой Зеландии и Чили, Японии и Ливана, Мексики и Англии, Ирана и Кипра, Аргентины и Кореи, Венгрии и Бельгии, Китая и Исландии, Боливии, Алжира, Голландии, Марокко, Сенегала...

В Альпах лыжное катание по заснеженным склонам

еще с довоенной поры превратилось в популярнейший вид отдыха для людей разного достатка. Сегодня индустрия, выпускающая горнолыжный инвентарь, устанавливающая бугельные и кресельные подъемники, строящая отели и асфальтовые серпантины подъездов к ним, достигла колоссальных масштабов. Прибыли от горнолыжного туризма наивысшие.

Горные трибуны в гигантском увеличении повторяют хитрый, петляющий из стороны в сторону слаломный след. Вырвавшись из теснин городов, едут и летят в горы лыжные паломники. И нет им числа. Они твердо знают, что за две недели лыжного раздолья под облаками сумеют полностью, как говорят спортсмены, «восстановиться». А на горных склонах всем хватит места.

Туристы занимают места у трассы и дают волю своим эмоциям в те считанные мгновения, когда, разбрасывая клубы снежной пыли, проносится мимо них смельчак. А едва завершится спортивное действо, как разномастная ватага болельщиков высыпает на полотно трассы и катит вниз — одни плавными дугами, а другие падая и вставая. И все чувствуют себя, пусть недолго и понарошке, настоящими спортсменами.

Есть ли еще в каких-нибудь состязаниях подобное приобщение к большому спорту?!

На всех международных соревнованиях практикуются теперь официальные тренировки по скоростному спуску. Каждый раз фиксируется время прохождения всей трассы и отдельных участков, что помогает выявить свои огрехи и в оперативном порядке исправить их. Кто-то выкладывается полностью, кто-то хитрит, но если проехать из рук вон плохо, то вообще не допустят к старту. Нон-стопы собирают множество зрителей. Газеты, и не только спортивные, отводят солидные площади под отчеты о нон-стопах: детальный репортаж с результатами отдельных спусков, с анализом и прогнозами, фотоснимками.

Пишут ли столь подробно о тренировках в каком-либо другом виде спорта?!

Для французов, хозяев Олимпиады 68-го года, то были Игры Килли: сумеет ли он обогнать всех и в спуске, и в гиганте, и в слаломе? Жан-Клод сумел! И стал национальным героем. Для австрийцев, принимавших Олимпиаду-76, то были Игры Кламмера: покажет ли он наивысшую скорость в гонке, где стрелка «спидометра» колеблется от ста километров в час и выше? Франц показал! И с одной золотой медалью стал национальным героем.

В социалистических странах ныне горнолыжный бум. Раньше всех он начался в Польше. После войны на их знаменитом курорте Закопане мы тренировались вместе с хозяевами трасс. Как приходили к фуникулеру, так сразу и садились в кресло. Сейчас туда и не подступиться, толпы страждущих ждут не дождутся, чтобы попасть в Заветную Кузницу — верхнюю станцию большого подъемника.

Горные лыжи проложили свои маршруты и по Советскому Союзу — от заполярных Хибин до тянь-шаньских ледников, от лесистых Карпат до камчатских вулканов!

А ведь не так давно катание на лыжах с гор воспринималось у нас почти как экзотика. Сегодня по силе притяжения это мощнейший магнит.

Горные лыжи доступны людям практически любого возраста и любого физического развития. Словом, кто сам ходит по земле, тот может и скользить на лыжах с гор. Особые рекомендации и тем более ограничения ни к чему.

На горные лыжи ставят детей трех-четырех лет. Мчатся с гор мужчины и женщины в расцвете лет и пожилые.

И те, кто со спортом давно на «ты», и знающие о нем разве что из газет.

Известных авиаконструкторов Ростислава Белякова

и Гая Северина, ректора Московского медицинского института Владимира Петрова я опасался в дни нашей молодости как грозных соперников. И сейчас они смотрятся на склоне изящно, чисто скользят. Горнолыжный отдых предпочитает хирург Лев Успенский. Гигиенист Август Летовет еще до войны ходил по горам в альпинистской связке и катался на горных лыжах. Встречал в кавказском поселке Терскол, нашей горнолыжной Мекке, крупных ученых из Дубненского ядерного центра, академиков. Поэт и артист Юрий Визбор не упустит возможности съездить в горы. Он попробовал заглянуть за кулисы нашего спорта, написал песни к художественной ленте о горнолыжниках и сыграл роль тренера.

Перед войной в Хибинах спортсмены дублировали лыжные спуски главных действующих лиц в фильме «В тылу врага». Своими силами обходился только артист Петр Соболевский. Добрый и отзывчивый, он почему-то всегда играл роли вражеских офицеров. Так было и на сей раз. Он снимался вместе с Николаем Крючковым, которому неизменно доставались роли положительных героев. Спустя десять лет после войны там же, в Хибинах, мы участвовали в съемках кинофильма «Алитет уходит в горы».

Вы часто наблюдаете спортивные состязания на голубом экране. Интересные ракурсы и многократные повторы создают подчас более полное представление о структуре момента, нежели то, что имели бы вы, сидя непосредственно на трибуне. Гость же стадиона горнолыжного бывает только в выигрыше! Хотя в состоянии увидеть полностью лишь слаломную трассу, большую часть прохождения гигантского слалома и меньшую — скоростного спуска, три с лишним километра которого и всемогущее телеоко не осиливает целиком: то скала мешает, то обрыв, то чащоба лесная.

Как экранизация романа или повести может в редчайшем случае лишь сравняться с оригиналом, так и телеповествование с любыми техническими ухищрениями и живым комментарием в принципе не способно передать игру скоростей, солнца и света.

Горные лыжи захватывают вас прелестью, ощущаемой с момента знакомства.

Вот только бы научиться управлять собой на лыжах.

Вот только бы решиться на спуск.

Оказывается, у этой зимней сказки страшное начало. Боязнь крутизны и скорости переполняет вас. Стыд и срам! Эка невидаль — холмик. Детишки вон как резвятся и женщины скользят изящно. А вы стоите. И ни с места. Роль лыжника-статуи коробит вашу гордыню. Но вот решились. Бросились вниз, как в омут. Одолели страх, и в награду — радость от искрометного скольжения.

Надя, героиня рассказа Антона Павловича Чехова «Шуточка», каталась с молодым человеком на санках и с замиранием сердца ждала, когда же студеный ветер, обжигая, донесет заветные слова любви. И ради этого решалась на спуск с «высокий горы». Робость, ее преодоление, головокружение от гонки, внизу радость свершения и наверху снова робость... То, что пришлось Наде пережить в «ясный зимний полдень», ведомо влюбленным в горные лыжи, которым круговорот разноликих чувств написан будто на роду потому, что на более высокой скорости или горе покруче прежней все начнется сначала.

Вряд ли имеются достоверные сведения о том, где и когда зародились горные лыжи. Да так ли это важно. Считается, что начали норвежцы. У меня дома стоит кубок Холменколленских игр с изображением спускающегося лыжника, по виду которого ясно, что действие происходит несколько веков назад. В начале нынешнего столетия лыжный спуск поставили на спортивную основу жители равнинной Великобритании, а потом за дело

взялись австрийцы. Так что Чехов не мог своих героев прокатить на лыжах с горы в 1886 году, когда писался рассказ. Но ощущения, которые дарит снежная скорость, передал удивительно точно.

А что сильней пугает — наклон горы или убегающий из-под тебя снег? В альпинизме спуск бывает пострашней восхождения, когда поворачивашься к круче лицом, глядишь подолгу в пропасть: ох, высота-то какая! Скорость многолика, одна и та же на стрелке спидометра, она ощущается по-разному на асфальте и проселке, при настежь открытых и наглухо закрытых окнах машины.

Горнолыжник мчится, ощущая выбоины наста. Он открыт всем ветрам, даже в самый тихий день. Скорость под ногами ощутима как нигде.

Погоня за абсолютной скоростью в сути своей гипертрофирована, вынуждая смельчаков пребывать на лезвии слишком уж острой бритвы и рисковать сверх всякой меры. Притом что рост этой «чистой скорости», фиксируемый на ста метрах заглаженного, отполированного крутого склона, — одна из иллюстраций бурного горнолыжного прогресса:

Начало 30-х годов. Итальянец Лео Гасперль — 136 километров в час.

Начало 80-х. Американец Стив Маккини — 201 километр в час.

Только на секунду представьте это. Где же вы могли испытать что-то хотя бы отдаленно похожее? На шоссе — нет, вы же не автогонщик; на железной дороге — тоже нет, если только не присутствовали на испытаниях; на взлетной полосе аэродрома — да, ближе к концу разгона. Но там за вас трудятся серебристый лайнер и экипаж, вы же сидите в мягком кресле.

А тут — вы и лыжи, высекающие на снегу скорость 201 километр в час!

Горные лыжи завоевывают мир!

И сам мир горных лыж хорошеет день ото дня, расцвечиваясь и без того богатой палитрой эмоций.

Иной очевидец в восторженном порыве решит, что вот он финишировал, герой дня, а в действительности его избранник еле-еле замкнул второй десяток. Специалисту куда легче ориентироваться. Я чисто визуально определял результат с точностью до десятых долей секунды после того, как кого-то одного «брал на секундомер» и получал точку отсчета.

«Парадокс часов», открытый Альбертом Эйнштейном, гласит, что время в движущихся объектах течет медленнее. Горнолыжникам знаком и прямой и обратный эффекты. От характера человека и манеры катания зависит многое. Рациональные, не теряющие головы на трассе, точно оценят, на какой отметке замрет стрелка. Азартные, «заводные», часто находящиеся на грани риска, могут и впросак попасть: чисто пройдут, нигде не смажут, и на тебе, пожалуйста, — грустно глядеть на табло; а в другой раз они же где-нибудь с трудом устоят, клясть себя будут, а табло высветит отменный результат.

Есть и очный спор, когда бег времени отступает на задний план: двое одновременно стартуют по двум идентичным, рядом проложенным трасам — и все ясно без оглядок на табло и прислушивания к словам судьи-информатора. Зрелищно, что и говорить. Спортсмены охотно завершают параллельным слаломом программу Кубка мира.

Лыжного акробата снежный бугорок выбрасывает, как катапульта. Он летит по воздуху и вытворяет, что душа пожелает: кувырки, сальто, пируэты... Приземляется как ни в чем не бывало на лыжи и несется дальше. Такое в Альпах можно часто увидеть. Но вот кадры телехроники поведали о том, что в московском районе новостроек Бирюлево на берегу пруда любители горных лыж нашли для себя летнюю утеху: разгоняются по кру-

той короткой синтетической дорожке, устланной на холме, взлетают с маленького трамплина, исполняют сальто и приводняются...

Элегантная пара спускается по ровному пологому склону, он держит ее за талию, и они кружатся... в вихре вальса. Другой ритм разносят многоваттные усилители, и новые па исполняют другие представители «фристайла» — свободного стиля. Получают оценки и выясняют, кто лучше всех воплотил мелодию в пластику на лыжах. Это течение становится модным и у нас.

Настоящие лыжные карнавалы устраиваются в Альпах и других горных странах, где мерятся силами порой национальные команды. Аттракционы, один другого оригинальней и азартней. Зимняя забава на радость тысячам людей.

Если не получалось у тебя на слаломных трассах, не горюй! Попробуй себя в лыжной акробатике. Или займись танцами на лыжах. А есть еще снежный слалом на байдарках с гор...

Богат горнолыжный мир! Пробуй. Ищи. И непременно найдешь то, что по душе.

Те, кто идет на лыжах с рюкзаком за спиной через перевал, разве это не горнолыжники? Горнолыжники. Путешествуют под облаками, то забираясь на гребень, то бороздя лыжами пушистый целинный снег... Подъем — спуск, подъем — спуск... Это же эмбриональное состояние горнолыжного спорта на заре его развития. До войны в стране не было канатных дорог, и мы тем и занимались, что после каждого спуска на своих двоих топали вверх.

Горнолыжники всякие нужны!

И такие, как швейцарец Салдан, японец Миура, Аграновская с Камчатки, — тоже.

Салдан посвятил жизнь подъемам на горные вершины и спуску оттуда на лыжах по таким кручам, где и классные альпинисты испытывают немалые трудности.

И что ни спуск, то первопрохождение. Конкуренты изумить мир у швейцарца есть, и весьма достойные.

Три года готовился Юхиро Миура к спуску с Эвереста.

На старте он был спокоен и уверен:

«Для меня путь в долину только этот».

А по завершении невиданного доселе спуска ему пришлось потрясти головой, несколько раз стукнуться шлемом о лед, только после этого Юхира убедился в том, что цел и невредим.

Признаюсь, я поначалу не поверил сухим строчкам сообщения ТАСС о спуске с Эвереста.

Эверест покоряли. Спустился с Эвереста на лыжах только один — Юхиро Миура. Еще вопрос — что же сложней и почетней: подняться в связке или спуститься в одиночку? Дебаты по такому поводу излишни. Кто-то поднимается на Эверест, а кто-то с него спускается на лыжах. Те и другие покоряют главную вершину планеты Земли.

Альпинизм давно называют школой мужества.

Горные лыжи вполне заслуживают того же звания.

Искусный и отважный японец признался:

«Я вовсе не супермен. И не одержимый скоростью. Я нервничаю даже, когда иду пешком, и машины слишком быстро или слишком близко проносятся мимо».

Ольга Аграновская спустилась на лыжах с пика Ленина.

А годом раньше на тренерском совете федерации дискутировался вопрос о включении Оли в состав сборной страны. Я, признаться, возражал: она не отличалась чистотой скольжения.

Зато робостью Ольга не страдала. Это, видимо, наследственное: родители — «снежные барсы» (высочайший титул в альпинизме), что скорей всего и привело к идее о лыжном покорении вершин. Здесь, на памирских ледниках, громко зазвучало имя Аграновской.

Миура и Аграновская совершили казавшееся невозможным. А сами-то обычные люди. И потому не перестаем мы восхищаться их дерзостью.

Французские журналисты подсчитали, что горные лыжи всего лишь седьмые по степени опасности среди всех видов спорта. По их выкладкам наиболее устрашающим оказалось регби. Но игра цифр и чисел под названием «статистика» кое-что существенное упустила. Травма травме рознь. Регбисту вывихнут, случается, сустав, в худшем варианте — и такое бывает — сломают ребро. На снежных склонах бывают и трагические происшествия.

Горные лыжи наряду с массой прелестей содержат в себе и немало опасностей. Говорю это не в порядке нагнетания напряженности, просто не могу себе позволить умалчивать такое: слишком дорого обходится переоценка своих возможностей и незнание природы гор.

Нет мелочей в горах.

Спускаться надо сообразно своему умению и разуму. И все тогда будет в порядке.

Впрочем, совсем риск исключить нельзя. Да и нет без него горных лыж.

ВОРОБЬЕВЫ ГОРЫ

Пионеров зарождавшегося горнолыжного спорта давали разные географические районы: Горький — первого чемпиона страны по слалому Владимира Глассона; Ленинград — чемпиона 38-го года в скоростном спуске Михаила Химичева. На Уктусском среднегорье близ Свердловска в 1934 году стартовали лыжные турниры всесоюзного ранга, в которых участвовали поначалу и гонщики, и прыгуны с трамплина, и горнолыжники.

Кто у нас стал первым обладателем нового, горного типа лыж, определить трудно: летописцы, как правило, упускают из виду такие трудно фиксируемые, а потому и весьма спорные факты. Еще в 20-е годы — это уже известно — на Воробьевых горах пользовались лыжами, ставшими прообразами слаломных.

Над склонами, террасами спускающимися к Москве-реке, раскинулось село Воробьево. В бараках у самой

реки жили те, кто обслуживал любителей санной езды и лыжной забавы, толпами приезжавших в своего рода центр зимнего увеселения на окраине города. Летом же во дворах, что наверху, на убранные скатертями столы выставляли нехитрую деревенскую снедь и продавали прогуливающейся публике парное молоко, свежие сливки, пончики, пирожки, только что сорванные ягоды и фрукты. Сразу за околицей простирались до горизонта поля и леса Подмосковья.

А рядом с Воробьевом находилась деревня Потылиха. Даже на масленицу воробьевские парни с ближайшими своими соседями не дрались «стенка на стенку». Настолько все было единым и неделимым.

Воробьевы горы.

Здесь, на юго-западной окраине столицы, мужали будущие «первые номера» нашего горнолыжного спорта. И какие!

Вадим Гиппенрейтер, Александр Филатов, Евгения Сидорова, Виктор Тальянов, Любовь Волкова, Талий Монастырев, Галина Сидорова, Нина Меркулова...

На их долю падает добрая половина всего «золотого запаса» чемпионатов страны вплоть до начала 70-х годов.

Слаломисты с «Воробьевки» осваивали и настоящие горы, занимаясь попутно наиболее доходчивой пропагандой — наглядной. Приезжая очередной раз в грузинский поселок Бакуриани или в заполярный город Кировск, они обнаруживали, что следы их лыжные не засыпала метель, что бороздят снежную целину Кохты или Вудьяврочорра те, кому эти горы видны из окна родного дома. После войны увлечение лыжными спусками распространилось за Уральский хребет, открывались места, просто созданные для горных лыж. Ныне по географии этого вида туризма и спорта можно познавать страну.

А все-таки жаль, что не услышать сейчас гордого признания, звучавшего как пароль: «Я — воробьевский!»

На месте села Воробьева зеленеют аллеи университетского сквера. Избы Потылихи сменили многоэтажки Мосфильмовской улицы. Только церквушка по-прежнему напоминает о старине. Это участь окраин бурно развивающихся городов. Ничего тут не поделаешь.

«Воробьевка» — отчий дом для наших горнолыжников, потому что все начиналось здесь. И негоже забывать об этом памятном уголке земли. Без сегодняшних дел и забот нет завтрашних свершений. Истинно и то, что происходящее сегодня предопределено деяниями прежних поколений.

Всё ли мы берем на вооружение из наследия наших предшественников?

Со станции метро «Ленинские горы» сквозь огромные стеклянные витражи хорошо видны слаломисты всех возрастов. И радость они получают ту же непреходящую, что и мы в свое время.

С короткого разгона мы на лыжах подпрыгивали и цеплялись за сучок липы, по инерции тело продолжало движение вперед, а мы пытались удержаться. Не хватало одного, зато главного: азарта, риска, лихости. Увеличили разгон. И разогнались. Ромка Иоффе расшибся в кровь. Я подпрыгнул, ухватился за сук, но так и не удержался, улетев метров на пять и больно ударившись.

У реки, где сейчас финиш слаломной горы, стоял дощатый забор, и мы разгонялись, стараясь затормозить как можно ближе к нему. Кто-то вышиб головой доворотную доску в заборе. Так закончилось это развлечение.

И началось новое. До новых синяков и шишек.

Сколько же придумывалось игр на «Воробьевке»! Пусть мы при этом и превышали иногда допустимую степень риска.

Как народному гулянью не обойтись без спора в ловкости и силе, так и беззаботному детству нужны лихие

игры, позволяющие мальчишке почувствовать себя мужчиной.

А сейчас...

Ударил морозец, и зазвенел ледок. Под моими окнами хоккейные коробки. Глянул: опять пустуют. Работники ЖЭКа постарались для детворы, живущей на Фестивальной улице столицы. Все к твоим услугам, Юрка или Сережка, никаких сложностей: сделал уроки — и на лед! А площадки и утром и вечером удивляют тишиной.

Где шум и гам? Где спор горячий до хрипоты, до слез и даже легкой потасовки! Где очередь только за право выйти на лед и сразиться в честном бою? Забава зимняя и удалая где?!

И в соседнем микрорайоне схожая картина. А через ворота спортивного комплекса Центрального спортивного клуба армии девчонки и мальчишки шествуют с серьезными лицами на занятия в секции. То же на стадионе «Динамо», стадионе Юных пионеров, в бассейнах, залах.

Налицо разрыв между планомерными тренировками и дворовой забавой, с которой все начинается и без которой детство не детство.

И нам, взрослым, надо думать, как вернуть дворам бурление мальчишеских страстей и подарить детям и внукам нашим то, что развеселит, закалит и укрепит их, украсит их жизнь, — игру, катание от души на лыжах, на коньках, раздолье на морозе.

* * *

Иван Александрович Черепов и Андрей Андреевич Жемчужников, Валерий Ярышев и Дмитрий Делакур. Я благоговел перед ними. Они имели хорошую экипировку, обладали по тем временам техникой катания, непостижимой для меня, мальчишки. Черепов и Жемчужников выпустили первые горнолыжные пособия. У Жемчужникова левое колено плохо гнулось, было «сухим», и

при ходьбе он заметно припадал, но ходил в туристские походы даже по кавказским хребтам и перевалам и считался одним из лыжных корифеев.

В 1935 году я, слесарь пятого разряда с завода «Оргметалл», поступил в Высшее техническое училище имени Баумана. Пришлось забыть про лыжи — было не до них.

Окончив фабрично-заводское училище, я с трудом сдал вступительные экзамены. Чтобы одолеть общетехнические дисциплины — высшую математику, физику, начертательную геометрию, химию, — просиживал в читалках допоздна. Стипендии не получал. А на иждивении родных находиться стыдно было. Мне просто необходимо было добиться успеха на предстоящей сессии.

Зимнюю сессию второго курса я сдал хорошо. Появилась уверенность в том, что дальше специальные предметы одолею. И словно в подтверждение этому узнал, что мне назначили стипендию. Не ходил — летал на крыльях.

Случаются черные периоды невезения. Но ведь и радости иной раз выстраиваются чередой.

В вестибюле главного корпуса увидел объявление на ватмане: «Горнолыжная секция занимается на Воробьевых горах по вторникам, четвергам и воскресеньям. Руководитель — В. Нагорный».

Вот здорово! Нагорный считался признанным мастером.

Но я-то «дикий», воплощение анархии. Являться по расписанию и потеть «от и до» в новинку. Вольдемар Эргардович со своей педантичностью, постановкой далеких и близких целей, методичностью в большом и малом прививал мне серьезность и умение думать. Я рьяно восполнял серьезные пробелы в своем спортивном образовании. В техническом отношении я многое умел. По тогдашним, естественно, меркам.

Той же зимой 1937 года команда горнолыжников МВТУ выиграла первенство Москвы среди вузов, и в по-

рядке поощрения ректор выделил средства на поездку членов секции летом на Эльбрус.

Вольдемар Эргардович имел звание мастера спорта по горным лыжам и прыжкам с трамплина. Первым начал вводить специализацию, одним рекомендуя заниматься слаломом, а другим прыжками. Увлекался он и альпинизмом. Его воспитанники удачно сочетали восхождения к вершинам со спусками на лыжах.

Нагорного можно и должно считать основателем отечественного горнолыжного спорта. Нагорный привнес глубину и методичность в решение самых разных вопросов. Нагорный служил своеобразной осью, вокруг которой вращалось наше горнолыжное колесо.

Здоровья был он не богатырского. Носил очки с толстыми стеклами. Ощутимый в нашем деле недуг мешал ему постоянно. Перед стартом он старательно протирал стекла, но они все равно запотевали, ограничивая видимость и обзор.

Учился мой тренер всего лишь на два курса старше.

Вскоре наши отношения из чисто деловых переросли в дружбу. Вместе проводили досуг, ходили в театры, бывали в компаниях общих знакомых. Вольдемар и здесь давал мне «уроки» жизни — дорожить минутами, больше сидеть над книгами, словом, не транжирить самое ценное — время. Благодаря этим урокам я, несмотря на тренировки и состязания, выезды в горы, сумел получить диплом инженера без отсрочек. Накануне войны мы снимали учебный фильм по горным лыжам: сценарий был его, а я исполнял главную роль.

Грянула война.

— Дмитрий, — обратился ко мне Вольдемар, — на стадионе «Динамо» из спортсменов формируют специальные подразделения для отправки на фронт.

Да, именно от него я и узнал о наборе в ОМСБОН, где начал свою солдатскую службу.

Шли годы грозовые.

Еще гремели на западных направлениях залпы «катюш», когда Нагорный вернулся из эвакуации и собрал под эгидой ЦДСА, а потом «Динамо» цвет «Воробьевки»: Женю Сидорову, Сашу Филатова, Юру Скворцова, Славу Черкасова. И работал с ними так, как только он один и умел работать.

Еще отголоски войны чувствовались в повседневной жизни, когда Нагорный появился на трибуне ученого совета, чтобы защитить первую в области горных лыж кандидатскую диссертацию. Защита прошла блестяще.

Его теоретические разработки подтверждались успехами учеников, но что-то вызывало у меня сомнение. И с течением времени мы разошлись с Вольдемаром Эргардовичем во взглядах на технику горных лыж. Многие годы прошли под знаком конкуренции двух школ:

«Запятые Нагорного» и «Дуги Ростовцева».

Так окрестили наш длительный и принципиальный спор.

Учитель проповедовал вход в поворот из упора — ученик ратовал за возможно чистое начало поворота и скольжение на параллельных лыжах. У питомцев Нагорного рисунок поворота начинался с широкого следа и резкого перехода из поворота в поворот — лыжи моих воспитанников оставляли на снегу следы более плавные и узкие.

В спорах рождается истина. В спорте доказательство правоты сухо определяется цифрами, стоящими в протоколах против фамилий твоих подопечных.

Сколько раз превосходили соотечественников Женя Сидорова и Александр Филатов?

Множество. Великое множество раз.

Сидорова и Филатов — самородки, которых нашел и выпестовал Нагорный.

Результативностью своей деятельности Нагорный превосходил многих, работавших рядом с ним и обделенных умением собирать внутренние ресурсы в кулак, концентрировать усилия на достижении конкретной цели.

А Нагорный был и тренером и ученым. Коэффициент полезного действия у него поразительно высок.

Пятнадцати дней не дожил он до шестидесяти лет. Внезапно плохо себя почувствовал. Отвезли в больницу. Находясь еще в сознании, успел послать записку жене:

«Маро, я, наверное, отсюда не выйду. Сделай...»

Даже в таком состоянии он думал о делах.

* * *

Оглядываясь на прожитое, сознаю, что мне здорово везло в главном — в людях, которые меня окружали. Кто-то старше, кто-то моложе, а большинство ровесников — коллеги по учебе или работе, однополчане в военные годы. Почти всех объединяла любовь к горам и лыжам.

Начну с Савельева Владимира Петровича.

Вместе с моим старшим братом Петей он учился в школе на Пречистенке, ныне Кропоткинской улице, в доме Льва Толстого, охраняемом государством. С ними в 27-м году у меня был первый выход на «Воробьевку». Брат с Савельевым уже заканчивали школу, и я, десятилетний пацан, был им не ровня. Оба покрикивали:

— Иди обратно! Возвращайся сейчас же домой!

Шмыгая носом, я держался поодаль, интуитивно полагая, что таким образом меньше злю их. Перешли Москву-реку, надежно скрепленную у Потылихи льдом. Забрались на самый верх. И началось мое катание — восторг и робость пополам.

Разрываясь между работой и учебой, Петр появлялся на горе все реже, и я становился постоянным партнером его друга.

Катался Савельев на лыжах «Телемарк». Ясеневые, с узкой талией и широким носком, имевшим большой загиб. Тогда любили катание по целине и осваивали стиль поворота того же названия, что и лыжи. Сегодня в Европе очень популярны прогулки по целинным склонам,

где как раз техника «телемарка» крайне удобна в маневрировании на глубоком снегу.

Я не мог оторвать глаз от новехоньких лыж Савельева. На ноги он надевал черные, довольно жесткие валенки с калошами, тут мы с ним были на равных. Он скатывался вниз, и я вдогонку, вторя его движениям. На выкате у самой реки Владимир разворачивался и провожал меня взглядом и похвальным «о-оо!». Поворот «телемарк» я освоил на лету. Наши ременные крепления оставляли пятку свободной и позволяли с равным успехом идти по равнинной лыжне и скользить с горы.

Носясь по буграм заснеженного потылихинского леса, знаменитой Грачевки, Нескучного сада, я смирял мальчишеский пыл и стремился сохранить классический стиль высокой «арльбергской» стойки (Арльберг — гора в Австрии): плотно сомкнутые лыжи, нога к ноге, одна на ступню или чуть менее выставлена вперед. При скольжении на первозданном снегу, когда плотность покрова переменна, это положение ног повышает устойчивость и облегчает поворот.

Казалось бы, ну какой прок в том, чтобы расписывать да расхваливать стиль давно минувших лет. Но подлинно рациональное время не стирает.

Мастера 70—80-х годов — швед Стенмарк и наша Андреева, швейцарка Хесс и канадец Подборски, болгарин Попангелов и югослав Крижай, брат и сестра Венцель из Лихтенштейна и братья Маре из США — впитали все лучшее, что передали им в эстафете поколений норвежец Эриксен, австрийцы Правда и Зайлер, итальянцы Коло и Тони, наш Тальянов, француз Килли, австрийка Прелль и Миттермайер из ФРГ.

...Полвека длилась наша дружба с добрым, интеллигентным Владимиром Петровичем Савельевым. Крупный инженер-электрик, он занимался изоляцией линий высокого напряжения. Горные лыжи — его хобби.

— Ну, Дима, — чуть смущаясь, обратился ко мне Владимир Петрович года за два до войны. — Ты вот

чемпион страны уже. Я тоже хочу приобщиться к состязаниям.

Сторицей старался я отблагодарить своего первого учителя. Вскоре он официально получил звание мастера спорта, чему был несказанно рад.

Владимир Петрович в свои 70 лет близко к сердцу принимал наши проблемы, частый гость на заседаниях Всесоюзной федерации горнолыжного спорта. Высокий, как лунь белый, он был заметен с любого кресла в зале. Годы, быть может, и берут свое, да только не отнимают лыж: отпуск Савельев проводил на склонах Айкуайвенчорра в Кировске или на Чегете в Терсколе.

С Адрианом Овчинниковым мы учились в одном классе. Он был на два года старше меня (в школу я пошел с шести лет, а он с восьми), но это не мешало поддерживать и крепить равноправный мужской союз.

«Телемарки», о которых я мечтал, он имел. Крепления, о которых я мечтал, он имел. Ботинки, о которых я и не мечтал, у него тоже были. И, как ни жгла мальчишеская зависть, я все-таки любил находиться рядом, стараясь уж ни в чем другом не уступать. Адриан крепко стоял на лыжах, грамотно выполнял повороты, что в ту пору среди ребят было в диковинку. Получив прекрасное воспитание дома, мой друг демонстрировал тонкую культуру и в горных лыжах. И я тянулся к нему. Были у Адриана азарт и отчаянность, любил сам все попробовать, испытать себя, а заодно и меня. И падал он. И травмировался тяжело.

Накануне чемпионата страны 1938 года в Кировске он и Гиппенрейтер поднялись на вершину Кукисвумчорра. Снег там был сухой, а когда выкатились на высокой скорости на солнцепек, то угодили в раскисший наст. Оба упали. И, опираясь на костыли, поехали домой, «досрочно» завершив выступления.

...Ныне профессор Овчинников преподает архитектуру в столичном вузе и с особым удовольствием консультирует тех, кто проектирует горнолыжные комплексы.

Счастлив и тем, что встретил на своем пути Гришу Малиновского.

Милый романтик Гриша. По профессии художник-оформитель, он прыжками с трамплина увлекался, горными лыжами «горел», над фотографиями ночами корпел, небо любил самозабвенно и на чем только не летал. Получил орден боевого Красного Знамени за полеты в расположение партизанских отрядов. После войны, когда появились водные лыжи, Малиновский стал их пропагандистом, был членом московской федерации.

В 1951 году на девятые студенческие Игры меня направили вместе со специалистами по другим зимним видам спорта. Перед отъездом я прибежал к Грише:

— Понимаешь, еду в Румынию. У тебя есть узкопленочная кинокамера. Дай, если можешь, и научи пользоваться.

— О чем речь?! Вот она. Да ты не волнуйся, тут все просто...

С той поры фотоаппарат и кинокамера превратились в мой рабочий инструмент, как и секундомер, планы занятий, журналы с отчетами, отечественная и зарубежная периодика, графики, схемы. Мой архив завален фотоматериалами и кинограммами.

Кадры и сюжеты, отснятые при содействии Малиновского, имеют музейную ценность. Они помогали мне самому расти как спортсмену и как тренеру — растить своих учеников.

В моей кухне над дверью висит рекламный плакат: синее-синее небо и белый-белый снег, на котором итальянец Пьеро Грос выписывает лихой вираж. Сижу и смотрю. Одни только лыжи сколько поведают! Вот она — их вибрация, их врезание в поворот. Грос пишет

дугу, а сам подвешен в воздухе: левая лыжа почти восстановила свой прогиб, правая выгнулась в противоположную сторону. И снежный вихрь — свидетель высокой скорости.

На заседаниях тренерского совета и федерации специалисты докладывают с трибуны, и хоть бы кто-нибудь проиллюстрировал свои суждения, наглядно подкрепил бы их показом снимков или короткого киносюжета. А зря. Эта якобы дополнительная возня окупается сторицей!

...Одно время мы с Малиновским надолго расстались без всякого на то основания или повода. Такое случается в большом городе: «пропадают» добрые знакомые и даже друзья. Вновь нашел его, чтобы пригласить в Терскол судить армейские соревнования. Гриша есть Гриша. Годы не были властны над ним, он радовался жизни как ребенок.

Гриша Малиновский из мира горных лыж — творческого, содержательного, разноликого, в котором было чему поучиться друг у друга.

Лыжниками в этом «мире» звались и прыгуны с трамплина, и двоеборцы, и мы, горнолыжники. Из того же мира и Миша Лебедев. Мой кумир.

Я пристально наблюдал, как он ровно и мощно бегал на лыжах, птицей парил над трамплином и ловко крутил слалом.

В феврале 38-го я еще не был чемпионом страны, но уже являлся чемпионом столицы. На зимнюю Спартакиаду профсоюзов в Кавголово под Ленинградом я прибыл, навьюченный слаломными, прыжковыми и равнинными лыжами. Слалом я там выиграл; полет с трамплина вытянул лишь на 42 метра; осталось пробежать два девятикилометровых круга для двоеборья. Столь длинную дистанцию я прежде не бегал.

Скользил я на гоночных лыжах устойчиво, может, и красиво, но у меня совсем отсутствовал опыт в испытаниях на выносливость. Со старта я рванул. Километр,

второй шел нормально. Но уже на третьем скис. Чувствую, кто-то на пятки наступает, слышу сопение. Стартовавший значительно позже меня Лебедев зычно требует:

— Митя, дорожку!

Дал себя обойти. И вскоре Миша исчез из виду... А накануне он победил в прыжках.

Я еле переставляю ноги. Лыжня петляет меж деревенских дворов. Вдруг чертовски захотелось есть. По моим расчетам где-то поблизости находился питательный пункт. Горячие пирожки и бутерброды поплыли миражом перед глазами. Когда лыжня вынесла меня к заветным столам, они были пусты — компания прыгунов, бежавших впереди меня, успела продемонстрировать там свой отменный аппетит. Я, горемычный, выпил только полстакана теплого кофе, сил не прибавилось, и понял, что снова круг не одолеть. Срезав по лесу метров семьсот, доплелся к финишу и с позором признался судьям в своем бессилии.

А почтение к Мише Лебедеву возросло еще больше. Он победил и на лыжне.

Завод, где он работал, в войну эвакуировали в Томск. Там Михаил остался жить и после Победы. От рядового специалиста вырос до главного инженера. Когда удавалось выкроить время, ездил в разные уголки Сибири судить соревнования.

В начале 30-х годов криком моды на Воробьевых горах считалось катание на лыжах с одной палкой и непременно одетым в жилетку от «тройки». Таким предстал передо мной Максимов, которого все звали просто Макс. После войны он работал врачом в знаменитой футбольной команде ВВС. Наши пути, что удивительно, пересекались чаще в зрелом возрасте: мы жили по соседству.

Горячую, искреннюю, чистую любовь к спорту сохранил Максимов. Уже будучи в годах, пристрастился к баскетболу, регби, охотно судил матчи. Атмосфера честно-

го единоборства была ему необходима как кислород. В отставку он вышел полковником, но все это ничуть не меняло характера члена нескольких федераций, настоящего общественника. Таких, абсолютно бескорыстных, служителей физической культуры должны мы беречь. Они — здоровье нашего спорта.

Много лет подряд меня выбирали и в тренерский совет, и во Всесоюзную федерацию горнолыжного спорта. Работа там, как говорится, для души. На заседаниях федерации собираются специалисты в области спорта, ученые, производственники, журналисты, принося с собой огромное желание быть полезным. Федерация — орган общественный, который создан для помощи руководству, для того, чтобы благотворно влиять на решение самых разных вопросов развития твоего любимого вида спорта. Удается ли это на деле? Увы — далеко не всегда и не в полной мере.

Обогащали мою жизнь и соперники из числа тех, кому я «бросал перчатку» на склоне, питая чувства взаимного уважения и симпатии, что вкупе и определяет дружбу. Они были разные — прилежные и с ленцой, волевые и слабовольные, думающие и бесшабашные.

«Тенью Ростовцева» прозвали ленинградца Семена Ялокаса. Отличный слаломист. И в спуске был силен. А судья-информатор объявлял: «Ростовцев — первый, Ялокас — второй». И чего там скрывать, иной раз ясно представлял себе, что сегодня ни в чем я Семена не превзошел, и разделяли-то нас мгновения.

В 45-м году своенравная «госпожа удача» и без меня сыграла с ним на редкость злую шутку. Я находился еще на фронте, Семен вернулся раньше и вновь решил испытать себя на склоне. По рассказам очевидцев, на чемпионате СССР он блестяще проехал слаломную трассу и безоговорочно претендовал на успех. Ялокас раньше всех остановил бег секундомера, а чемпионом не стал.

Хронометристы умудрились обсчитаться ровно на круг, который отмерила стрелка секундомера и который равен полминуте!

Случай нелепый и обидный.

Ялокас создал прекрасную горнолыжную школу в Кавголове под Ленинградом. Во многом становление Кировска как горнолыжного центра связано с деятельностью Ялокаса. Он написал хорошее учебное пособие. Вообще потрудился на славу.

Семен фанатично любил дело, а не себя в нем, разбирался в тонкостях техники и методики, был последователен в действиях. В наших горных лыжах мало таких людей.

В 1938 году в Кировске впервые появились грузинские ребята. Сандро Гвалия сделал всем нам подарок, привезя с собой студента архитектурного института Ладо Месхишвили и только-только получившего аттестат зрелости Левана Панджакидзе. Им, прибывшим в Заполярье из солнечного края, очень хотелось показать свой национальный колорит, заодно доказав, что они тоже кое-что умеют.

По технике и скорости оба смотрелись хорошо, лучшего оставляла желать стабильность. А маленький и верткий как юла Леван вообще утер нам нос — серию частых поворотов он демонстрировал с таким огоньком, что склон казался сценой, на которой он исполнял лезгинку: туловище сохранял неподвижным, а ноги так и мелькали в частоколе слаломных флажков, тогда еще маленьких по высоте даже для него. Потом я целый год тренировал этот прием, пока что-то начало получаться. Спустя двадцать лет для него было позаимствовано у французов название «годиль». На прощание Сандро Гвалия подарил нам ворсистые носки, связанные в Сванетии:

— Генацвале, на многие годы от солнечной Грузии!

Носки с годами износились, а дружба только крепла.

С Леваном мы бок о бок работали в его родном Бакуриани в Школе военного альпинизма и горнолыжного дела.

«Мужчина номер один» — так многие звали Ладо Месхишвили. Высокий, стройный, с мужественным лицом. Образован, интеллигентен. И джентльмен в любых ситуациях. В 1938 году он был чемпионом республики по горным лыжам и по боксу. Впоследствии он автор уникальных сооружений — Дворца спорта в Тбилиси, сельскохозяйственного института, гостиничного комплекса в Пицунде. В щедром на изысканные вина и дары природы кавказском застолье традиционные тосты кажутся мне иногда пресными. Когда же рог поднимал мой ровесник Ладо, то я знал, что услышу не обычную здравицу, а гимн жизни, в котором тонкие мысли сплетутся, как виноградные лозы, с добрыми чувствами, и каждое слово, тон и жест будут кстати.

Когда бы я ни вспоминал о Грузии, перед глазами Ладо Месхишвили.

Извергающие жар и пугающие близостью жерла вулканов Камчатки, вершины Кабардино-Балкарии, реки и озера Карелии... Красоты родной земли запечатлены в оригинальных ракурсах, съемка произведена с таких площадок, до которых и добраться сможет не каждый.

Автор фотошедевров — Вадим Гиппенрейтер. Мастер среди мастеров. Вот портрет Гиппенрейтера-горнолыжника.

Элегантная, раскованная стойка, узко поставленные лыжи, дуги плавные и вместе с тем смелые, рискованные. Зачастую вылетал с трассы, зато когда уж добирался к финишу, то попадал в число лучших. Первым с «Воробьевки» Гиппенрейтер был провозглашен чемпионом СССР. Было это в 1937 году, когда впервые проводился скоростной спуск. Спустя два года он повторил свой успех.

Свободный художник по натуре, а впоследствии и по роду деятельности, Вадим открыто презирал настойчивые, интенсивные тренировки, когда пот градом льет. Но его стиль катания оказал на меня влияние.

Гиппенрейтеры испокон веков жили на Потылихе. Юнцом пристрастился Вадим к фотоделу. И со спортом расстался довольно рано.

Среди тех, с кем бок о бок мяли целину, пробивая тропы к вершинам, братья Преображенские занимают особое место. Владимир являлся достойным соперником в борьбе за чемпионские титулы, Юрий был уважаемым коллегой по работе со сборной страны. Оба относились к горным лыжам как настоящие спортсмены, оба — заядлые туристы.

Выросли Преображенские на подмосковной станции Турист, среди лесистых холмов и деревень Шуколово, Деденево, Муханки, Парамоново. Просторы эти манили, и две предвоенных зимы я было предпочел их «Воробьевке». Но слишком продолжительными оказывались поездки на пыхтящем паровозе — студенческий запас времени был весьма ограниченным. К тому же по-настоящему спортивными были тренировки только здесь, на берегу Москвы-реки. Разница в отношениях к строгому спортивному регламенту и физическим нагрузкам мешала нашему сближению с братьями. Правда, Юрий, послуживший во флоте, лучше понимал меня, с Володей же расхождения во взглядах были ощутимей.

Удивительно несхожи они, братья Преображенские.

Юрия вряд ли можно было отнести к спортсменам, щедро одаренным от природы. Он компенсировал это неиссякаемым упорством. Когда Юрий Сергеевич работал государственным тренером, мы частенько сходились в словесном бою. Разногласий по принципиальным вопросам хватало, но каждый, оберегая собственное достоинство, уважал и чужое.

Владимир был большим мастером. Он был истинный многоборец, как большинство спортсменов той поры. На чемпионате СССР 1947 года впервые был проведен слалом-гигант, где он показал лучшее время. Его техника была неброской, зато результативной. И не случайно в альбоме, выпущенном мной в 54-м году, ему отдана не одна страница.

Володя закончил медицинский институт и клиническую ординатуру. Совмещал спорт и приобретенную специальность. Работал тренером и врачом. В роли старшего тренера сборной женской команды СССР участвовал в подготовке к Олимпийским играм в Кортина д'Ампеццо. За несколько дней до старта Сидорова на тренировке тяжело травмировала плечо. Он делал все, чтобы Женя могла дать сражение знаменитостям. И в час олимпийского испытания она появилась на горе. Бронзовая медаль была Евгении Сидоровой наградой за мастерство и бойцовский характер, а Владимиру Преображенскому — за чуткость, знания и терпение.

Он был медиком по образованию и по призванию. Работал с прославленной хоккейной дружиной, с пятиборцами. Затем ушел в журналистику. Его материалы по физической культуре и здоровью нарасхват. Дружеским и квалифицированным советом помогает он детям и взрослым. Как ни загляну в редакцию журнала «Физкультура и спорт», обязательно застану заместителя главного редактора Владимира Сергеевича Преображенского, заваленного кипой писем от читателей с пометкой «Доктору ФиС»: такой у него оригинальный псевдоним. Сейчас мы понимаем друг друга лучше, чем в молодости.

* * *

В 1937 году студенты МВТУ под руководством Нагорного отправились с лыжами на Эльбрус. Это была настоящая экспедиция, причем не из легких. Двое суток

в поезде, затем многочасовая тряска в кузове грузовика по булыжнику и грунтовке от Нальчика до Тегенекли. Далее изнурительный подъем в гору, когда, сгибаясь под тяжестью рюкзаков, мы гнали на Старый Кругозор караван ишаков, груженных дровами, керосином, провиантом. А выше, до «Приюта 11», переносили сами весь груз, включая тяжелые лыжи, впервые окантованные железками (собственного, правда, изготовления). Через три недели немытые и небритые, с кровоточащими губами, но всласть накатавшиеся, мы спустились вниз.

В тот первый выезд на Эльбрус Нагорный твердил без устали, что вокруг коварная снежная целина и под ней часто попадаются замаскированные трещины, что пренебрежение к горам плохо кончается, бумерангом возвращаясь и наказывая сполна.

Скольких бы глупостей избежали мы, внимай вовремя добрым советам!..

Под вечер, выписывая длинную дугу под «Приютом 11», я попал на трещину, прикрытую вытаявшим и потому рыхлым, ноздреватым фирном *. Опора под ногами резко ослабла, лыжа с коротким хрустом провалилась вниз, и я рухнул, точней — нырнул вниз головой в полужидкую кашицу из снега и воды. Целина замуровала меня. Чудом на поверхности остались пальцы, державшие палку. Ими, еле согнув руку, я прокопал до рта отверстие, позволившее глотнуть воздуха. Глотнуть один только раз: я зацементировался в вязком фирне, который после моего вклинивания стал как бетон.

Совершенно случайно вслед за мной спускался Миша Соловейчик — новичок в горных лыжах, но отличный парень, попавший в состав группы в самый последний момент. Заподозрив неладное, он круто затормозил и волной снежной хляби захлопнул калитку в свет — ту дырочку, что я прокопал в насте. Положение безнадежное. Хорошо, Миша быстро среагировал. Разгреб

* Фирн — плотный крупнозернистый слежавшийся снег.

снег и высвободил меня из снежного плена. И вовремя. Я уже начал задыхаться.

В тепле «Приюта 11», разомлевший, я чуть ли не бравировал своим ЧП. Как, однако, коротка память...

Горы есть горы. Они наказывают больно. Титулы и звания, мастерство и опыт, интуиция — все это, сложенное воедино, не гарантирует безопасность, если ты пренебрежительно отнесся к стихии.

Польская альпинистка Ванда Руткевич, покорившая Эверест, едва не погибла. И где — на Эльбрусе. Здесь же пять человек разбрелись и потерялись в пелене тумана.

Таков Эльбрус. Гладкий, снежный. Сахарная голова, да горький привкус...

У каждого поколения свои трудности, свои радости и огорчения. Мы знали и умели куда меньше тех, кому сегодня двадцать лет. Зато и обходились малым, самым необходимым, требовать какие-нибудь льготы за спортивные достижения — такое было нам просто неведомо. Наши взаимоотношения строились на полном доверии, и, может быть, поэтому команда становилась настоящим коллективом чаще, чем это случается ныне.

Летом, за год до войны, мы решили разбить лагерь не на Эльбрусе, а на перевале между ущельями Адыл-Су и Адыр-Су. Тренировочные циклы состояли из пяти дней: три на леднике, два в альплагере «Молния». Продукты, дрова, керосин, палатки, спальные мешки и лыжи поднимали на своих плечах.

Действовал закон, заимствованный у альпинистов: из питания ни грамма больше нормы и всем поровну. Завтрак, обед, ужин — в определенные часы. Дежурные варили и жарили, раздавали по мискам. Рациона нам хватало, и не было случая, чтобы кто-то взял лишнее. Иначе конченый ты для коллектива человек.

Особо ценным продуктом считались крутые яйца. И сытные и сохраняются хорошо: ночью мороз, днем

в тени прохлада. Сложили их в семилитровую кастрюлю и оставили «на потом».

Потекли, побежали чередой будни.

Смотрим и глазам своим верить отказываемся — яйца-то исчезают! Тает день ото дня наш неприкосновенный запас.

Молчим, будто в рот воды набрали. Подозрением боимся обидеть друг друга, но кто-то ведь лакомится... А ребята все проверенные, испытанные и в горах и в походах.

В разгар полуденного пекла свободные от дежурства по кухне и прочих обязанностей загорали на огромных валунах. Я подстелил спальный мешок и улегся. Ненароком бросил взгляд на кастрюлю и обмер: яйцо само перебралось на волю и продвигалось посреди темно-бурых скал. Перегрелся я, что ли? Я встряхнул головой и с опаской посмотрел на расщелину, в которой скрылся белый шарик. Как разведчик у переднего края противника, затаился и стал ждать. И тут из-за камней показались маленькая головка, коричневая шкурка, черный хвостик — горная ласка. И я толкнул в плечо соседа:

— Только тихо, посмотри вон туда — не пожалеешь.

Ласка теперь уже публично стащила несколько яиц. Хохотали мы от души. Да и от сердца отлегло: никто из нас, значит, не самовольничает тайком.

Но в горах часто бывает не до смеха. Суровый и прекрасный край строго спрашивает с человека. Так было, так есть и так будет. Сегодняшний день приносит множество подтверждений этому.

...Летние занятия в Приэльбрусье были в самом разгаре. Находились здесь представители различных сборных и ведомств. В тот день мы, армейцы, собирались заканчивать тренировку к двум часам. Приблизительно в это же время канатно-кресельная дорога начала бесперебойно доставлять на вершину Чегета отдыхающих из санаториев Пятигорска, Минеральных Вод, Кисловодска.

Внезапно из-за гор набежала туча, мокрой крупой повалил снег, завыл ветер.

У верхней станции подъемника столпились одетые в летние платьица женщины с плачущими детьми, пожилые люди. Сюда же, закончив тренировку, ринулись и спортсмены. Спортсмены в тяжелых и теплых ботинках, в кожаных перчатках и шапочках, в комбинезонах из эластика, защищающих от ветра. И эти парни стали оттеснять попавших в беду. Пришлось срочно созвать армейских тренеров и в резкой форме пресечь недостойное поведение этих «спортсменов». И под облаками ты, если мужчина, обязан оставаться на высоте. Спорт и жизнь нельзя разделять так, чтобы где-то слыть достойным, а где-то пятнать свое имя.

И в этих же горах — перед войной и после того, как отшумели залпы, — жили мы в палаточных лагерях, дружбы и верности познавая цену. Я плохо представляю себе, чтобы кто-нибудь из нас, студентов-бауманцев или членов сборной страны, оттолкнул ребенка, женщину, старика.

Вероятно, сегодня и воспитывать сложней. Тоньше стала эта главная в спорте работа. Но от того и на йоту не потеряла она своей значимости.

Потому что человек должен оставаться человеком, какая бы пурга ни бушевала вокруг.

Великая Отечественная завершилась для меня в августе 45-го переходом через Хинган. По возвращении в Москву и зачислении в Центральный Дом Советской Армии я рвался в бой спортивный: как участник и как тренер... На только-только выпавшем снегу до одури тренировался на кавголовских холмах под Ленинградом (ноябрьский сбор армейских горнолыжников решили устроить там). И я «дошел до ручки»: мышцы одеревенели, исчезло ощущение лыж в повороте, я превратился в неумеху и вконец растерялся. Никак не мог понять, что же это происходит — из кожи вон лезу, а получается все хуже и хуже?! Невдомек мне было, что перебор-

щил с нагрузкой. О том, что такое перетренированность, я тогда и понятия не имел.

Не было бы счастья, да несчастье помогло.

Жена моя Лола на тренировке упала и оказалась в ближайшей больнице, в Токсове. Я ежедневно наведывался туда. Поутру надевал слаломные лыжи и прямиком через лес и поле за час добирался к ней. Я сидел, она лежала, и мы болтали о том о сем, заверяя друг друга в том, что все у нас скоро образуется: Лола выпишется из больницы, а ко мне вернется власть над лыжами. На обратном пути, еще засветло, я шел на гору — спущусь разок-другой, постою, опершись на палки и грустно посматривая по сторонам. Две недели тянулось ее выздоровление, а я неожиданно ощутил легкость в теле, оно вновь стало управляемым. Немного спустя я выиграл первенство столицы, а к концу зимы 46-го и скоростной спуск первого послевоенного чемпионата СССР.

Жонглер, прогулявший день-другой, теряет чувство предмета, с которым творил чудеса. То же справедливо и для слаломиста, чей «предмет» — лыжи.

Так возникло у меня правило: хоть чуть-чуть, но при возможности каждый день побыть на лыжах. Вошло это в привычку и среди моих подопечных.

До очередного чемпионата страны оставалась неделя, а член армейской команды Валерий Борисов был в совершенно «разобранном» состоянии: не хотел тренироваться, уверяя, что чувствует себя вялым и каким-то разбитым. Я не верил ему — так сложилось, что перед этим у Валерия целая неделя прошла без лыж. Почти силком выгонял спортсмена на снег. И ставил ему замысловатые комбинации ворот, на что слышал ворчание и жалобы. Так, в разногласиях, провели мы с Валерой те дни. Он смотрелся все лучше и лучше. И на чемпионате страны оказался сильнее всех.

Бывает, после больших нагрузок, перенапряжения человек не отошел еще, ему хочется сидеть, лежать, от-

дыхать пассивно, а лучшее средство воскресить легкость, тонкое чувство лыж — это продолжать, пусть и в малых дозах, движение.

Я раньше считал и сейчас полагаю главным элементом мастерства горнолыжника — его техническую подготовку. Поэтому всегда уделял ей основное внимание и когда сам выступал в соревнованиях, и в тренерской работе. В первые послевоенные годы с учебными пособиями было негусто, приходилось до многого доходить самому. И как следствие — не всегда удачные поиски и решения.

После войны горьковчанин Вениамин Тюрин, хотя и не состоял в команде ЦДСА, тренировался со мной. На войне его ранило в ладонь, и ему как-то неловко было держать лыжную палку. Но не это, как мне казалось, мешало ему в технике поворотов, а то, что он в момент сопряжения дуг не переносил вес тела с одной лыжи полностью на другую, что считалось почти обязательным в те годы. Веня в 1947 году уже стал чемпионом СССР по слалому, а я все продолжал его «доучивать»...

И невдомек мне было, что своей техникой он опровергал догмат «запятых», требовавших резкого перескока с ноги на ногу при входе в поворот из упора внешней лыжей. Вениамином Тюриным были заложены основы техники поворота из упора внутренней лыжей, обеспечивающей более мягкое начало дуги. Окончательно я это понял спустя несколько лет, когда мне попала в руки маленькая книжечка, написанная чемпионом мира 50-го года итальянцем Зено Коло, — там на фото я увидел такой поворот!

И понял, что напрасно пытался переучить Тюрина. А когда в 1955 году на предолимпийской неделе в Кортина д'Ампеццо мне посчастливилось быть очевидцем спуска Зено Коло, тогда уже экс-чемпиона мира, я понял, к каким вершинам мастерства нам предстоит добираться. Его искрометный, агрессивный стиль прохождения скоростного спуска казался недосягаемым.

Одно время меня занимала проблема — как на скоростном спуске при других равных условиях выжимать побольше «оборотов»? Свести к минимуму сопротивление воздуха. Вот путь к успеху! Из газгольдерной ткани я склеил конус, который должен был заполнять то пространство за спиной, в котором на высоких скоростях образуется вакуум. Тугие струи воздуха обтекают корпус гонщика и смыкаются за ним не сразу, получаются завихрения, которые и тормозят.

В Кировск на чемпионат страны 47-го года я прихватил с собой ценное «изобретение». И применил его, заранее предвкушая успех. Какой же это был примитив! Правда, скорость повысилась. Но на одном из бугров меня подкинуло вперед ногами, я упал на спину, и конус со звуком пистолетного выстрела хлопнул. На удивление я не сломал даже лыжи, вскочил, отряхнулся и финишировал. Проиграл, ясно, вчистую! Глупо устраивать такое испытание на главном старте зимы, а иной возможности, как рискнуть на чемпионате страны, тогда и не было. Думается, и упал я оттого, что к новым скоростям оказался не готов.

В начале 50-х годов началось освоение Чимбулака. Скорый поезд Москва — Алма-Ата шел пять с половиной суток. Плюс день отъезда и день приезда. Целая неделя выпадала из тренировок. Неделя! А ехали в далекий край, между прочим, ради скоростного спуска. Лучшей трассы я и сегодня не вижу в стране.

Мы тогда еще не применяли специального упражнения — подкачки ног в низкой стойке. А мысль беспокоит: как же форму-то поддержать? Решил делать упражнения, пока еду. Только вот где: в купе ребята засмеют, а в коридоре пассажиры примут меня за умалишенного. Устроился в тамбуре. Вагон болтает из стороны в сторону, а я как на лыжах в стойке спуска упруги сгибания-разгибания ног делаю. Довожу количество повторений до ста и возвращаюсь в купе.

У меня мышцы ног переболели в дороге, а ребята

мучились там, на склонах Чимбулака, — многие падали перед финишем от усталости.

По материальной вооруженности наш горнолыжный спорт всегда отставал от велений времени. В какой-то мере исключение составил послевоенный период благодаря трофеям, захваченным у неприятеля.

Для действий в горах Кавказа фашисты запаслись горнолыжной экипировкой, конфискованной в оккупированных странах. А когда наши войска погнали их от Орджоникидзе на запад, в одном из тупиков станции Минеральные Воды был захвачен эшелон с лыжами, креплениями, палками.

Мы, представители Закавказского фронта, узнали об этом. Из бакурианской Школы военного альпинизма и горнолыжного дела в Минводы срочно направили офицера с солдатами. И спустя некоторое время «кукушка», три часа ползшая от Боржоми до Бакуриани, доставила большую партию инвентаря. Как мы ликовали! С каким удовольствием разгружали вагоны, перетаскивали содержимое на склад и там сортировали по размерам, моделям и маркам. Не все лыжи имели стальные канты. Попадались итальянские лыжи из крупнослойного ясеня, так похожего на гикори *, что и специалисты не сразу разобрались, что к чему.

Отныне курсанты школы обучались на лучших предвоенных марках лыж.

Жаль, не везде инвентарь тот сберегли. В 1949 году от ЦДСА я был направлен в Казань, где находились крупные вещевые склады. На огромных открытых всем ветрам стеллажах лежали тысячи пар окантованных лыж. Еще не установили крепления, еще даже не покрасили лыжи, а канты уже проржавели — для спорта эти лыжи были потеряны. Крепко я там повздорил с начальником склада:

---

* Гикори — высокие (до 50 м) деревья из семейства ореховых.

— Вы хоть понимаете, что храните? Цены ж нет этим лыжам!

— Да?! А что в них ценного, если на таких лыжах и ходить-то нельзя!

Пришлось ему рассказать в двух словах о горных лыжах.

На складе было изобилие разных мазей. Особенно хороша оказалась итальянская, приготовленная на основе вара с добавлением парафина и воска. Около двух тысяч банок упаковали для ЦДСА. Конечно, армейцы пользовались ею, сколько хотели. Но у ребят были друзья на «Воробьевке», и скоро все мазались черной твердой мазью. И прыгуны с трамплина пользовались этой мазью, которая совершенно не «держала».

Едва я вернулся из Казани в столицу, как получил наряд на получение 500 пар лыж в городе Чкалове, ныне Оренбурге.

Там меня встретили и дали провожатого. Шли мы долго, последние дома города остались далеко позади. Вижу на сотни метров вправо и влево забор довольно странной конфигурации, не пойму, из каких досок он сделан. Ускоряем шаг. На огражденной территории под открытым небом высится огромная куча лыж. Подходим ближе. Горит костер. Вокруг него сидят несколько рабочих: то ли перекур, то ли обед. А в костре... лыжи.

— Зачем вы их сжигаете? — спрашиваю в надежде, что мне просто померещилось.

— Да ну их, эти чертовы лыжи. В них даже гвоздь не идет!

Забор-то они сделали из лыж. А те, из гикори, бранясь на все лады, бросали в огонь. Склад на окраине Чкалова представлял собой «выставку» самых разных моделей и образцов: «Грезвиг», «Карху», клееные «Кнайсслы» и «Остби». Из огромной кучи я легко отобрал 500 с лишним пар лыж. Армейцы пользовались ими вплоть до 55-го года.

Так что трофеи бывают и спортивные.

В 1948 году на Олимпийские игры в Санкт-Мориц от нашей страны послали наблюдателей. Специалисты по равнинным гонкам прихватили с собой сильного спортсмена Валентина Матюшенко, который «прикидывался» на тамошней лыжне: мог бы он выдержать темп олимпийцев или нет? Вспоминаю об этом с улыбкой, ведь одно дело бежать без нагрудного номера на каком-то участке, а другое — перегореть на старте и потом бежать полсотни километров в окружении конкурентов. Из горнолыжников поехал лишь один тренер. По приезде он резюмировал:

— Зря горнолыжники не участвовали. Филатов мог бы выиграть слалом!

Минуло менее месяца, и руководство отправило целую лыжную команду на традиционные Холменколленские игры.

Хорошо выглядели наши прыгуны, особенно Юрий Скворцов. За успешное выступление в лыжном марафоне Миша Протасов получил звание заслуженного мастера спорта.

Мы же, горнолыжники, очутившись в Норвегии, быстро осознали, как сильно отстаем от скандинавских и других европейских спортсменов. Трасса спуска в Нурефиеле. Да мы такой и во сне не видели: длинная, извилистая, в лесу, кое-где скалы торчат, проходы узкие... Только на третий день тренировок мы с трудом запомнили трассу. Михо Гавва в день испытания после команды «Гоу!» продержался метров двести до контруклона, откуда его выкинуло на молодые деревья. С треском промял Михо себе дорогу в чащобе. Бросились туда спасатели, а он появился где-то значительно ниже и, отряхнувшись, сошел с трассы.

Стоя на старте и дожидаясь своей очереди, я решился пройти всю трассу вариантом норвежца Стейна Эриксена. Он скользил на лыжах своей фирмы и, загружая жесткие носки, четко «резал» виражи, спрямляя

путь и экономя время. Моя же трофейная пара имела мягкий носок да и вообще отставала от новых моделей уже на целое десятилетие. Риск превысил допустимую меру и потому еще, что наиболее быстрый вариант я не отрепетировал. На середине трассы среди густого леса было два крутых поворота. Выходя из первого, левого, виража и не вписываясь в дугу, я увидел выступ состняка, который неотвратимо несся прямо на меня. Как я там заметил метровую щель — не знаю. Инстинктивно сманеврировал, нырнув туда, и выскочил на правый вираж. Вдогонку мне раздалось многоголосое «А-ах!» стоявших за ограждением зрителей и спасателей — военных санитаров со специальными санями-волокушами с собачьими упряжками.

Мне показалось, что самое страшное позади. Отлично прошел створ между скал, по-эриксеновски срезал четыре виража. До финиша оставалось совсем немного, совсем чуть-чуть. Выезжая к спаду, находившемуся рядом с опорой линии электропередачи, я попытался слегка погасить скорость, поставив лыжи немного в упор, но и моргнуть не успел, как в такой позе меня резко катапультировало. Шлепнулся я на плоское место — стекла очков вдребезги, из носа кровь пошла. Кое-как поднялся. И коньковым ходом, толкаясь палками, преодолел оставшиеся пологие две сотни метров.

Оказавшись лучшим среди наших, я занял 25-е место и уступил Эриксену 25 секунд.

Руководитель нашей делегации Иван Исаевич Никифоров видел картину моего падения, но видел он и то, как я шел по трассе. Поэтому на вечерней беседе упреков в свой адрес я избежал.

Боль во всем теле не давала вечером заснуть. И в одном эпизоде минувшего дня память назойливо требовала разобраться.

В Нурефиеле фуникулеров не было, и мы, цепляясь по пять-семь человек к кузову военной американской машины на гусеничном ходу, тащились по проселочной

дороге к старту. Мы не могли видеть, кто и как идет трассу. И после очередного спуска я решил, что полезу-ка лесенкой рядом с трассой и присмотрюсь к корифеям. А то, пока сам нащупаю верный путь, пора будет укладывать чемоданы.

С полчаса, наверное, простоял я около той опоры, будто предчувствуя сегодняшнюю беду. На моих глазах швед Олле Дальман сделал что-то загадочное— метров за пять до спада он вдруг, как заяц, подскочил и сгруппировался в полете, «облизал» спад и мягко приземлился на крутую его часть.

Это и был опережающий прыжок. Но ни осмыслить тогда, ни тем паче претворить его я не успел. Дома я вплотную занялся этим элементом. С Гришей Малиновским мы сняли несколько кинограмм, опубликовали статью об этом прыжке. И все запрыгали. Когда надо и когда не надо. Особенно увлеклись прыжками с появлением переводной книги, где этот элемент назывался «оптракен».

Главным в горнолыжной программе Холменколленских игр считалось двоеборье. Назавтра мы переехали в Осло. На горе Холменколлен участников ожидала трасса слалома.

По итогам двух попыток я показал десятое время, а лучшим опять стал Эриксен. Сумма в двоеборье была у меня 16-я. Участников же всего было 64. Призы, стандартные кубки различной величины, традиционно вручались 25 процентам стартовавших.

Так я оказался последним среди награжденных и первым из наших горнолыжников, получившим спортивный «трофей» за рубежом.

Вечером команду пригласили в посольство на прием. Это была теплая, душевная встреча с соотечественниками. Возвращались мы поздно. Вот и наша гостиница. Нажимаем кнопку звонка. Ворчит старик привратник, скрипя ключом в замке. Переводчик втолковывает ему, кто мы и что мы здесь живем. В вестибюле, подоткнув

подол, моет пол пожилая женщина, которая, заслышав объяснения переводчика Миши, бросает это занятие и не сводит с нас глаз. Такое впечатление, что принимает нас за привидения. Переводчик что-то ей говорит.

— Обычное явление, — объяснил нам потом Миша.— Она в шоке, что русские не в длинных домотканых рубахах, перепоясанных пояском с кистями, и что ножей в зубах нет, да и бород не видно.

Оказалось, в те годы буржуазная пресса часто публиковала подобные карикатуры на советских граждан и до того одурачивала людей, что они порой ничего иного себе и не представляли. Изумление переросло в замешательство, когда выяснилось, что это не просто русские, а вдобавок горнолыжники, представители «аристократического» вида спорта.

...Миниатюрный кубок с изображением викинга, спускающегося на лыжах с колчаном за спиной, — так и остался этот скромный приз самым для меня дорогим из всех спортивных наград.

ЗЕРКАЛО СКОРОСТИ

Прикноплены к кульманам листы ватмана. Будущие инженеры склонились над ними, вычерчивая прямые и кривые, которые должны в точности соответствовать расчетам.

Горнолыжники тоже чертят, на белоснежном полотне выписывая дуги — короткие и длинные, тонкие и широкие, красивые и с изломами, смазанные. И нет ничего полезнее, как сразу же после спуска медленно пройтись снизу доверху по следу, оставленному тобой на снегу, и изучить его.

По выражению лица спортсмена стараюсь прочесть, что он думает, переживает, к какой скорости стремится. Я вовсе не физиономист. Иногда ошибаюсь в людях. Зато на склоне достоверно распознаю, кто есть кто.

Лицо горнолыжника — прямое зеркало, в котором без прикрас отражается картина единоборства с трассой, со скоростью. Чувства, их оттенки читаются на лицах. И не перечесть масок лыжной скорости.

Спорт привлекает нас многими гранями, каждая из которых требует проявления различных черт характера. Любой человек, вставший однажды на горные лыжи, будет вести бесконечный спор со скоростью. Кажется, чего проще — разогнался как душе угодно и... Но попробуйте управиться с собой, приручить земное притяжение и укротить снежный вихрь! В постоянном противоречии между стремлением к быстроте и «уговорам» подсознания быть поосторожней каждый проявляет себя отчетливо и правдиво. Словно в зеркале, можно увидеть собственное отражение — увидеть таким, каков ты есть в единоборстве со скоростью.

Шведа Ингемара Стенмарка представлять легко — кто же о нем не знает, и сложно — разве упомнить все его титулы. Рациональный, современный стиль. Недюжинные физические данные. Продуманная до мелочей тактика. Редкое самообладание. Это все о Стенмарке.

Он не любит скоростной спуск — суровое испытание мастерства, а еще больше характера. Совсем не участвует в состязаниях и объясняет это тем, что все силы и время отнимают слалом и слалом-гигант.

Петлять в слаломном лабиринте по нраву Ингемару Стенмарку. Любит он ювелирно скользить и через ворота гигантского слалома. Ему принадлежит рекорд по количеству выигранных этапов Кубка мира. История знавала эпохи норвежца Эриксена, австрийца Зайлера, француза Килли, итальянца Тони, швейцарца Рюсси. Ныне в слаломе и гиганте равнение держат на шведа Стенмарка.

Для того чтобы идти на слаломные флаги, своя смелость нужна. А вот на скоростной спуск решимости у него, по-моему, не хватает.

Это не умаляет величия Ингемара Стенмарка, который действительно пребывает в цейтноте из-за слалом-

ных стартов. Правда и то, что американец Фил Маре несколько раз обходил его в общем зачете Кубка мира благодаря участию и в скоростном спуске.

Даже финишируя «надцатым», Стенмарк получал бы дополнительные очки за «комбинацию»: спуск и слалом (или гигант). И, вполне возможно, еще одно объяснение заключено в словах, которые на редкость немногословный швед повторял многократно: «Для меня любое место, кроме первого, — неудача, поражение, провал». И значит, претит его натуре покидать, пусть и ненадолго, слаломные трассы, где он служит эталоном мастерства, и появляться на трассе спуска.

Слаломисты вообще часто открыто признаются, что скоростной спуск — занятие не для них.

И среди «скоростников», если приглядеться, найдутся лихо преодолевающие пространство и те, кто помышляет в основном, как бы в целости да сохранности пройти трассу.

День скоростного спуска — центральный в программе любого турнира. Именно в этот день на международных соревнованиях собирается наибольшее количество зрителей.

На рекламных щитах или обложках журналов в четырех случаях из пяти изображен мастер скоростного спуска.

Призеров трое. Так принято в спорте. А в спуске отмечаются десять сильнейших.

И пятого среди них в альпийских державах неофициально приравнивают к победителю в слаломе или гиганте.

Не сыскать отчаянней парней, гоняющихся за «чистой скоростью» на плато Монте-Роза в Чирвинии: на абсолютно гладком, прямом и коротком участке двести километров в час показывают. Подумать только! Но ни владелец рекорда (201, 230 километров в час) американец Стив Маккинни, ни партнеры его никогда высоко не котировались на трассах скоростного спуска, где не

обойтись без полетов и спадов, крутых виражей и «трещоток» на мелких волнах-ямах.

И в слаломном частоколе, и в гиганте знавал я удачу чаще, чем в спуске, но именно скоростной спуск считал и считаю суровой правдой горных лыж.

* * *

Кировск, год 1947-й.

Медленно, внимательно осматривая трассу спуска, близлежащие камни, деревья и кустарники, поднимается в гору группа парней. Лыжи у них из прочной тяжелой древесины, края окантованы стальными пластинками. Крепления металлические. Ботинки с толстой подошвой намертво прихвачены длинными ремнями. У одних на лыжах камусы, у других снегоцепы, а кто-то просто обмотал лыжи веревкой для того, чтобы они не проскальзывали назад. У кого нет приспособлений против отдачи, тот вынужден взбираться «лесенкой», «елочкой» или зигзагами, затрачивая на это много сил.

С горы Вудьяврчорр придется нестись по трассе 2700 метров со скоростью местами свыше 100 километров в час. Тут каждый бугорок становится своеобразным трамплином, а незамеченный вовремя камень, дерево или кустик рядом с трассой могут и вовсе вызвать катастрофу. Поэтому так тщательно все и запоминают детали трассы.

Подъем начали с финиша — к нему сверху вела узкая лесная просека с большим изгибом, начинающимся из горловины в скалах. Это место завалено снежными глыбами. Ветер обстрогал эти глыбы, они стали похожи на схваченные морозом волны. На скорости «волны» будут трепать тебя, и ты промчишься только по их верхушкам, испытав серию сильных ударов по ногам; пологий вираж, на который ты взбираешься несколько минут, пролетишь в секунды, и он покажется тебе таким крутым, что, стиснув зубы, надо будет сильно кан-

товать лыжи, иначе тебя вынесет наружу, где подстерегают два огромных валуна.

Поднимаемся дальше. Густой кустарник. В нем вырублена просека до четырех метров шириной. Здесь длинный пологий участок. На пути встретилась оживленная толпа — это болельщики, уже облюбовавшие себе место на естественной трибуне. Отсюда хорошо видны крутой склон длиной свыше 300 метров и на нем контрольные ворота. Чтобы попасть в них и затем угодить в горловину, придется сделать поворот.

Подъем такой крутой, что никакие приспособления уже не помогут. Ничего не остается, как взбираться «лесенкой».

Выше широкий «лоб» с торчащими по бокам камнями. Густо усыпано желтыми флажками — предупреждение об опасности. Среди камней ветками обозначен кривой коридор, и кое-кто высматривает, как его спрямить, чтобы выиграть в расстоянии. Правда, это риск, но чего не сделаешь для победы!

Видна уже вершина. К ней ведет хороший, открытый склон с крутизной до 15 градусов. Тут установлены трое контрольных ворот для прохождения трассы виражами, ограничивающими нарастание скорости. Прямую, идущую от старта, пересекают гряды наметенного снега, и, как ни старались мы их разбить, разровнять, ничего не вышло.

Вот она — вершина горы Вудьяврчорр. Во все стороны открывается величественная панорама. Подковой стоят вершины, окружающие озеро Вудьявр, — оно прямо под нами, примерно на полкилометра ниже. Вдали, в дымке, расстилается тундра. Виден рудник, где добывают апатит. Змейкой извивается электрическая железная дорога.

Связисты уже протянули нитку от финиша, и стартер по телефону докладывает главному судье, что участники поднялись на вершину. Дают пробные стартовые команды для проверки линии и секундомеров.

Остаются считанные минуты. Лихорадочно подмазываем лыжи, туже перешнуровываем ботинки. Надеваем защитные очки.

Спуск предстоит серьезный. Впервые судьи решили испытать наши силы на такой длинной и быстрой трассе.

Стартует первый номер, второй, третий, четвертый...

Пока лучшее время у Михо Гаввы из Грузии — 2 минуты 08,6 секунды.

...Внимание! Марш!

Толчок, еще, еще... Принимаю низкую стойку, чтобы уменьшить сопротивление воздуха. Скорость растет, свист в ушах усиливается, а веточки, расставленные по бокам трассы, сливаются в одну сплошную линию. Начинает сильно кидать, для большей устойчивости ноги ставлю пошире. Удар, другой, третий — тряхнуло так, что коленом ударил в челюсть. Позади остались гряды обледенелого снега.

Подхожу к первому виражу. Сквозь щели под очки попадает ветер, и глаза начинают слезиться. Стараюсь не моргать. На пологих «блинах» получаю еще одну основательную встряску. Приближаюсь ко «лбу». Высматриваю желтые флаги — коридор меж камней. За ним — круто вниз 300-метровый склон. Здесь сцепление лыж со снегом становится ничтожным, встречный порыв воздуха с силой отдирает меня от снега. Полное ощущение, будто в полете. В таких условиях очень трудно сделать дугу. На выходе под склоном, наоборот, сильно прижимает. Дальше 400 метров косого спуска, очень устает правая нога, хочется привстать, но тогда потеряю скорость, а ее не так-то легко снова набрать! Промелькнули кустарники — значит, впереди горловина между скал. На буграх лавины предпочитаю все-таки привстать: иду на потерю долей секунды, лишь бы не упасть и не испортить все дело.

Пролетел горловину, близко финиш. Опять сажусь, «выжимая» последний вираж мимо валунов, — осталась одна прямая просека. Судья взмахнул флажком.

Щелкнули секундомеры. Делаю последнее усилие для остановки. Стою покачиваюсь, ноги сводит от напряжения.

Время — 2 минуты 08,6 секунды. Такое же, как у Гаввы!

Пересекает финишный створ ленинградец Шестаков, но не может свернуть, чтобы остановиться, и падает. Ноги отказывают ему. Заканчивают спуск сильные мастера Ялокас, один из братьев Тюриных — Вениамин, Кустов, Тимошенко. У них почти одинаковый результат, но почти на шесть секунд хуже нашего.

Это было сверх всяких ожиданий, чтобы при тогдашних огромных разрывах в результатах секундометристы дружно зафиксировали два одинаковых, и притом лучших, результата. О том, как поступать в таких случаях, в правилах указания отсутствовали: подобного ведь еще не бывало.

Руководил горнолыжным спортом специалист по лыжам равнинным Алексей Бычков:

— Золотая медаль всего одна. Надо решать, кому ее вручить.

Я предложил:

— Присвоить первое место и звание чемпиона обоим. А медаль, медаль разыграть на орла и решку. Вот и все.

— Нет, так нельзя. Надо переиграть!..

На другой день вышли на старт. Ночью выпал снег. Ворота со вчерашней трассы были убраны, но Бычков и здесь нашел выход из положения:

— Укоротить трассу.

По жребию разыграли, кому стартовать первым. Выпало мне.

И началась катавасия.

Главный судья Георгий Филиппович Ершов и мы с Гаввой надели лыжи и пошли. Лесенкой топчем целину. Вскоре Михаил снял лыжи и пошел пешком. Остались мы с Георгием Филипповичем вдвоем. Я топтал

снег, он бегал из стороны в сторону и сочинял трассу. Именно сочинял. Сам не будучи горнолыжником, он и не чувствовавал кривой поворота. Я пробовал как-то корректировать:

— Филиппыч, крутовато ставишь.

— Филиппыч, опустил слишком.

Вскоре его терпение лопнуло:

— Ваше дело топтать — мое ставить! Кончайте с советами!

В результате какая-то горе-кривая получилась.

Старт оборудовали сами. Стартера не было. Телефонной связи тоже. Древки без флажков стояли, основным ориентиром служил мой след «лесенкой». Словом, все правила нарушены. Ершов вдруг побежал вниз, передвигать ворота, а где-то и добавлять новые. Это уж вообще никуда не годилось — ведь мы должны трассу знать досконально.

Дали мне по Мишиной отмашке старт. Толчок, разгон, вираж, второй вираж... Ершов поставил здесь еще одни ворота, явно лишние. Я промахнулся мимо них и долго не мог остановиться. Огляделся. Тащиться обратно было далеко и бессмысленно, и я, сложив ладони в рупор, прокричал на финиш и на старт:

— Сошел! Сошел я!

А снизу мне скандируют:

— Давай дальше! Давай дальше!

Уговорили.

Поднялся до пропущенных ворот и поехал. Выкатываюсь к финишной прямой и — о ужас! — на месте очередных ворот стоит толпа людей, машут руками, что-то кричат. Короче, с горем пополам финишировал.

Стартует Гавва. Секундомеры включались по его толчку палками! Видимость была хорошая.

Первый и второй виражи проходит по моему следу, скорость у него заметно выше моей, и он не вписывается в след, вылетая на целину точно в том же месте, что и я. Но, помня о том, как долго я останавливался, спе-

циально падает, чтобы сократить обратный к пропущенным воротам путь. Сразу вскакивает и мчится дальше по моей лыжне. И тоже едет прямо на толпу. Пробивается через нее и финиширует. Время Михаил показал меньшее, и домой он возвратился чемпионом.

А я зарубил себе на носу: никогда не отказывайся от борьбы! Ничего нельзя предугадать! Пока я кричал о том, что сошел, и потом медленно поднимался, как раз и набежали секунды моего проигрыша.

В начале 50-х годов сильнейших горнолыжников начали собирать на склонах Чимбулака, что чуть выше катка «Медео». Многое у меня с этим местом связано.

Здесь я вкусил горечь поражения, когда считался фаворитом. Но горечь та не жжет мне душу потому, что уступил я в тяжелейших условиях человеку, на редкость достойному, и мастеру, которого бы узнал по одному только лыжному следу.

То был скоростной спуск в условиях, когда туман окутал трассу так, что фактически видимость стала нулевой. В самой гуще тумана я инстинктивно чуть подстраховался на двух, трех виражах, притормаживая и всматриваясь в мглу. А Гай Северин словно вооружился мощным прожектором на голове, высвечивавшим ему путь. Что определенно было у Северина, так это манера свободного скольжения и агрессивный стиль.

Гай превзошел меня по накату лыж в поворотах.

Что это дает на трассе спуска? Скорость!

Скорость — это «игрек» на графике движения. А чистота скольжения — «икс». «Игрек» зависит от «икса»: чем более плоско поставлена лыжа, тем быстрей она тебя несет по трассе. На прямых участках все стараются в обтекаемой стойке скользить на плоских лыжах, помягче обыгрывая микрорельеф — мелкие ямки, рытвины, бугорочки, наледи. Но трасса имеет массу разных поворотов, каждый из которых при заходе в него имеет

элемент плоского скольжения. Вот ключ к успеху! И в виражах надо скользить больше на плоских лыжах и меньше на кантах, писать повороты так, будто и не замечаешь их вовсе, будто продолжаешь нестись прямо во весь опор.

В скоростном спуске особенно продолжителен переход от плоско поставленной лыжи к закантованной. Вариаций на эту тему множество, а наилучшая была у Северина, который ни в слаломе специальном, ни в гигантском не блистал, зато в спуске был хорош!

Как-то разгорелась дискуссия по поводу плоского скольжения. Собственно, не столько спорили, сколько соглашались с веянием, пришедшим в 60-х годах от французов. А ведь еще в начале 50-х годов имелись у нас горнолыжники, владевшие этим элементом высшего мастерства.

Гай Северин являл собой образец самостоятельности. Студент Московского авиационного института, где была секция и не было квалифицированного тренера, он сам готовился, сам совершенствовался и сам настраивался перед стартом.

Сегодня Гай Ильич Северин заведует кафедрой в родном МАИ, он профессор, Герой Социалистического Труда. Не так давно награжден Большой золотой медалью Спорткомитета СССР за техническое содействие в экипировке альпинистов, покоривших Эверест. А по выходным дням на подмосковных холмах Гай по-прежнему на лыжах.

Молнией мелькнул он в спорте, чемпионом был лишь дважды. Так ведь значение имеет и то, что покоряются вершины, по каким отвесным стенкам взбираются на них. В молодые годы Гай совмещал работу в научно-исследовательском институте с лыжами, прыжками с парашютом и полетами на планере. Дефицит времени становился все острей, а на средний уровень в каждом из увлечений он не соглашался. И ушел с соревновательных трасс.

Минуло два года после моего поражения от Северина. И я благодаря тому, что извлек урок из этой неудачи, выиграл троеборье на Чимбулаке.

В марте 1953 года я там же, на Чимбулаке, проиграл все три вида. Проиграл из-за падений. После падений в слаломе и гиганте поднимался сам, а вот на спуске сильно разбился.

Отчего у меня так сразу все разладилось? Обычно перед стартом я бывал возбужден, что естественно. Но онемение мышц и тошнота были мне раньше неведомы. Возраст, возраст тридцати пяти лет. Война и годы тому причина.

По возвращении в Москву меня отправили в военный санаторий. Диагноз: нервное истощение.

Так, спустя семнадцать лет я финишировал на трассе, старт которой состоялся студенческой порой, когда повстречал на «Воробьевке» Нагорного.

Из «играющего» тренера я превратился просто в тренера.

* * *

Время действия — Олимпийские игры 1956 года.

Место действия — трасса скоростного спуска Стратофана в Кортина д'Ампеццо (Италия).

Начиналась она стометровкой средней крутизны, затем полуповорот с выходом к скале и метров 120 прямого, как линейка, и крутого, как стена каньона, участка, на выкате из которого набирается скорость за 130 километров в час (при том-то инвентаре!); затем пологая часть, в середине малозаметный бугор, с которого на скорости резко отрывает в воздух; нарастающая крутизна, две волны и подход к спаду; дуга налево и длинная дуга направо, крутой поворот и с полкилометра искривленная «труба» в лесу; резкая ступень-спад; серия бугров, узкий проход в сосняке и длинный пологий финиш.

Год назад на предолимпийской пробе сил неровности на трассе спуска были засыпаны снегом, и ребята резво проехали, никто не упал. А в час главного испытания из-за бесснежья рельеф обнажился, стал резким, сложным и местами опасным. Старт сдвинули к подвершинным скалам, в зону вечных снегов.

Там, у свежеструганого стартового домика под облаками, собралось более 100 претендентов.

Битва началась!

Вот ее хроника.

С трассы сходит член национальной команды Австрии.

На среднем участке дважды падает Виктор Тальянов, но встает и финиширует.

Сходит еще один австриец.

Геннадий Чертищев после спада не вписывается в левый поворот и вылетает под проволочное заграждение. Хорошо, там ни деревьев, ни камней не было.

На высокой скорости сильно подбрасывает на небольших буграх Сергея Шустова, и он теряет равновесие за 800 метров до финиша.

От команды Австрии осталось два участника, от СССР — один, во многих командах — ни одного.

На тех же буграх, где Шустов упал, трясло и Тони Зайлера, сильно трясло, но он выстоял и финишировал.

А ведь буквально перед самым стартом у него лопнул ремень крепления, и лишь за пять секунд (!) до своей очереди он успел его заменить. Остается загадкой, как это не выбило Зайлера из колеи. (Он стал в итоге трехкратным олимпийским чемпионом.)

Мощным толчком уходит со старта Александр Филатов.

Десять секунд... Полминуты... Минута... Полторы минуты... Две минуты... Вот Филатов на финишном выкате. Снизу передали (я был на старте), что продержался и устоял. Молодцом!

Нижнего участка я с вершины горы, разумеется, не

видел. По рассказам очевидцев, Филатов здесь подстраховался, чуть плужил. Правда, лед был и несло здорово, не случайно так много участников попадало. Он всячески стремился сохранить контакт лыж со снегом. Но Александр при своей кошачьей устойчивости мог бы, прибавив в скорости, моментами и совершать полеты, наверняка на финишных буграх отыграв несколько мгновений и показав еще более высокий результат.

Справочник «Все об Олимпийских играх» оправдывает свое название. Там значится: «Филатов Александр» («Динамо» — Москва) — 16-е место в скоростном спуске на VI зимних Олимпийских играх».

Минуло шесть лет.

Позади Олимпиада в Скво-Вэлли, где француз Вюарне выиграл скоростной спуск. Объясняли его успех главным образом обтекаемой стойкой «яйцо», которую он применил и сохранял даже в полетах. «Яйцо» так «яйцо». Его преимущества давно реализовал Ростик Беляков, а в броских названиях сквозит лишь реклама. Главное то, что Вюарне выдерживал это положение, находясь в воздухе, что тренер Оноре Бонне тут же окрестил полетом болида. А вот из-за примитивности и малочисленности трасс скоростного спуска в стране на сложных участках, где лыжи отрывает от снега, наши ребята действительно выглядели слабее, хотя смелости им было не занимать.

На это следовало обратить особое внимание в подготовке да заодно выявить недостатки некоторых ребят в преодолении сложных профилей. Целесообразность этого приходилось доказывать не на словах, а на деле. Тогда тренеры редко выезжали на международные соревнования и не могли ясно представить, что ждет их учеников в Альпах.

На тех же любимых мною чембулакских склонах мы проводили тренировки в преддверии чемпионата мира 1962 года в Шамони, где скоростной спуск изобиловал прыжками и полетами и считался одним из труднейших

в Европе. Судьба этой трассы была предрешена — теперь при возросших скоростях состязания здесь не проводятся.

А тогда на Чимбулаке трассу спуска наметили было простую. Я изменил ее направление, добавив «арык» у пересечения с канаткой и спад у ели, где обычно находился старт слалома. Преодолевать фигуры надо было на высокой скорости полетом в группировке.

Едва это сделал, как подходит ко мне тренер динамовцев Александр Петрович Филиппов и говорит:

— Ну чего ты Филатова зажимаешь?

— Никого не хочу зажимать. Просто хочу, чтобы ребята держали настоящий экзамен на поездку в Шамони. Трасса там — сплошные бугры и спады, да и скорость огромная.

Часто интересным местом на трассах спуска присваивают названия. Так и на Чимбулаке есть «верблюд» — профиль, напоминающий горб обитателя пустыни, и «ишак» — два резких, следующих друг за другом бугра, которые упрямо ограничивают скорость на этом участке, и «олимпийский вираж», и «арык». Арыков три — и три полета с них, как с трамплинов. Эти канавы поперек горы рыли давным-давно казахи-пастухи для того, чтобы ливневые воды не смывали почву с гор, а накапливавшаяся влага перетекала в ущелье.

Старт дан!

Один за другим помчались участники.

Зазвенел над горами голос судьи-информатора: «На трассе многократный чемпион СССР Александр Филатов!»

Смотрим: «ишака» преодолел, цепко приземлился за «верблюдом» и прямо покатил на «олимпийский вираж», раскрывшись, перелетел арык у опоры подъемника, и вместо того чтобы отдаться скорости, он встает в полный рост и начинает плужить, пятки его лыж раздвигаются, как закрылки самолета, тормозя что есть силы. Скрежещут стальные канты. Лыжи его я видел пе-

риферическим взором, а лицо помню отчетливо: от напряжения мышцы были стянуты.

Встал Филатов перед нами как вкопанный и дальше вообще не поехал. Спад оказался для него закрытым шлагбаумом.

Тормозом для полного проявления его смелости было неумение преодолевать сложный, опасный рельеф.

Зато стиль филатовский был отточен, он владел им в куда большей степени, чем отличавшиеся более прогрессивной техникой. И поэтому чаще побеждали не они, а Александр Филатов. Особенно это касалось слалома и гиганта.

Здесь мерило я взял наистрожайшее — скоростной спуск. Со шведом Стенмарком попроще: тот избегает спуска, и все. А как же быть с филатовским «золотом»?

Львиную его долю Александр имел в слаломных видах, в спуске же выигрывал «лишь» четырежды и в те годы, когда полеты на трассах были редки.

Чернышевский создал целую теорию разумного эгоизма как одной из движущих сил деятельности человека.

Без разумного эгоизма нет и спортсмена.

Филатов много имел козырей. Упорство, силу и отменное сложение. Был он родом с «Воробьевки», а значит, кататься на лыжах с гор было для него так же естественно, как ходить пешком.

Короток горнолыжный век: слишком юному не справиться с психологическим напряжением, умудренному опытом отказывает чувствительность мышц и притупляется боевой настрой. А Филатов и после того «нокаута» на Чимбулаке еще не раз становился первым, третьим, пятым. Александр Филатов — долгожитель в горных лыжах, каких, пожалуй, и не было у нас. И среди европейцев редко встретишь подобное. Я видел француза Жана Кутте на мировом чемпионате 54-го года, где он был лучшим среди своих, хотя еще в 38-м году был чемпионом мира в скоростном спуске. Шестнадцать лет

на элитарной орбите! Австриец Карл Шранц тоже долго держался на вершине.

Закончив выступления, Филатов попробовал работать с молодыми. Но тренерская доля оказалась не для него. А жаль. Пропал опыт большого мастера.

* * *

— Кристль Правда! Кристль Правда! Кристль Правда!

Восторг очевидцев летел в Земмеринге вдогонку... Сергею Шустову. В едином порыве люди из разных стран приравняли неизвестного парня к национальному герою Австрии.

Сережа Шустов напоминал его манерой скольжения, отдавая гонке душу и тело. Улыбка выдавала наслаждение скоростью. Этот крепыш лихостью обладал такой, что на трассах гиганта, тогда более длинных и скоростных, я читал на его лице чуть ли не физическую боль от того лишь, что нет никакой возможности разогнаться вовсю. Ну а в слаломном частоколе ему и подавно было тесно, неуютно. Правда, однажды на чемпионате страны Сережа очень быстро прошел первую трассу специального слалома и вполне мог рассчитывать на медаль. Чего нельзя было сказать обо мне, выступавшем тогда уже в роли «играющего тренера». Оценив столь неожиданную и благоприятную для моего подопечного ситуацию, я решил, что на второй трассе Шустову надо чуть-чуть умерить свой пыл: ехать, конечно, быстро и в то же время надежно. При этом суммарный по двум попыткам результат мог вывести его на пьедестал почета. Такова была моя установка перед стартом. К моему удивлению, он сделал все наоборот, помчался очертя голову и потерял равновесие еще на верхнем участке. Как выяснилось потом, мой совет был не единственным. Кое-кто из доброхотов нашептал, что, дескать, Ростовцев сам слабо прошел, вот и нарочно

тормозит тебя. Уговорить Шустова ехать на полной скорости было проще простого.

Как и любой другой тренер, я призывал под знамена сборной достойнейших из достойных.

А каков должен быть этот избранник? Есть ли объективные показатели, которые, будучи воедино собранными, назвали бы его имя? Нет! И не будет! Иначе спорт перестанет быть спортом.

Спорт — это жизнь. И, кроме мыслей и расчетов, здесь существуют эмоции и чувства, а стало быть, в принятии решения участвуют чутье, интуиция, личное восприятие предмета.

Задача была такова: есть «Петров», стопроцентно бывающий на финише; и есть Шустов, часто вылетающий с трассы, зато уж если блеснет, то по-настоящему. Спрашивается: кого из них посылать на важный международный старт?

Всемирные студенческие игры 1953 года значили тогда для нас многое. В спорткомитете обсуждается состав команды, называют кандидатуру Шустова. Слышу:

— Ну вот, случайные результаты.

— В слаломе слабоват.

— Да и в спуске не знаешь, чего от него ждать.

— Ненадежен.

— Нестабилен.

— Лучше взять «Петрова».

В пользу Сергея имеется один аргумент. И я прошу слова:

— «Петров» выиграть не сможет. Зачем нам его «надцатое» место. Шустов пройдет на несколько секунд лучше. Может и сойти. Не спорю. Но я — за шанс Шустова!

И Сережа отправился в Австрию, в Земмеринг.

Курорт, на котором было все, что только душа горнолыжная желала. Одного не оказалось — снега. О зиме можно было только догадываться. Доставка снега к полотну трассы вылилась в целую эпопею. Финишную

часть метровой ширины буквально слепили из тонкого слоя дефицитного материала. Мало того, полил затяжной по-осеннему и обильный по-летнему дождь. На финишном отрезке ко дню старта осталось два ледяных желоба как раз на две лыжи и хоть бы снежинка рядом.

Но все это были цветочки, ягодка находилась примерно на середине трассы: бугор, с которого могло выбросить на близстоящие вековые сосны.

На черно-белой доске из 64 клеток матовая сеть королю возникает зачастую не сразу, а плетется тонкими узорами, постепенно. И в горных лыжах причину аварии ищи выше того места, где потеряно равновесие. Не исключено, что все началось с мелких погрешностей на стартовых метрах, которые и привели к неудаче.

Чтобы избежать катапультирующего действия бугра, следовало под определенным углом выйти на него, и тогда полет получался бы вдоль полотна трассы, а не за ее пределы. Для этого на длинную дугу перед бугром следовало выйти поближе к ее внутреннему краю, заодно сокращая путь.

Догадывались об этом многие.

Решались на это единицы.

Прошел этим вариантом только один — Сергей Шустов.

И удостоился сравнения с Кристлем Правдой, — единственным до того дня так проходившим сложнейший участок.

Тот спуск в исполнении «нестабильного» и «ненадежного» Шустова принес нам серебряную медаль и явился предвестником новых удач.

Зимой 1955 года команда из трех мужчин — Филатова, Шустова, Тальянова и одной женщины — Сидоровой отправилась в Норвегию на Холменколленские игры, где в свое время мы столь плачевно дебютировали.

Многое изменилось к лучшему. Тальянов финиширу-

ет третьим в спуске, а Сидорова — третья в слаломе, вторая в спуске и первая в гиганте!

Участники жили в отеле почти на вершине горы. Рядом, на заснеженной площадке, поставлены пьедестал и флагшток, сюда же привезли духовой оркестр. Команды-участницы выстроены в каре. Над горами разносится:

— Победила Евгения Сидорова — Советский Союз!

Я стою сам не свой от радости, рядом Тальянов, Филатов и Шустов. Женя на пьедестале. На фоне бледно-голубого северного неба поднимающийся впервые в честь советского горнолыжника красный флаг. Звучит наш гимн.

Шустов стоит как натянутая струна. Флаг он видит только левым глазом, правый и вся голова забинтованы после неудачного падения на спуске. Стоит и шепчет:

— Я это не забуду.

Сергея Шустова не случайно я называл «совестью команды». Он имел по любому поводу свое мнение и старался придерживаться избранной им линии поведения. Хватало в нем упрямства. Преобладали честность и порядочность.

После церемонии награждения к нам подошел советский посол в Норвегии, специально выбравшийся в Нурефиель «поболеть», и крепко пожал каждому руку:

— Знаете ли, какое большое дело вы, ребята, сделали, какая это помощь в нашей работе! Лыжники-равнинники тоже молодцы, но их выступления здесь восприняли поспокойнее. А вот русские горнолыжники изумили местную публику. Спасибо! Большущее спасибо!

Шли годы. Из детей вырастали мужчины. Каждый выбирал свою дорогу. И сейчас я знаю, где кто находится и чем занимается. Одни радовали и в спорте, и после расставания с ним. Другие, кроме огорчений, ничего не приносили. Третьи хорошо смотрелись на лыжах, но меня не покидала тревога за их дальнейшую судьбу; к счастью, сражения на склонах закаляли их

характеры, и они вырастали в настоящих людей. И в этом было удовлетворение — ведь не из ангелов комплектовалась команда. Горные лыжи нравились больше сорванцам. Были и такие, которые заведомо не могли стать «звездами слалома», но стремились к вершинам в науке, технике, в профессиональном мастерстве. Как таких не приветить — одно их присутствие в коллективе создавало благоприятный климат. Они служили примером гармоничного развития. Большинство из них сохранило любовь к лыжам по сей день. Встречи с ними всегда приятны и обоюдно радостны.

Ну а что сейчас делает Сергей Шустов?

На Ленинских горах в распоряжении инструктора-методиста по спортивно-массовой работе Шустова трассы, бугельные подъемники. Он при своем любимом деле. Насколько знаю, Сергей один из немногих, кто родился, вырос и трудится по сию пору на «Воробьевке». И трудится на совесть.

Но меня не покидает досада, что, будучи одним из самых толковых мальчишек, Сергей так и не нашел в себе силы и настойчивости закончить хотя бы школу тренеров. Здесь и моя вина: недоглядел. И это при его влюбленности в лыжи. Он воспитывал хороших спортсменов и без диплома, а когда однажды доверили ему готовить команду Москвы к Спартакиаде народов СССР, то справился и с этим.

Но, поработав тренером, Сергей расстался с суетливой должностью. Погоня за «голами, очками и секундами» претит его натуре. Увы, это одна из граней тренерской деятельности.

Как-то я прочел в газете о разоблачении борцовской команды, в которой ради зачетного очка двадцатилетнему парню до синевы брили бороду, чтобы тот по виду сошел за юнца. Есть пока в нашем спорте подобная грязь, проявления антиспортивности. Выжигать бы их каленым железом. Но, к счастью, живут и трудятся на тренерском поприще люди кристальной чистоты.

* * *

Накануне Олимпиады-56 мы относительно часто стартовали в крупных международных турнирах. Останавливались, как и большинство команд, в отелях среднего класса.

Три дня мы как-то прожили в Австрии. Хозяин маленького отеля почти свободно изъяснялся по-русски. Он не мог дождаться вечера, чтобы усадить спортсменов за стол с ароматно дымившимися бифштексами, а едва мы утоляли аппетит, как хозяин под аккомпанемент гитары затягивал наши песни. И пел хорошо. Я же, к стыду своему, петь не умею. Выручал нас Виктор Тальянов.

Вот уж поистине мастер на все руки, заводила во всем.

Рано-рано утром, когда на кухне завтраком еще не пахло, в подвале гостиницы было многолюдно. На спиртовке плавилась в кастрюльке мазь. Тальянов смазывал лыжи. К нему всегда выстраивалась целая очередь: он не делал различия между одноклубниками и соперниками.

Я уже не соревновался и не мог чувствовать новых мазей. Давал установки, а помочь реализовать их и, в частности, смазать главное оружие — лыжи, чтобы действовали на склоне безотказно, лучше всех мог именно Виктор. Он не просто знал, как это делается. Знают многие, а толку чуть. Он чувствовал мазь.

Какой же выбрать выриант смазки для сегодняшней трассы спуска длиной в три с лишним километра, когда наверху сухой мерзлый снег, на середине может быть иная, липкая структура снега, а внизу и вовсе весенняя слякоть. Правило гласит: ориентируйся на длинный пологий участок, где и скорость наивысшая. Да слабо помогает рецепт этот, если, и зная его, угадывают мазь единицы.

На Олимпиаде-80 в Лейк-Плэсиде техник фирмы

«Россиньоль» готовил лыжи швейцарцу Питеру Мюллеру — лучшему спусковику предыдущего года, итальянцу Херберту Планку — постоянному претенденту на высокие места, Валерию Цыганову — по результатам нонстопа он вместе с будущим чемпионом — австрийцем Леонардом Штоком — котировался выше всех, и Владимиру Макееву — трасса была в его вкусе, что тоже важно. Сначала небеса поскупились со снегом, и американцы «намели» искусственного, а за ночь навалил натуральный. Вот и угадай рецепт для такого бутерброда. Этот техник промахнулся. И все четверо проехали мимо пьедестала из-за того, что на прямом участке лыжи несло медленно, медленнее, чем Штока.

Мастерство, по моему разумению, — это техническая грамотность и тактическая сметка, боевитость, это умение смазаться и подвести себя в наилучшем состоянии к назначенному дню и часу, это и бережное отношение к здоровью.

А то пора к старту подниматься, вижу носовой платок и слышу жалобный кашель:

— Ой, я, кажется, простыл...

Нет мелочей в погоне за скоростью. Решают детали, нюансы. Герой дня тот, кто сумел по сумме всех «мелочей» превзойти остальных.

Ничего похожего на оправдания и отговорки я не слышал от Виктора Тальянова, хотя знаю его с давних пор.

Пацаном голубей гонял. Покуривал. Сдачи давал без лишних слов. Общительным рос, душа нараспашку. Жил в бараке сотрудников водной станции ЦДКА у самой Москвы-реки.

Но тяга к лыжам перевесила у воробьевского мальчишки все. В 1944 году его приняли в детскую секцию ЦДСА.

Знаменитая армейская футбольная команда имела тренировочную базу на Воробьевых горах, и он юлой крутился вокруг живых легенд. Сесть с ними в автобус

и покатить через весь город на стадион, на матч — кто из воробьевских мальчишек об этом не мечтал?! А Витька, держа в руках бутсы Григория Федотова, садился и ехал.

Речную гладь волнуют гребцы. Он тут как тут, на месте рулевого. Роста малого и веса небольшого — то, что надо для этого амплуа. Армейцам потом добрую службу сослужили его гребные навыки, когда летом в поисках разнообразия занятий мы садились в учебные лодки. Я пришел к выводу, что в выработке чувства равновесия, в идентичности нагрузок на мышцы спины и ног, особенно важных для скоростного спуска, академическая гребля может быть ценным подспорьем в физической подготовке горнолыжника.

Подростком Виктор поступил в ремесленное училище и три года состоял в обществе «Трудовые резервы». Но «Воробьевка» — это же коммунальная квартира, все у всех на виду. Мы с их тренером Борисом Михайловым часто рядом стояли, щелкая секундомерами и устраивая «заводиловку»: кто кого обгонит на хитрой слаломной трассе. Как только приобрел Витя рабочую профессию и стал трудиться на заводе, он вернулся в ЦДСА.

С тех еще пор Тальянов расписывался на снегу импонировавшим мне почерком, который становился все филиграннее. Накат с врезанием лыжи в поворот. Коньковый ход. Опережающие прыжки, полеты. Он выполнял это лучше всех, и я радовался за ученика.

Лицо его выдавало внимание, осторожность и в то же время лихость.

Однажды в Кицбюэле я прогуливался по тихим и заснеженным, будто из андерсеновских сказок, улицам и разглядывал на стендах и витринах горнолыжные фотографии. Внимание привлек эффектный снимок в витрине маленького фотоателье: Зайлер в группировке преодолевает первую ступень на трассе Штрайф, да так, что глаз не оторвать. Я долго стоял и любовался, а когда наконец повернул голову чуть вправо, увидел: то же место на трассе и схожая поза. Виктор Тальянов. Вот это да!

Я вбежал в ателье и показал, что меня интересует. Продавец назвал цены, я кивнул головой и спросил:

— А негативы можно?

— Найн, найн. Негативы найн.

По возвращении домой я сделал репродукции, которые украшали стены армейской базы на «Воробьевке», а теперь хранятся в моем архиве.

Приезжаем мы в другой альпийский центр. Новая для нас трасса с новыми явными и скрытыми трудностями. У каждого по-своему на душе неспокойно. Поднимаем головы: асы покатили, помчались чередой. Так то ж асы, они здесь не впервой.

А кто из наших первым решится?

Молчу до поры до времени, указкой махать — что масло в огонь подливать.

— Ладно, пошел я.

Знаю: это Тальянов. Будь то Кицбюэль, Венген или Кортина д'Ампеццо, Межев или Шпиталь.

Вот заскользил он и скрылся на трассе.

— Ха, Виктор может, а я чем хуже?! — про себя думает каждый. И трогаются за ним.

Митя Карташов, хоть и смелый, за собой не поведет — вторым на трассу он с превеликим удовольствием. В составе команды техничные Витя Турунин и Коля Пешев — слаломисты, с них и спрос иной.

Когда ты мчишься вниз, надейся только на себя. Это естественно для горных лыж — индивидуального вида спорта. Но понятие команды, коллектива и здесь отнюдь не формальность. Атмосфера, в которой пребываешь вплоть до команды «Марш!», столь же жизненна, как воздух, которым дышишь.

Привыкшие дома к нарушениям регламента соревнований, мы в Альпах безбожно опаздывали. А там порядок строгий. Трасса спуска бывала и бывает открыта

«от и до», два-три часа. Мы из отеля идем, раскачиваемся, а фавориты уже сидят в маленьком кафе около старта, попивают лимонад и, только услышат сигнал к началу тренировки, выскакивают на трассу.

Что ж это получается? Вместо того чтобы больше их накатывать километров, мы еще и недорабатываем?!

Стали учиться и пунктуальности. Кто-то обязательно отстанет: дескать, трасса вроде бы не готова, да и судей не видно. А Виктор не выдержит, цыкнет на того, кто плетется в хвосте:

— Давай, давай, всех задерживаешь!

Сам-то он бы уже на вершине был, но команда есть команда.

Прикинул я, кто сколько успевает спуститься, и говорю:

— Ребята, опять мы в хвосте! Австрийцы и французы по три раза спустились, а вы только на втором заходе. Они вон как шустрят с креплениями — быстро разматывают ремни и бегом на «канатку». Нам отставать негоже!

Попробую обрисовать главную достопримечательность Кицбюэля — трассу скоростного спуска Штрайф, где Тальянов добился результата, долгие годы остававшегося высшим показателем для наших мужчин.

Генеральная репетиция в слаломе заключается в мысленном прохождении трассы, остающейся до состязаний неприкосновенной. Скоростной же спуск проводится на определенной трассе, подаренной самой природой края и только частично подкорректированной постановщиком трассы. Каждая трасса скоростного спуска уникальна, каждый участок неповторим. Будь то Чимбулак или Венген.

Где всего сложнее и интереснее, опаснее и быстрее? У каждого есть свои любимые и нелюбимые трассы.

Но и сегодня точно так же, как и четверть века назад, Штрайф экзаменует строго и сурово, именно Штрайф ставит точки над «и». И будь ты хоть олимпийским чемпионом или обладателем Кубка мира, Штрайф поможет окончательно выяснить твою силу мастерства и крепость духа.

По узким кривым улочкам отдельными группками участники торопились к подножию горы Киц на очередную тренировку спуска. Я видел, как испанцы зашли всей командой в кирху помолиться. Многие осеняли себя крестом и на старте.

Молясь, спортсмены искали в боге поддержку, дабы переложить на него те страхи и сомнения, что порой одолевают перед опасным стартом. В какой-то мере это, наверное, помогало им снимать напряжение в стрессовой ситуации, какой является скоростной спуск. Что-то схожее должен испытывать парашютист или прыгун с трамплина.

А как же поступать тем, кто в бога не верует?

Верить в себя. И волей приводить себя в состояние полной боевой готовности.

Насколько знаю, без доли суеверия мало кто обходится. Были и у меня приметы. Например, перед стартом старался не попасть в чье-нибудь фотооко, зато после победного финиша — пожалуйста, даже приятно.

А как-то иду по дороге к озеру Вудьявр, на душе тяжесть перед соревнованием, ночью плохо спалось, смотрю под ноги... И вдруг что-то блеснуло в грязи. Приглядываюсь — пятиалтынный и орлом кверху! А рядом — второй и тоже орлом! Поднял я их и, протерев, положил в карман. Они оказались добрыми предвестниками моей новой победы.

На следующий год, опять в Кировске, по пути к горе обнаружил подкову. И снова праздновал победу! Подкова та уже тридцать лет в моем доме, и счастье его не покидает. Сейчас, в век автомобилизации, подковы на асфальте не валяются, а вот монеты, бывает, находятся. Но поднимаю я только лежащие орлом вверх. Придурь? Может быть. Она безвредна для окружающих и забавляет меня.

Приметы бывают разные. Забавные и курьезные, они больше смахивают на игру, в которую кому-то хочется поиграть. Истинная сила может обойтись и без таких забав.

Думаю, Тони Зайлер вряд ли нуждался в них. Как-то, к большому спаду у скалы, что метрах в ста от начала трассы Штрайф, где канадский гонщик только что при падении пробил голову (даже шлем не помог), Зайлер подъехал на лыжах, держа на руках мопса. Наблюдал, как выглядит здесь молодежь: минуло несколько лет после завершения его карьеры. Собачонка тихо повизгивала, ее хозяин каждого провожал поворотом головы. Стоял он, смотрел и вдруг как махнет прямо вниз в элегантной высокой стойке с мопсом в руках, пролетел метров двадцать, приземлился беззвучно и, каллиграфически выписав пару дуг, остановился. А по горе, будто продолжал он движение, неслось: «Зайлер! Зайлер! Зайлер!»

Тогда в сезоне было меньше стартов, чем сейчас, и каждый из них превращался в традиционный турнир самостоятельного значения, часто со своим названием. Второе воскресенье января — Лаубернхорн в Венгене (Швейцария), за ним следовал Кандахар в Санкт-Антоне (Австрия). Его часто выигрывал австриец Карл Шранц — редкого дарования и невезения мастер: если Эриксен, Зайлер, Килли сделали блестящую карьеру, то у Карла, много лет возглавлявшего мировую элиту, подобных взлетов не было, подчас во время ответственнейших стартов ему удивительно не везло. Во второй половине января, на экваторе зимы, цвет мировых горных лыж съезжался в Кицбюэль. Эти состязания считались центральным событием сезона.

И тем почетней, что именно в Кицбюэле ждал нас относительный успех.

Начиналось соревнование скоростным спуском.

С вершины Кица открывалась панорама горных хребтов, и то тут подъемничек и гостиница, то там ре-

сторанчик и крестьянская хата, где находили приют туристы с ограниченными средствами: питание простое, но сытное и дешевое, и лишний раз не надо деньги тратить на подъем, ты и так наверху.

На вершине Кица пронизывал колючий ветер. Поэтому еще с бо́льшим нетерпением ожидали участники своей очереди: внизу, в долине, нет ветра и минимум на пять градусов теплее. Наши все находились в хвосте очереди — классификационных очков, зарабатываемых постоянными результативными выступлениями, практически ни у кого не было.

Наконец пришел черед Виктора Тальянова занять место на стартовой площадке. Тяжелая рука стартера легла на его плечо:

— Пять, четыре, три, два, один — гоу!

Просматривалась трасса только до ближней скалы. Виктор шел хорошо, уверенно, пожалуй, не было лихости такой, как у француза Дивлюлляра или австрийца Мольтерерра (эффектные были донельзя, проедут, будто ослепят тебя; их считали талантливее Зайлера, но они уступали ему в собранности, рациональности и, подчас обгоняя Зайлера на отдельных участках, в сумме все-таки уступали ему), так ведь Тальянов только входил во вкус больших гонок.

Вот Виктор четко подошел к скале, сгруппировался, исчез... На финише он показал 13-й результат — это была для нас победа.

На следующий день в слаломе Тальянов мог бы выступить и лучше, но местами на трассе был натечный лед, где Виктор, как и некоторые асы, «подскребся», зато удержался до конца. Сошло с трассы более половины участников, а результат Виктора в десятке.

Ратушная площадь Кицбюэля. Награждение отличившихся в комбинации — спуск плюс слалом. Кажется, площадь сейчас раздвинется от скопления местной публики и зарубежных гостей. Мэр города вручает призы. Зайлер первым получает что-то упакованное в

большой корзине. Второй призер вызывается, третий, четвертый, пятый...

— Восьмое место занял Виктор Тальянов — Советский Союз!

Что он получил, не помню. Только знаю, что сейчас этот приз заслуженный тренер РСФСР, 20-кратный чемпион страны подполковник Тальянов Виктор Иванович хранит на самом почетном месте в своей коллекции наград.

Филатов и Тальянов.

Первый дебютировал в 1945 году, второй закончил выступать в 1967 году. Простая арифметика: на чемпионатах страны разыгрывалось сначала по три золотые медали (спуск, слалом и двоеборье), потом по четыре (добавился гигант, многоборье состояло уже из трех видов); 23 зимы действовал этот «тандем», а наград на двоих — около полусотни. Итого: половина «золотого фонда» падает на долю Филатова и Тальянова.

Тальянов выступал чуть меньше по времени и медалей добыл тоже меньше Филатова. Но сделал это при возросшей конкуренции. Главное же «но» в другом. Филатов ни разу не травмировался так, чтобы это можно было считать травмой. Да он, собственно, избегал ситуаций, чреватых серьезными последствиями, порой в ущерб скорости.

Известно и то, что травма еще никому в заслугу не ставилась, что она есть следствие недостаточных кондиций, психологической неустойчивости... Упал, стало быть, расплатился за что-то.

Так, значит, зря, Виктор, в 57-м на Чимбулаке при подходе к нижнему арыку и, выигрывая пять секунд(!), ты не стал страховаться, а, как всегда, отдался скорости и, не успев полностью собраться в полете, потерял равновесие и упал, а крепление подвело, не отстегнувшись?

Ни к чему, выходит, разгонялся ты на последней тренировке перед открытием чемпионата мира 1958 года и получил при падении трещину в годом ранее сломанной ноге?

Перед Играми 64-го года на отвратительно подготовленной трассе в Венгене твоя лыжа ушла в провал, имевшийся в насте, ногу подсекло, и ты залечивал травму до самой Олимпиады. Может, напрасно ты, так и не залечив растяжение связок, на обезболивающих уколах шел слалом, шел гигант и даже спуск ты, травмированный, шел.

Но разве мог да просто имел ли право настоящий боец Виктор Тальянов позволить себе передышку и не проявить себя до конца, без остатка?

* * *

Стоя на лыжах у вершины горы, ты готовишься дать бой.

Трассе.

Ветру.

Скорости.

Соперникам.

Собственным слабостям.

Они, слабости человеческие, найдутся у каждого. Только вот воюют с ними по-разному.

С ЛЫЖАМИ НАПЕРЕВЕС

«Маршрут движения подразделения начался в пустыне. С каждым часом жара усиливалась. Дышать нечем. А природа, как бы испытывая волю людей, бросила новый вызов: вдруг подул ветер. Из-за песчаной бури видимость ухудшилась. Идти становилось все тяжелее, но воины упорно, не снижая набранного темпа, продвигались вперед. Они понимали, что поставленную задачу по уничтожению «противника», скрывшегося в горах, надо выполнить точно в срок...

Лишь к концу дня после многокилометрового изнурительного марша с полной боевой выкладкой воины вышли к отрогам хребта. Однако главные трудности их ждали впереди. В горах нет проторенных дорог. К тому месту, где по данным разведки находился «противник», приходилось подниматься по крутой, резко уходившей вверх горной тропе, преодолевать во время многочисленных обходных маневров зону ледников с использованием только подручных средств — без всякого специального снаряжения.

Длительный рейд подразделения завершился полным разгромом «противника». Воины проявили отменную выучку, солдатскую сноровку, физическую закалку.

Этот пример, думается, наглядно показывает, сколь большое значение имеют умелые действия воинов в горах».

Перед глазами поплыли горы. Наши горы, которые отстаивали, говоря фигурально, с лыжами наперевес. Наши горы, которые исколесил вдоль и поперек, оставляя на снегу два плавных следа.

Спохватился, взял ножницы и по привычке сохранять все, мало-мальски относящееся к горам, сделал вырезку. На полях отметил: «15 апреля 1981 года — «Красная звезда».

...Май 41-го. Баксанское ущелье, поселок Терскол и двуглавый Эльбрус в вышине.

Сюда на курсы по горной подготовке прибывает младший офицерский состав. Для них горы пока нелюбимы и незнакомы, но они должны познать их и потом обучать солдат.

Еще в начале года известные альпинисты, обеспокоенные тем, что бойцы не обучаются действиям в горной местности, пригласили в московский спорткомитет инспектора физической подготовки Красной Армии. Выслушав все доводы собравшихся, он заключил:

— На Эльбрусе нам не воевать!

И все-таки благодаря настойчивости людей, знавших цену горам, в мае организуются курсы. Но тут вмешивается война! Безвозвратно упущено время. И вместо того чтобы продолжать готовить собранных людей, их спешно вернули по своим частям. Так и не став горными стрелками, они бились на равнинных театрах войны.

А на Кавказе своим чередом разворачивались собы-

тия. Многие перевалы были заняты фашистами. В противоборство с ними вступали бойцы, в массе своей незнакомые с горами.

Август 42-го. На Эльбрусе фашистские штандарты. Гитлер шлет приветствие егерям дивизии «Эдельвейс». Как же, ведь взята высочайшая вершина Европы.

А будь те две тысячи офицеров, что прибыли в Терскол майскими днями 41-го, обучены и направлены в горы, иначе б тогда повернулось дело. Две тысячи грамотных командиров и хотя бы человек по десять к ним подчиненных.

Лишь после того, как Эльбрус оказался в руках захватчика, срочно начали формироваться и обучаться специальные подразделения для войны в горах. Они немалого достигли в заоблачных схватках, защитив наши вершины и перевалы...

Публикация в «Красной звезде» растревожила и вызвала двойственное чувство. Хорошо, что вспомнили о горах. И плохо, что после войны вновь забыли о них.

* * *

В летопись спорта страницей яркой и значимой вписана Московская олимпиада. Тщательно следил за всем, что связано с ней. Телетрансляция помогла перенестись в Элладу: на горе Олимп известная актриса Мария Москолиу совершала торжественный ритуал зажжения огня. Потом стройные и красивые как на подбор молодые люди бежали с негасимым факелом в руке. Пять тысяч километров от горы Олимп до Москвы. Пять тысяч парней и девушек несли священный огонь спорта и дружбы, самый мирный огонь.

А память возвращала к грозовым годам.

Давным-давно, хотя нет, будто вчера, радиоволны несли голос советского спортсмена в Грецию. В тяжелую годину я обращался от лица воинов Советской Армии и спортсменов Советского Союза к молодежи древней страны, оккупированной фашистами.

Тревожным выдалось лето 42-го. Наша часть располагалась в районе Юхнова, что километрах в 200 от столицы. Фронт здесь недвижимо стоял уже полгода. Оборона с обеих сторон была глубоко эшелонированная, кругом все изрезано окопами и траншеями, и напряжение не спадало ни на минуту. Вдруг меня вызывают в политотдел.

Тогда постоянно формировались группы и отряды для выполнения различных операций, по большей части — в тылу врага. Поэтому и решил: посылают на задание. Явился. Ждать долго не пришлось. Только задание оказалось странным.

— Вот, Ростовцев, тебе командировка, отправляйся немедленно в Москву, адрес здесь указан. Найдешь, не заблудишься...»

Разве заблудится коренной москвич! Меня встретили. Объяснили задачу — по радио обратиться к молодежи оккупированных стран с призывом подниматься на борьбу с врагом.

Да, но почему для такой ответственной роли выбрали именно меня?

Это была чистая случайность. Соседа по дому на Малой Пироговской улице, Володю Кузнецова, с начала войны привлекли к работе в ЦК комсомола и поручили организацию и подготовку литературных передач в эфир. Тем летом у него спросили: кто из фронтовиков-спортсменов мог бы выступить в передаче на оккупированные страны? Володя сразу вспомнил обо мне, он знал, в какой я части.

Работников искусств представляла знаменитая тогда балерина Ольга Лепешинская. Она появилась в студии в кожаной, ладно скроенной курточке, стройная, тренированная. Совсем недавно я с интересом просмотрел серию телепередач о балете. Ведущая — седая подтянутая женщина — рассказывала увлекательно, живо. Это

была Ольга Лепешинская. Помнит ли она то «боевое» задание?

Отдел радиовещания на зарубежные страны находился на том месте, где сейчас кинотеатр «Россия». Там без всяких предисловий нам предложили:

— Думайте и пишите сами. Вот столы, хотите — здесь садитесь, хотите — дома работайте; обедать в столовой, вход со двора. Через три дня материал должен лежать у нас на столе.

Четко сказано. А писать-то пришлось впервые. Покорпел я изрядно. Особенно трудно было с первым текстом — на Грецию. Это сегодня, когда позади десятки лет международных контактов и объезжены многие города и страны, задача кажется несложной. А тогда... Про Элладу я знал лишь мифы и что земля эта — родина Олимпиад. Все это мало помогало. Потом, когда готовил обращение на Норвегию, было проще: она была родиной слалома. И на Финляндию было легче: их слаломные лыжи «Карху» служили мне исправно. Для скандинавов, где зима и лыжи — это синонимы, быстрее приходили на ум нужные слова.

Писал в нашем опустевшем доме. Мать, две сестры и племянник эвакуировались в Омск. В срок уложился. Показал Володе. Он поправил, отредактировал...

Мой друг и советчик Володя Кузнецов в те дни, работая в ЦК комсомола, находился на полувоенном положении, пером он действовал так же смело и полезно, как другие штыком или гранатой, но все просил начальство об отправке на фронт.

Добился-таки своего. И спустя месяц комсорг батальона Владимир Кузнецов пал в бою. Об этом мне сообщила его мать — он был у нее единственный сын.

* * *

Эльбрус называют по-разному: кабардинцы — Шатгора (Гора радости) или Ошхо-махо (счастливая гора или гора дня), балкарцы — Мингитау (Гора из тысячи гор), грузины — Ял-буз (Грива снега), абхазцы — Орфи-туб (Гора блаженных), турки — Джин-падишах (Повелитель духов), иранцы — Альборс (Высокая гора)...

А как я назову Эльбрус?

Гора моей юности. Гора из тысячи гор, на которые взбирался. Гора всей моей жизни.

В предвоенные годы многие стремились посмотреть на землю с вершины Эльбруса. Некоторые штурмовали вершину и в одиночку. А стоявшие у истоков отечественного горнолыжного спорта Иван Черепов, Вадим Гиппенрейтер и одна из первых горнолыжниц страны Галина Таежная даже спускались с Эльбруса на лыжах.

В 1937 году Эльбрус был оседлан горнолыжниками для настоящих спортивных тренировок. Двадцать дней мы, студенты-бауманцы, под руководством Нагорного в районе «Приюта девяти» и «Приюта одиннадцати» прокладывали трассы слалома или что-то похожее на слалом-гигант, гоняли и напрямую — то было тенью, прообразом скоростного спуска. Не случайно я в 1938 году стал чемпионом страны: очень много дали мне эльбрусские ледники.

До войны многие успели побывать на известной всему миру горе. В том числе и альпинисты из Германии. Кое-кто из них вновь появился на Кавказе уже в мундирах дивизии «Эдельвейс»...

Спорт и война. Лыжи и оружие. Переплелись они в моей судьбе. Да разве только в моей, у многих так сложилось. Спортсмены на полях Великой Отечественной — это целая глава ее истории. Славная глава.

На стене старейшего и нестареющего стадиона, что в столичном Петровском парке, висит мемориальная доска:

«Здесь, на стадионе «Динамо», в суровые дни Великой Отечественной войны, 27 июня 1941 года, из спортсменов-добровольцев были сформированы первые отря-

ды Отдельной мотострелковой бригады особого назначения (ОМСБОН), героически сражавшейся на фронтах и в тылу врага с немецко-фашистскими захватчиками».

Война! Внезапная, жестокая, она обрушилась на нас, круто повернув судьбу каждого советского человека. Родина в опасности! Сразу же каждый начал искать свое место в боевом строю. Пошел в военкомат и я. Там сказали: жди. Я, выпускник МВТУ, ожидал назначения на оборонный завод и пока что, как чемпион СССР по горнолыжному спорту, работал тренером. Услышав о наборе добровольцев в бригаду особого назначения, где спортсменам отдается предпочтение в приеме, я пришел на стадион «Динамо». Там 7 июля 41-го надел солдатскую форму.

Приятно было видеть на «Динамо» знакомые лица. Встретил и своего студенческого друга, мастера спорта по волейболу Саню Нахмансона. Он готовился стать подрывником.

Начались иные «тренировки».

Динамовское стрельбище под Мытищами превратилось в наш учебный лагерь. Не сразу плечи, спина и ноги привыкли к боевой выкладке. Портянки намотать оказалось не таким уж простым делом. Множество стрелкового оружия самых разных отечественных и трофейных моделей перебывало в наших руках. Рыть окопы, строить блиндажи и землянки, подрывать мосты, дороги, здания мы научились буквально за месяц. Уставы и наставления были вызубрены.

Группами и отрядами омсбоновцы стали уходить на задания в тыл к немцам. Завидуя им, оставшиеся продолжали боевую подготовку и постепенно заполняли спортивными снарядами пустующую поляну — того, что война затянется надолго, никто и не предполагал.

С каким азартом в часы послеобеденного отдыха Евгений Огуренков и Николай Королев демонстрировали свое боксерское мастерство. Забыв о своей меньшей ве-

совой категории, Евгений стремительно атаковал, то и дело отбрасываемый ударами Королева...

Омсбоновцы, помимо действий в тылу фашистов, вместе с частями Красной Армии на подмосковных рубежах под огнем противника ставили минные заграждения. Закладывали фугасы на дорогах, подрывали все, что могло остановить противника. Как отмечало командование — это сыграло большую роль при обороне Москвы.

Когда острота положения на подступах к столице уменьшилась, меня перевели во взвод химзащиты. Мы получили приказ: в срочном порядке освоить новое оружие.

Для борьбы с танками в начале войны у бойцов имелись зажигательные бутылки, наполненные горючей смесью. Они сослужили добрую службу в первые месяцы боев, но эффективность их оставляла желать лучшего: на десять, двадцать, ну от силы тридцать метров мог забросить стеклянную «гранату» ловкий и сильный солдат. И тогда наши умельцы придумали шары из жести, наполненные самовозгорающейся смесью и выстреливаемые из стволов — «самоварные трубы», так мы их окрестили. Дальность поражения возросла до 300 метров. На трофейных вражеских танках мы отрабатывали способы стрельбы, прицеливания, углы рикошета, искали поражаемые места. Пригодились знания и навыки, полученные в студенческих аудиториях и лабораториях. На первых порах пожглись и мы изрядно: жидкость прорывала металлическую оболочку не всегда вовремя... Однако приказ выполнили. «Самоварные трубы» не могли, конечно, конкурировать с противотанковыми ружьями, но имели свои преимущества.

Отряды воинов-спортсменов уходили через линию фронта в тыл противника для глубокой разведки, диверсий, «рельсовой войны», для помощи партизанам.

Оперативные отряды действовали в особо укрепленных противником районах и на важнейших направлени-

ях. Массовый героизм, стойкость и отвагу проявляли омсбоновцы. Не все возвращались с заданий. Не вернулся и Саня Нахмансон после минирования железнодорожного полотна между Смоленском и Витебском. Имя его высечено на мраморной доске у входа в МВТУ.

В сентябре 42-го большую группу омсбоновцев, направленных в Тбилиси, подняли ночью по тревоге и на грузовиках перебросили в Орджоникидзе. Был среди них и один из сильнейших боксеров страны — Сергей Щербаков. Вместе с товарищами он минировал наиболее важные направления через ущелья, минировал Военно-Грузинскую дорогу, которую, к счастью, не пришлось взрывать, придумывал ловушки, в которые среди кукурузных зарослей попадались вражеские танки. Щербаков был ранен в ногу, потом в другую... Но после войны снова вышел на ринг.

Были в нашей бригаде и австрийские антифашисты-шуцбундовцы, которые участвовали в вооруженном восстании рабочих в Австрии в 1934 году, после чего были вынуждены эмигрировать в СССР. Увлекались альпинизмом, некоторые из них выполнили норму мастера спорта СССР.

Перед войной на «Воробьевке» я состязался в слаломе с Фердинандом Кропфом и его соотечественниками, хорошими горнолыжниками Густавом Деберлем и Францем Бергером. Они немало сделали и для нашего горнолыжного спорта и альпинизма.

С первых дней войны Фердинанд Кропф и Франц Бергер — бойцы ОМСБОНа. Кропф прошел партизанскими тропами всю Белоруссию, а в 44-м возглавил интернациональный омсбоновский отряд, который перебросили для оказания помощи бойцам Сопротивления. Отряд успешно действовал на территории Австрии. Фашисты неоднократно пытались уничтожить его, но опытный альпинист Кропф всякий раз благополучно уводил людей в горы. Франц Бергер погиб в тылу врага. Фердинанд Кропф жив, велика его заслуга в поста-

новке спасательной службы в горах. Густав Деберль вернулся потом на родину.

Спортсмены, кто уцелел, вернулись с войны, награжденные медалями и орденами. Защищали Отечество с честью. Не удивляет и другое — многие, преодолев долгую разлуку с гаревой дорожкой или квадратом ринга, одолели и последствия ранений, подчас тяжелых, и вновь, закаленные пуще прежнего, появились на спортивных аренах. Кажется невероятным, но и в тяжкую годину спортсмены оставались спортсменами. Пусть не было обычных тренировок. Пусть не было официальных стартов. Шла борьба, ежечасно проверявшая крепость духа и мощь тела. Но жила в нас мечта о мирной жизни и любимом спорте.

Летом 42-го я, будучи шифровальщиком роты боевого обеспечения, возвратился с задания на Западном фронте из-под Юхнова в подмосковный городок, где располагался штаб бригады. Выдались несколько дней затишья. Решили устроить комбинированную эстафету между взводами: первый этап — десять километров крутят педали велосипедисты, второй — бегут легкоатлеты, третий — едут мотоциклисты... Мне поручили стартовать на велосипеде и эстафетную палочку передать бегуну.

За велосипедом отпустили домой — до войны у меня был трековый с деревянными ободами. Накануне соревнования мне бы спокойно проехаться, изучить маршрут кросса. Не догадался! Ведь никогда еще в состязаниях по велосипеду не участвовал.

Как рванул со старта, как пошел крутить педалями, еле успевал взглянуть перед собой и оценить обстановку. Километра два проехал, и тут начался отрезок булыжного шоссе. Велосипед подбрасывало на каждом камне, и я едва удерживался в седле. Нет, нет, думаю, так дело не пойдет. Вижу, справа вдоль дороги тропинка — сворачиваю через кювет на нее. Продолжаю жать что есть мочи, голову держу низко, чтобы сопротивле-

ние воздуха уменьшить. Вдруг поперек канава появилась. Решил, что канавка маленькая и как-нибудь перескочу через нее, прибавив ходу. На то, чтобы предпринять иное, не оставалось ни времени, ни расстояния. В последний момент, уже в полете, рванул руль на себя...

Очнулся только в госпитале, который находился недалеко от расположения штаба, в Ивантеевке. Травма оказалась тяжелой.

Пока лежал, фронт в районе Юхнова пришел в движение, и поток раненых начал прибывать. Мне было стыдно занимать койку. Выписался. Ребята показали мой велосипед — колесо разломилось на шесть частей, вилка загнулась под рамку. Пошел на место аварии. Снова все в голове прокрутил. Ходил и клял себя:

— Ну и дуралей! Так изуродоваться, и не в бою — на кроссе! Подумаешь, передать эстафетную палочку, выиграть взводом соревнование.

Так с изуродованной физиономией я и появился перед комиссией, набиравшей добровольцев в Кавказские горы.

Пример того, как плохо, когда голова не соображает.

И пример того, как спортсмены и в годы сражений оставались спортсменами.

Февраль 45-го. Первая гвардейская воздушно-десантная дивизия, где я служил в последний год войны, следовала по отрогам Малых Татр. Европейская мягкая зима и горы, носящие свое имя явно не по заслугам, делали лыжи ненужными, а я так скучал по ним.

В одном населенном пункте, проходя мимо усадьбы ксендза, заметил во дворе горные лыжи. Хотя и неокантованные, но с ременно-металлическими креплениями. Я заволновался. Робко и совсем не по-военному поинтересовался у ксендза насчет лыж. Тут пришла очередь удивляться священнослужителю, который никак не мог понять, чего же хочет русский офицер. Дабы приобре-

тение лыж не выглядело конфискацией, подарил ему по пачке кофе и сахара. Старик был счастлив, он забыл запах натурального кофе и вкус сахара: при немцах населению доставались только эрзац да сахарин.

Скованное льдом и припорошенное искрившимся на солнце снегом озерцо было за околицей. Надел лыжи, будто в седло горячего скакуна вскочил. Час, наверное, коньковым ходом гонял туда-сюда. Взмок как мышь. Заболели, заныли мышцы от забытой нагрузки, но испытал наслаждение. Встретил то, с чем был разлучен волею обстоятельств.

Для человека, чья жизнь была связана со спортом, привычка, потребность в спортивном действе вторгалась зачастую неподвластно сознанию в изматывающий и непредсказуемый распорядок войны.

Спортивный бой и бой на поле брани.

Сопоставимы ли они друг с другом?

Первое определение в какой-то степени преувеличено. Второе — как еще назовешь.

На склонах гор, усеянных красными и синими флажками спортивных трасс, ошибки и огрехи наказываются потерянными секундами.

На тех же склонах гор за просчеты и заблуждения в бою расплачиваются жизнями.

В августе 42-го лейтенанту Леониду Кельсу — до войны он был альпинистом — поручили операцию по захвату эльбрусской базы «Новый кругозор». Боевая задача формулировалась так: «Обойти противника по скалам и к началу основного удара в лоб другим подразделением находиться выше базы».

Командир сразу же приступил к интенсивным тренировкам по скалолазанию, страховке, спасанию раненых. Кельс объяснял и показывал согласно воинскому правилу: «Делай как я!» Солдаты делали. За короткий срок в недавнем прошлом кавалеристы (так уж сложилось, что они составляли основу взвода) превратились в горных стрелков, обученных альпинистской азбуке.

Пробил час испытать свои силы в настоящем деле. Для того чтобы выйти на исходную позицию, взвод затратил почти сутки. А сам штурм «Нового кругозора» силами двух подразделений — одного атаковавшего сверху, другого в лоб — занял всего лишь два часа.

Казалось бы, непосильную задачу поставили перед спортсменом-альпинистом: совершить сложный и ответственный маневр по скалам и ледникам с солдатами, еще совсем недавно не знавшими капризного и крутого нрава гор. Леонид Кельс вложил столько души и умения, что солдаты усвоили азы горнострелкового дела. И приказ взвод выполнил в точности.

Другая операция. Тоже на Эльбрусе.

Подразделению, сформированному второпях из совсем не обученных в горах солдат, предстояло выбить захватчиков с «Приюта одиннадцати». Маршрут для выхода к атаке начинался в селении «Эльбрус», продолжался над ледником Терскол и ледовой базой.

Мастер альпинизма Александр Сидоренко, досконально знавший эти места, пытался доказать с самого начала невыполнимость задачи, ведь перед «Приютом» было большое открытое снежное плато:

— Пока мы идем в гору, пусть и в белых халатах, мы часа два будем как на ладони у фрицев, окопавшихся в блиндажах за скалами...

Так и получилось — «Приют» не был взят, наши вернулись, многих недосчитавшись.

Иное дело, находись наши бойцы выше этих блиндажей, атакуй они сверху да еще на лыжах. Но эта задача по плечу только подготовленным. А тогда, в начале боев за Кавказ, почти не было солдат, обученных действиям в горах.

Все ли мы заранее предприняли для достойной встречи врага в горах?

Еще в 20-е годы находились энтузиасты введения альпинистского дела в войсках. Побываете в Терскоде,

загляните на турбазу Министерства обороны. Заложенная в 1932 году, она служила центром тренировок армейских спортсменов-альпинистов. В новом высотном здании из стекла и бетона в 70-х годах демонстрировалась фотоэкспозиция о первых походах красноармейцев по горам, на Эльбрус.

До войны и во время нее альпинизм существовал как отдельная дисциплина при спортивном отделе ЦДКА. В январе 41-го появилась книга Черепова Ивана Александровича «Горнолыжная подготовка», которую он же вскоре привел в соответствие с Наставлением по лыжной подготовке бойцов Красной Армии.

На равнинные лыжи бойцы встали давно, что сослужило добрую службу в борьбе с белофиннами и гитлеровцами. А вот внедрение альпинистской и горнолыжной подготовки шло туго. Причем во многом оттого, что даже устаревших по тем годам «Телемарков» не хватало.

Офицер Андрей Малеинов, получивший звание мастера спорта по альпинизму перед войной, рассказал:

— В 40-м году закончил пехотное училище в Алма-Ате и предложил начальнику физподготовки Среднеазиатского военного округа организовать для начальников пограничных застав практическую учебу по альпинизму и горным лыжам. Одобрение получил, да вот беда: для экипировки присылали теплые полушубки и... равнинные лыжи. «Телемарки» прибыли с большим опозданием и в мизерном количестве. И все же начальники застав успели немного постоять на горных лыжах, научились спасать «раненых», узнали о том, как избегать лавиноопасных участков. Не в награду, а чтобы преподали азбучные истины пограничникам, выдали им на прощание по паре «Телемарков».

О том, что война прервала организованные в мае 41-го курсы, я уже рассказывал. Реальное положение вещей не позволяло считать, что нами была достигнута готовность «номер один» к борьбе за перевалы.

А враг, напротив, действиям в горах отводил особую роль.

Вот любимые тезисы нацистов: «Лицезрение вершин возвышает дух! Кто не совершил восхождения, тот многого не познал! Только альпинист может стать настоящим арийцем!»

Практически знание гор воспевалось на все лады.

И без того массовый спрос на горнолыжное снаряжение резко возрос с зимы 1938 года, когда «эдельвейсы» (так звали немецких горных стрелков) начали серьезную подготовку регулярных частей для действия на высоте. Устраивались настоящие учения в горных районах. Эти подразделения вошли в состав 49-го горнострелкового корпуса, воевавшего на Кавказе, а инструкторами служили там некоторые «альпинисты», побывавшие у нас перед войной и вернувшиеся с картами и схемами перевалов и троп.

«Эдельвейсы» практиковались на малых и больших горах Норвегии, Финляндии, Греции, Югославии, Чехословакии. И везде их наступательные операции разыгрывались как по нотам. Или противник вообще не оказывал сопротивления, или его обученность была ничтожно мала. Фашисты повально конфисковывали у жителей оккупированных стран лыжи, окрашивали их из пульверизаторов белой маскировочной краской и пускали в дело.

В Польше ход событий был иным. Горнолыжный спорт пользовался здесь популярностью. И партизаны-лыжники устраивали врагу «веселую жизнь». Под угрозой расстрела населению хуторов польских Карпат предлагалось немедленно сдать горные лыжи, которые рассматривались как оружие и категорически запрещались.

Велика оказалась фора, данная захватчику. В конечном счете мы одолели его. Но какой ценой...

* * *

Эльбрус в огне! На Эльбрусе фашистские штандарты!

При всем своем величии и великолепии двуглавая вершина большого стратегического значения не имеет. Стоит она в стороне от Главного Кавказского хребта. Поблизости от нее отсутствуют места для посадки самолетов и даже вертолетов.

Флаги со свастикой установили на обеих вершинах (5621 и 5642 метра). Заявления о безоговорочной «высокогорной победе эдельвейсов», об «удачном окружении противника» были далеки от истинного положения дел. Выход на Эльбрус и близлежащие перевалы позволил фашистам контролировать Баксанское ущелье. Что правда, то правда. Но произошло это после кровопролитных боев, с потерями у обеих сторон. А окружение? Окружения не было и в помине.

После вторжения захватчика на Кавказ наше командование предприняло срочные и действенные контрмеры. Формировались и форсированно обучались горнострелковые отряды, сыгравшие важнейшую роль при защите Главного Кавказского хребта.

Узнал, что к нам в ОМСБОН приехала специальная комиссия по набору добровольцев-альпинистов для действий на Кавказе. Пошел и я. Мне было отказали. Во-первых, не альпинист, во-вторых, только что вышел из госпиталя и еще не оправился от травмы — той самой, «велосипедной». Отпускной билет для долечивания лежал у меня в кармане.

Пришлось доказывать комиссии, что горнолыжник — почти альпинист (так оно и было до войны), что Эльбрус мне как дом родной, и перечислить все ущелья, перевалы и вершины, на которых я побывал до войны.

Убедил.

Комиссия набрала из омсбоновцев достойную спецгруппу. Кандидаты отыскивались в разных местах. Так, после серьезных ранений попал на Кавказ заслуженный мастер спорта алмаатинец Евгений Колокольников, сегодня он известный художник-оформитель, автор эскизов старого и нового значка ГТО. Василий Сасоров занимался ответственным делом в оборонной промышленности. Командование тем не менее отправило его как альпиниста на Закавказский фронт. Тотчас после изгнания фашистов с Кавказа Сасорова отозвали обратно.

Поздним летом 1942-го в двух небольших самолетах мы вылетели к месту назначения.

Уже в самолете, к моему радостному удивлению, увидел Виктора Андреева и Петра Родионова — прыгунов на лыжах с трамплина, друзей по «Воробьевке». Стало легко на душе.

Среди асов советского альпинизма — Жени Абалакова, Ивана Черепова, Яши Аркина и других — нас поначалу одолела робость, но время показало, что владение лыжами в горах не менее ценно, чем лазание по скалам. Достаточно умело спуститься на лыжах с гор мог каждый альпинист. Так же как горнолыжники были в состоянии покорить любую не слишком сложную вершину.

В Тбилиси самолеты летели кружным путем через Красноводск и Баку. Фронт тогда проходил довольно близко к Волге, хотя к Сталинграду фашист еще не подошел. Мы летели, не зная конкретно нашей задачи. Думали, что действовать будем в горах во вражеском тылу, ведь омсбоновцы большей частью выполняли подобные операции.

Добрались без особых приключений. В Тбилиси расположились в подтрибунных помещениях стадиона «Динамо». День пролетел, другой. Ждем. Прибывает подкрепление омсбоновцев, среди них — мотогонщик Геннадий Фомин, мастера лыжных гонок Иван Рогожин,

Иван Мокропуло, к тому времени уже награжденный боевым орденом Красного Знамени.

Догадка о том, что нам предстоит, оказывается неверной. Командование Закавказского фронта, имея в своем распоряжении такую малочисленную, зато сильную в альпинистском отношении группу, решает использовать ее для подготовки специальных горнострелковых отрядов, срочно формирующихся по всей Грузии. Нас по одиночке рассылают кого куда. Меня — в Сигнахи. Три недели инспектирую и обучаю тамошний отряд из 300 человек. Каменные стены древнего монастыря оказались пригодными для скалолазания.

Фронт находился поблизости. Пройдя ускоренный курс подготовки, отряды выводились на перевалы, преграждая врагу путь в Закавказье, к Черному морю, бакинской нефти.

В конце сентября был подписан приказ о создании учебной горнолыжной базы Закавказского фронта. Всю нашу группу направили туда преподавателями, присвоив офицерские звания. Так из сержанта я превратился в старшего техника-лейтенанта.

Местом дислокации базы выбрали поселок Бакуриани, с которым еще до войны познакомились сначала прыгуны с трамплина и двоеборцы, а потом горнолыжники. Теперь здесь надо воспитывать настоящих горных стрелков.

Еще раньше, когда мы только прилетели в Тбилиси, в одну из ночей на трибунах стадиона «Динамо» появилась большая группа лесгафтовцев во главе с ректором. Уходя от немцев, они добрались в Тбилиси из Нальчика через перевал Шаривцек. Одиннадцать выпускников, сдавших госэкзамены в Тбилиси, были призваны в армию офицерами и направлены преподавателями вновь создаваемой учебной базы. Находилась среди них и моя будущая жена Лола.

Отец ее был перс, мальчишкой бежавший в Россию

от турецкой резни; мать — польская беженка времен первой мировой войны. Их в чем-то схожие судьбы пересеклись на Волге, в Самаре — ныне Куйбышеве. Хорошая гимнастка, Лола совсем не знала горных лыж. Но она прошла испытания блокадного Ленинграда: лесгафтовки дежурили в госпиталях, на крышах домов, голодали... Лола по своему энтузиазму превосходила многих на Бакурианской учебной базе. Однако, получив перелом лодыжки в одном из учебных бакурианских походов, вскоре была вынуждена демобилизоваться. После войны жена экстерном сдала экзамены по горнолыжному мастерству и добилась звания мастера спорта...

После того как мы обосновались в Бакуриани, сюда продолжали съезжаться известные альпинисты. Андрей Маленнов и Валентин Коломенский появились из Среднеазиатского округа. Встретили и прыгунов с трамплина Константина Крылова и Игоря Стопани. Алексей Маленинов и Александр Сидоренко с Юрием Одноблюдовым и Колей Гусаком появились в наших рядах, когда притушилась на перевалах Кавказа острота боев, в которых они участвовали.

Бакуриани, как и Эльбрус, словно маяк в моей судьбе. Приближался ли к нему, удалялся ли, всегда светил мне его мягкий и мощный свет. Зимой величавые сосны на гребне Кохты (по-русски — Красивая) стоят все в инее и красуются, серебрясь в утренних лучах солнца, и Кохта будто наряжена в кокошник из драгоценных камней.

Поселок Бакуриани расположен на высоте 1700 метров над уровнем моря в широкой долине и окружен лесистыми горами. Триста дворов, двухэтажный детский санаторий, школа и крохотная учебная база Тбилисского института физической культуры, которую нам и выделили под штаб. Один из корпусов отвели санчасти, а комнаты заняли под общежитие. По четыре, пять, а то и десять человек в комнате жили преподаватели. В опустевших помещениях лесничества за поселком расквартировался учебный батальон.

Сразу по прибытии началась интенсивная учеба. Походы, стрельбы, скальная подготовка и снова походы. К январю мы проложили маршруты ко всем близлежащим хребтам и вершинам. Малейшие скальные выходы на гребнях гор использовали под учебные полигоны, где тренировались курсанты.

С каждым днем учебная база становилась все больше похожей на настоящее военное училище с «кафедрами» огневой и тактической подготовки. Придавая большое значение базе, ее часто инспектировал начальник боевой подготовки Закфронта.

Распорядок дня в Школе военного альпинизма и горнолыжного дела был обычным для военного училища. Только вот работало училище в условиях острейшего цейтнота.

Руководил школой Борис Дьячков — один из братьев Дьячковых, стоявших у истоков советской легкой атлетики. Борис Михайлович был человеком душевным, хорошим организатором. Он глубоко понимал легкую атлетику и слабо разбирался в альпинизме и горных лыжах. Но это не мешало Дьячкову четко выполнять свои обязанности.

Заместителем по учебной работе у него был известный прыгун с трамплина Виктор Александрович Андреев, прекрасно знавший все виды лыжной подготовки. Он был душой преподавательского коллектива.

Наши курсанты не были новичками в военном деле. Однако в горах своя специфика. Это предъявляло повышенные требования к будущим воинам-альпинистам и тем более к тем, кто их готовил.

При стрельбе в горах цель либо внизу, либо наверху — другая баллистика, иное прицеливание. Топограф без привычки путается в расчетах: в условиях гор маршруты исчисляются не привычными километрами, а часами движения, путь намечается с учетом лавинной

опасности, камнепадов и прочих сюрпризов природы. А саперное дело? А взрывное? И вьючное дело надо знать. И все — с высотными поправками.

Горный стрелок — это не только скалолаз и не только горнолыжник. Поэтому у нас работали кафедры: альпинизма, горных лыж, тактики, топографии, огневой подготовки... Все дисциплины преподавались офицерской роте и сержантскому батальону. Постепенно, день за днем, школа приобретала тот штат и методы работы, которые были присущи настоящему военному училищу. В марте 43-го, когда у офицеров Красной Армии вместо «шпал» и «кубиков» в петлицах появились погоны на плечах, Учебную горнолыжную базу Закавказского фронта переименовали в Школу военного альпинизма и горнолыжного дела.

Примерно тот же перечень дисциплин имели на вооружении наши враги — фашисты, и наши союзники — американцы. Различия заключались не столько в программе уроков, сколько в условиях их проведения. Немцы готовились планомерно, им благоприятствовал высокий уровень развития альпинизма и горнолыжного спорта в Западной Европе. Американцы целых два с половиной года кочевали с одной горы на другую, меняя полигоны и слыша только холостые выстрелы да поднимая учебные тревоги.

С вершины Кохты нам открывалась широченная панорама Главного Кавказского хребта: в ясную погоду видимость достигала 200 километров, и мы смотрели на Эльбрус, Донгуз-Орун и западные перевалы — Клухорский, Марухский. Каково там сейчас нашим?..

Мне, как и коллегам по школе, приходилось по собственному разумению, основываясь на личном опыте и навыках, разрабатывать методику обучения.

Так получилось, что среди преподавательского состава я был единственным мастером спорта по горным лыжам, четырехкратным чемпионом СССР. Куда важнее было то обстоятельство, что до войны мы понятия не

имели о подъемнике и на каждую гору взбирались на своих двоих. После такой практики мне было нетрудно составить «методичку» по тактике подъемов и спусков воинских подразделений.

Отряд уходит в горы. Брать ли лыжи с собой?

Вопрос естественный и важный. Рассуждаем, учитывая все факторы.

Что за боевая задача? Какова численность отряда? Какую высоту надо преодолеть? Важно все. Структура снега, глубина его залегания. И длина маршрута важна. И следует ли за подъемом спуск: спускаться лучше на лыжах, но подниматься с лыжами тяжелее. И будет ли там, наверху, организован передовой наблюдательный пункт или боевое охранение, которому нести на перевале длительную вахту, — тогда потребуется отлаженная подача боеприпасов, питания...

Задача со многими неизвестными.

Грамотный командир взвесит все «за» и «против» и примет верное решение.

Вот впереди крутой лавиноопасный склон. Полагается обойти его, а боевая обстановка требует подъема именно здесь и без всякого промедления. Поднимаясь зигзагами на лыжах, можно подрезать верхний слой снега и погубить весь отряд под лавиной. Напрямую и без лыж протоптать тропу надежнее.

Или, например, предстоит организовать оборону не занятого противником перевала. Прямая выгода пологими зигзагами подняться отряду на лыжах. Воины, оставшиеся на перевале, используют их как подстилку в палатке или сложенном из камней доте, положа на лыжи спальные мешки, и не так зябко будет. А те, кто призван обеспечивать боеприпасами, провиантом и всем необходимым, могут быстро скатиться на лыжах вниз по проторенной лыжне и вернуться по ней же с новым грузом.

В начале 50-х годов мы каждое лето тренировались в районе Домбая, на Птыше и потом через Клухорский

перевал уходили к морю, в Сухуми. На перевале еще сохранились остатки гитлеровских блиндажей, выложенных из камней. Примерно на середине подъема, в стороне от тропы, был «цирк» — выположенная чаша, а над ней крутая стена длиной метров 700. Здесь-то немцы и устанавливали однопролетный подъемник челночного типа: вагонетка вверх — вагонетка вниз. Так окопавшиеся на перевале «эдельвейсы» получали все необходимое для боя.

У американцев инженерные подразделения занимались сооружением канатных дорог для транспортировки грузов.

В войну до подъемников у нас просто руки не дошли. А жаль. Вещь нужная. И немудреная. Не знаю, были ли до войны военно-канатные дороги, но знаю: после войны они появились. Одну из таких дорог, залежавшихся на складе, использовали при строительстве первого кресельного подъемника на гору Чегет в Терсколе.

Горные стрелки обязаны маневрировать, надежно выполняя поставленную задачу. Если бойцы один вслед за другим, с автоматами и гранатами, помчатся по уже накатанной лыжне... получится «завал», как у велосипедистов на шоссе. Необходимо учить спускам с учетом нарастающего наката, чтобы воины вовремя уходили с лыжни в целину и останавливались. И тогда на склоне нарисуется веер лыжных следов.

При подъеме по целинному склону есть свои сложности. Надо выбирать крутизну подъема с учетом состояния снега, качества смазки, веса груза, чтобы отдачи не чувствовать и сзади идущему.

А груз у бойца-альпиниста приличный. В рюкзаке спальный мешок — один на двоих; многодневный запас пищи (в горах калории очень важны — даже в войну на учебной базе всем, кто уходил на маршрут, выдавали шоколад, сгущенное молоко и тушенку); автомат или карабин, подсумки с патронами на поясе, лопатка; ледоруб — один на двоих или троих; запасное белье и обязательно шерстяные носки... В многодневных походах мы помогали друг другу взваливать рюкзаки на спину. И дрова брали с собой, если знали, что попадем в альпийскую зону.

О какой же слаломной технике может идти речь?

Обычно курсанты отрабатывали на склоне рядом со школой способы подъемов и спусков, торможения, элементы упоровой техники поворотов вокруг веточек. Курсанты спускались и в «упоре», и в «плуге», а наиболее ловкие даже пробовали поворачивать на параллельных лыжах — без груза, конечно. С набитым рюкзаком и с оружием «христианией» * особенно не поездишь. Да и ни к чему это было на тех лыжах, которые у нас были вначале.

Трофейные лыжи появятся у нас позже. А пока что по инициативе кафедры лыжного спорта Тбилисского института физической культуры для нас наладили производство лыж из карагача — очень вязкой, тяжелой и плотной древесины, которая от воды изрядно коробилась и на мокром снегу превращалась непонятно во что. Из кладовки институтской кафедры получили мы и гоночные лыжи типа «Муртомаа», не столь изящные, как сегодняшние «спички», зато удобные для походов и годившиеся для обучения бойцов. Слаломных лыж были считанные пары.

Первый батальон бакурианской школы по тревоге 1 января 43-го отправили на горячий участок под Туапсе. И сразу же ему пришлось вступить в схватку с врагом, которая для большинства парней оказалась первой и последней. После боя под Туапсе ряды батальона настолько поредели, что он как самостоятельная единица перестал существовать.

---

* Стиль поворота, распространенный на заре развития горнолыжного спорта. Христиания — старое название столицы Норвегии Осло.

В самой первой атаке,
на первом шагу
молча рухнул на бруствер
под ноги соседу.
Хоть бы пулю, и той не послал по врагу.
Шаг шагнул...
Но на шаг к нам приблизил Победу.

В этих строчках ленинградского поэта Павла Булушева горькая правда о павших. Павших в первой же схватке с врагом.

Три месяца я готовил взвод разведчиков этого батальона. Хорошие ребята, многие еще до Бакуриани понюхали пороха, кое-кто прибыл после госпиталя. Все, что знал и умел, старался передать им.

Вскоре мы отправились с этим взводом в очередной зимний поход. Он выдался на редкость изнурительным. К вечеру третьего дня следовало на высоте 3000 метров над уровнем моря выйти к отметке, где на карте были обозначены коши (пастушьи хижины), в которых летом живут скотоводы. Вышли точно, а сколько ни искали, кошей этих не нашли. Мы вконец устали и продрогли. Гулко завывал ветер, и яростно мела поземка. Я несколько замешкался. А среди солдат пополз ропот: «Привел не туда».

Что делать? Что предпринять?

Наступала ночь, заметно холодало. В горах контрасты ночи и дня гораздо резче. Надо было принимать решение. Дал команду:

— Рюкзаки и лыжи снять!

— Оружие составить!

В глубоком снегу наметил шагами прямоугольник для рытья траншеи. Лопат не было. Задними концами лыж нарезали кубики снега и выкладывали из них стенку с наветренной стороны. Знал, как альпинисты в таких случаях устраивают свои холодные ночевки. На дно траншеи положили лыжи, чтобы не подмерзать снизу, а из спальных конвертов сделали один коллективный спальный мешок. Весь взвод улегся, плотно прижавшись друг к другу. Ни один грамм тепла не пропадал.

Недовольный шепот стих, а запевала взвода, голосистый грузин, затянул песню, с которой взвод каждый вечер маршировал на вечерней поверке:

Цинателла, Натела...

Слова из этой песни запомнил на всю жизнь.

Отдохнув, мы назавтра покорили вершину Каракая, наиболее тяжелый участок маршрута. А взвод, выполнявший вслед за нами ту же задачу, вернулся на базу, так и не одолев маршрут.

Наивно было с моей стороны полностью довериться карте. Когда наступила весна, я специально пришел на то место и увидел коши, основательно вросшие в землю, с крышами из дранки и со всех сторон обложенные камнями. Зимой коши занесло снегом.

Суровые и непредвиденные обстоятельства утвердили меня как инструктора. Я на собственном опыте понял, что в сложной ситуации нельзя терять голову, что всегда можно найти выход из положения.

Эту историю я вспомнил в другом походе, когда вместе с Женей Абалаковым коротал ночь в снежной пещере, вырытой в надуве*. У него даже свечка нашлась, и перед сном он расположился поудобней и читал книжку. Вот что значит альпинист высшей квалификации.

В третью военную зиму у всех появилась уверенность, что победа наша предрешена, что врага разобьем не только за этими, Кавказскими горами, а за Карпатами, Татрами, Альпами. И возникла идея устроить первенство страны по горнолыжному спорту!

Подумать только: идет обескровливающая страну битва, враг остервенело бьется за каждый плацдарм.

---

* Надув — снежный карниз на склоне, закрытом гребнем от ветра.

В тылу люди живут как на передовой. И находятся силы провести крупный спортивный турнир.

Футбольный матч в блокадном Ленинграде. «Матч смерти» на киевском республиканском стадионе. События эпохальные. Бакурианские старты значительно уступают им по значимости.

Но все это звенья одной цепи. Звенья нашей несгибаемости.

Чемпионат напомнил о мирной жизни, утверждал скорый ее возврат. Пресса и радио освещали турнир, чтобы как можно больше людей узнало об этом. И чтобы враг тоже был в курсе дела.

В газете Закавказского фронта «Боец РККА» заголовок набрали крупным шрифтом — «СОРЕВНОВАНИЯ ПО ГОРНО-ЛЫЖНОМУ СПОРТУ» (тогда писали так — через дефис). Фоторепортаж запечатлел лейтенанта Ивана Мокропуло в момент прыжка с трамплина, сильнейших в мужском и женском слаломе — рядового Владимира Преображенского и Нину Полякову-Хоменкову.

«На высоте 2500 метров над уровнем моря на склонах горы Кохта, в снежную метель 2 февраля было разыграно первенство страны по скоростному спуску на лыжах.

Борьба происходила на трассе протяженностью в полтора километра, где старт находился на высоте, превышающей точку финиша более чем на 250 метров по отвесу. На таких уклонах опытные лыжники развивают скорость 70—80 километров в час, то есть спускаются на лыжах со скоростью курьерского поезда.

Кто окажется лучшим скоростником, кто сумеет удержать скорость движения и на поворотах, кто изберет наилучшую посадку в движении, кто подобрал лучшую мазь, дающую отличное скольжение, тот и победит.

В первой попытке лучшее время показывает младший лейтенант Ялокас (Ленинградский фронт) — 1 минута 23,7 секунды. На втором месте — лейтенант Овчинников (Москва, ЦДСА) — 1 минута 24,8 секунды. Третьим идет представитель Закавказского фронта старший техник-лейтенант Ростовцев — 1 минута 25,2 секунды. Четвертым старший сержант Гавва (Закавказский фронт) — 1 минута 26,8 секунды. И лишь пятым лучший скоростник страны, инженер-авиаконструктор Беляков (Москва, «Крылья Советов») — 1 минута 27,5 секунды с падением.

После первой попытки судьи и зрители считали претендентами на успех тт. Ялакаса и Овчинникова.

Вторая попытка.

Взмах флажка — и пулей несется вниз лейтенант Овчинников. Можно с уверенностью сказать, что даже самый опытный снайпер не сможет поразить такую мишень...»

Верно подметил автор репортажа капитан А. Акопов. Скорость и маневренность — это внезапность нападения и собственная неуязвимость.

«...Но вот стартует Беляков. Внимание всех поражает блестящая техника, безукоризненная посадка и подлинно мастерское бесстрашие. Лыжник почти летит. Взмах палок — и линия финиша остается позади. Секундомеры фиксируют изумивший всех результат — 1 минута 12 секунд. Исход борьбы решен. Первое место, а с ним и почетное звание чемпиона СССР по скоростному спуску 1944 года вновь завоевывает Ростислав Беляков».

С Беляковым мы давние соперники — наша дуэль длилась годами. До войны на склонах Хибин в Кировске мне удалось ненамного обогнать его в слаломе. Минуло шесть лет, и мы вновь «скрестили шпаги» на трассе скоростного спуска. И к моему удивлению (все-таки я в горах бойцов обучал владению лыжами, он же вел ответственную работу в авиационной промышленности), мой старый друг Ростик с блеском выполнил вторую попытку, наверстал, казалось бы, безвозвратно потерянное и уехал из Бакурианн победителем. Ныне

Ростислав Аполосович Беляков — генеральный конструктор, дважды Герой Социалистического Труда, депутат Верховного Совета СССР.

Курсанты бакурианской школы получили тогда наглядный и поучительный урок. И сегодня, когда отправляю юных армейцев на вершину Кохты, перед глазами стоит тот чемпионат, ставший еще одним свидетельством нашей несокрушимости.

Выпускникам Школы военного альпинизма и горнолыжного дела довелось сражаться и на Главном Кавказском хребте, и под Туапсе. Мы выпустили первый батальон, и впоследствии наши курсанты регулярно пополняли части Закавказского фронта. В начале 1943 года фашистам пришлось убираться восвояси: наши войска теснили врага по долинам и предгорьям Северного Кавказа, и «эдельвейсам» угрожала опасность оказаться отрезанными от своих частей.

Гитлеровские штандарты, оставшиеся на Эльбрусе, были как бельмо на глазу. Командование Закавказского фронта отправило две группы военных альпинистов под руководством военного инженера 3-го ранга А. Гусева и лейтенанта Н. Гусака для снятия фашистских тряпок. Перед восхождением группы объединились, и 17 февраля 43-го на Эльбрусе затрепетали на ветру красные флаги.

Курсанты, прошедшие в Бакуриани краткосрочные курсы, пополняли потом маршевые роты, отправлявшиеся на передовую. В то же время часть преподавательского состава Бакурианской школы получила добро на свои просьбы об отправке на фронт.

Я попал в 1-ю гвардейскую воздушно-десантную дивизию незадолго перед прорывом вражеских позиций под Яссами. Только при освобождении Румынии, Венгрии и Чехословакии в нашем соединении было убито и ранено около 18 тысяч человек. Затем дивизия совершила переход через Хинган, участвуя в окружении и разгроме японской квантунской армии. Так мы «закончили поход». Счастлив и горд, что успел послужить в части, где что ни воин, то герой...

* * *

А начиналось как у всех — с 1941 года...

Октябрь. Тяжелейшие дни отступления наших войск. Враг на подступах к столице. Я, солдат, черпавший информацию из тревожных сводок Совинформбюро и зачастую толком не ведавший, что происходит вокруг, что другой батальон или даже соседняя рота делает, только спустя много времени осознал обстановку тех дней. Фашистские войска пытались обойти Тулу и выйти на Рязань, чтобы окружить столицу. Наш батальон бросили под Раменское на случай такого прорыва.

Сегодня это место зовется городом Жуковским, а тогда здесь был пустырь, вдоль и поперек исчерченный нашими окопами. И отсюда нас по тревоге поднимают, строят, и мы бежим на станцию. Электричка уже стоит, садимся, едем без остановок и прибываем на Казанский вокзал. На перроне строимся и быстрым маршем направляемся к центру. Ночь. Дождь, снег и ветер.

Ночь: с 14-го на 15 октября.

Идем по улице Кирова. Почти бежим. Следуем мимо Лубянки, через площадь Свердлова, мимо гостиницы «Москва». Поворачиваем налево, и вот она — Красная площадь, Кремль.

Встаем в колонну по четыре, растянувшись от Исторического музея до Лобного места. Час стоим. Два стоим. Дождь со снегом и ветер не переставая. Мимо то и дело проносятся машины, чаще грузовые. Едут и едут. И все в одну сторону, на восток. А мы все стоим. Не понимаем, что происходит.

Под утро отряды расквартировывают по близлежащим зданиям: наш — в помещении ГУМа, другой —

в здании Совета Труда и Обороны, напротив гостиницы «Москва», третий еще куда-то, но тоже в центре города. Насквозь промокшие и продрогшие, мы расположились в фасадных комнатах второго этажа, прямо перед нами Мавзолей.

Двадцатые числа октября.

Немец продолжает рваться к городу. Налет за налетом. Над столицей на длинных тросах десятки «колбас» — аэростатов заграждения. Действует так называемая пассивная воздушная оборона, вынуждающая «юнкерсы» и «хейнкели» держаться подальше и повыше, не давая производить прицельное бомбометание.

Питался наш батальон в столовой ЦК комсомола в переулке, примыкающем к улице Кирова. Обедаем. И вдруг — взрыв! Взрывной волной с треском выбивает все окна столовой, тарелки с едой и мы сами— все летит на пол: ухнуло недалеко, на Старой площади.

Начало ноября.

Мы все еще находимся под впечатлением ночи, проведенной на Красной площади по прибытии в город. Снег с дождем, который тогда шел, перешел в обильный снегопад. Мы, лыжники, удивлялись. Надо же, обычно зимы ждем не дождемся, а тут она в середине осени началась. Снег не таял. Пошли морозы. Наши морозы.

6 ноября неожиданное построение. Нам говорят:

— Завтра мы участвуем в параде на Красной площади, а сегодня пройдем, проверим шеренги, глубину строя.

7 ноября 41-го подъем в пять утра. Проверяем форму, оружие и подсумки, еще раз все тщательно чистим, подтягиваем, подгоняем.

Выстраиваемся на Манежной площади. Идет снег, дует ветер. Стоят части с фронта, батальон омсбоновцев.

Выходим на Красную площадь и перестраиваемся в

каре лицом к Мавзолею, на котором вскоре появляется Сталин.

Сталин обращается с речью к нам, к народу.

Каждое его слово — как призыв, как приказ, как набат.

Далее все происходит, как это обычно было до войны. Двигаемся, разворачиваемся около Исторического музея, выравниваем шеренги — и вперед строевым мимо Мавзолея.

Впереди наш батальон. В первой шеренге справа от меня идет мастер спорта по велогонкам Сева Дайреджиев, слева — чемпион Союза по мотоспорту Геннадий Фомин, впоследствии командир взвода мотострелков. Парни ростом по 180 и выше, гренадеры как на подбор. На плече самозарядные винтовки Токарева, штыки примкнуты.

После парада части, снятые с фронта, прямым ходом следуют на рубежи обороны, а нас оставляют на своих местах...

Роман Кармен создал замечательную киноэпопею «Великая Отечественная». Там в каждом кадре правда и только правда. Показана и Москва осени 41-го, обстановка, царившая в те дни.

Фильм вернул меня к тем далеким событиям, и сознание вдруг с абсолютной ясностью сформулировало: а ведь действительно — прорвись фашисты в Москву, и нам пришлось бы вести бой вот тут, на Красной площади, откуда нельзя, да просто некуда отходить.

Что свойственно нашей памяти?

Все хорошее и светлое она оставляет на поверхности. А вот переживания, суровые и жестокие, не то чтобы стираются временем, нет, но как-то постепенно разбредаются по глубоким тайникам памяти.

И понадобилась именно такая кинолента, как «Великая Отечественная», чтобы, минуя десятилетия, я вдруг снова оказался в Москве 1941 года.

* * *

Прозаик Виктор Астафьев принадлежит к моему поколению. В своих размышлениях о Великой Отечественной он приводит изречение древних, которые называли память «зрячим посохом». Тонко подмечено. Перескакивая от одного события к другому, от дня вчерашнего к сегодняшнему, касаясь то спорта, то войны, я словно с таким «посохом» бреду по своей судьбе.

Астафьев пишет, что «даже ветераны, солдаты, инвалиды в своих воспоминаниях упоминают иногда только о том, что им приятно. А правда выборочной не бывает. Но память человеческая так устроена, так хорошо она работает, что как резинкой стирает все неприятное, люди видятся себе героями, хорошими себе кажутся. А мы не были святыми, мы оставались просто людьми и преодолевали себя, свои слабости».

И в этом отношении спортсмены, попадавшие на передовую, не являлись исключением. Хотя верно и то, что сильный телом и крепкий духом молодой человек должен легче сносить все тяготы и невзгоды.

...Август 44-го. Весна. Румыния, 2-й Украинский фронт. «Кишиневский котел». Нашей дивизии в составе 53-й армии под командованием генерала Манагарова необходимо форсированно выйти от Ясс к Бухаресту, пока другие армии продолжают вести бои по окружению и пленению противника. Нам предстоял марш-бросок на 500 километров. Мы прошли их за девять дней. За девять! В скоротечных боях отмеряли по полсотни с лишним километров в день...

На должность меня еще не назначили, перед маршброском не до того было, сказали только:

— Вот, старшой, видишь, наши полки в прорыв идут. Давай двигайся с каким-нибудь из них. Потом разберемся.

Шли и ночью и днем. Шли с короткими привалами и боями — прорывались из «котла» мелкие группы противника. В одной перестрелке перебило руку Шевченко Саше. Он и Сванидзе Володя прибыли в дивизию вместе со мной из Бакурианской школы.

На третьи сутки бодрых в колонне не осталось.

Ночь. Видны только силуэты бойцов, слышно хриплое дыхание, и чувствуется запах пота. Усталость так и висит в воздухе. А мы все идем. И сколько еще шагать — никто не знает.

Рядом два пожилых солдата тащат на себе противотанковое ружье. Ну я-то, здоровый, молодой, подскочил к ним:

— Батя, дай-ка подсоблю.

— Давай.

Несколько километров пронес. Они, видно, догадались, каково мне одному тащить — это стало заметно по моей походке.

— Ну ладно. Хватит. Спасибо тебе, сынок.

День идем. Ночь идем. И снова день. И снова ночь.

Спали буквально на ходу. Удар! Искры из глаз. Это я на повозку наткнулся...

К исходу седьмых суток я ног под собой не чувствовал. Сел у кювета. Полк идет и идет, проходит мимо, а я в каком-то бессилии. Хорошо еще, мой новый товарищ — старший лейтенант — находился в хвосте колонны и заметил меня.

Подошел:

— Что с тобой?

— Не могу. Шагу сделать не могу. Хоть ноги отруби.

На мое счастье, поблизости в кустах понуро стояла брошенная лошадь. На войне лошади дохли от изнеможения. Когда их окончательно покидали силы, животных выпрягали и оставляли около дороги. А что было делать? Хорошо, если лошадь еще держалась на ногах. Упадет, тогда уж не подняться ей, подохнет.

Эта лошадь еще стояла. Приятель помог мне встать, взял под руку, и я кое-как доковылял до нее. А она сама вот-вот протянет ноги. Картина та еще! Старший

лейтенант, помню его имя — Василий, взвалил меня на отощавший хребет. Сесть верхом я не мог. Пристроился на спине лошади полулежа. Попробовал легонько постегивать ее сломанной веткой. Лошадь передвинула ноги раз, передвинула второй, третий и потихоньку пошла. Медленно шла, зато привезла меня до городка, где объявили очередной привал. На центральную площадь я въехать-то въехал, а вот самостоятельно слезть с лошади не мог. Опять Василий выручил — снял меня и помог сесть на солому.

И это чемпион Советского Союза. Какой же я после этого мастер спорта?! Стыдно было и перед бывалыми солдатами, и особенно перед Василием.

Довоенные тренировки и старты, походы в Бакурианской школе пригодились мне в полной мере. Но и это, как выяснилось, не давало ровным счетом никаких гарантий.

Война есть война. И ничто не сравнится с ней в тяжести испытаний.

На войне, как вряд ли еще где-нибудь, подчас ведущую роль в судьбах людей играет и стечение обстоятельств. Старая поговорка: «Либо грудь в крестах, либо голова в кустах» — отражает суть.

При форсировании Тисы все уцелевшие и удержавшие плацдарм были представлены к наградам. Но когда указ пришел в дивизию, из 16 живых месяц назад в строю осталось лишь двое. А форсировал Тису целый батальон. Правда, батальон военного времени — это, конечно, не триста или более человек, но солдат полтораста в нем было.

...Река Грон в Словакии стала тем рубежом, у которого наша воздушно-десантная дивизия задержалась на месяц, подтягивая тылы и готовясь к новому броску вперед.

Наш берег был равнинный, а на другом почти сразу

начинались лесистые горы, на вершинах которых противник создал узлы обороны. Под покровом ночи загодя навели переправу: протянули трос, привязав его к огромной иве на том берегу, чтобы лодки могли сновать челноком, перевозя бойцов. Разведчики с успехом не раз пользовались ею.

Накануне форсирования Грона мне, тогда уже офицеру штаба дивизии, было приказано организовать переправу и погрузку боеприпасов, а после того, как на том берегу окажется наш последний солдат, передать переправу соседней части.

Уже поздно вечером, закончив проверку переправы и подвозку к ней боеприпасов, я пришел в штаб батальона, роты которого первыми должны были форсировать реку. Вдруг в небе зарокотал фашистский «горбыль» — самолет наподобие нашего «кукурузника». Зависнув в темноте над головами, он потихоньку стал сбрасывать бомбы. Малая авиация доставляла тогда большие неприятности. Два офицера и старшина предложили укрыться в каменном погребе во дворе. Но мне надо было срочно доложить обстановку замкомдиву. Всего лишь час я отсутствовал, проскакав на лошади до штаба дивизии и обратно. Возвращаюсь и вижу: прямое попадание бомбы в погребок — свод рухнул, под ним остались мои товарищи...

Остаток ночи я пролежал на земле около лошади у штаба батальона. Зная, что с рассветом должно начаться форсирование, заспешил в расположение роты, чья очередь была первой. Командовал ею выпускник Бакурианской школы Володя Сванидзе. Вместо того чтобы идти по дороге и затем берегом выйти к землянкам, я предпочел срезать угол и направился прямо через огороды и луговину.

Иду, окутанный предрассветной мглой. Вдруг дуновение ветерка рассеивает туман, и я вижу на бруствере окопа ротного наблюдателя, который, заметив меня, кричит:

— Эй, куда тебя черт занес?!
— А что такое?
— Так здесь же заминировано!
— А где мины?
— Где? Ищи, может, найдешь!..

Сам я до этого противопехотных мин не ставил и тем более не разминировал. До окопов осталось метров 70, назад немного меньше. Что же делать? Мне надо быть там — впереди.

Прикинул по теории вероятностей, что чем меньше раз поставлю ноги на землю, тем больше шансов уцелеть. Задрал полы шинели и начал прыгать с ноги на ногу в сторону ротных траншей. Допрыгав, буквально рухнул на бруствер и услышал из уст солдата, годившегося мне в отцы, пару крепких, но с оттенком одобрения слов.

Удача определенно и здесь улыбнулась мне.

Когда последний наш солдат благополучно преодолел водную преграду и все боеприпасы оказались на том берегу, к переправе стали подходить бойцы соседней части. Я предложил их командиру:

— Разместите пока на всякий случай народ в освободившихся окопах и землянках.

Он дал команду, и все быстро попрятались, а мы сами стоим и курим: капитан, два старших лейтенанта, трое сержантов и я. Вообще-то я не курильщик, но тут задымил, чувствуя, что груз ответственности свалился с моих плеч. С легким сердцем я попрощался и направился тропинкой вдоль берега. Ста метров не прошел, как сзади услышал взрывы. Обернулся: падают и рвутся мины прямо в том месте, где мы только что стояли тесным кружком.

Видимо, вражеские наблюдатели засекли место переправы: с первого залпа попали точно.

Не принято о таких вещах рассказывать. Люди погибли, а ты остался жив. Я испытал какое-то чувство горечи и стыда. В первый миг был просто ошеломлен.

Минутой назад я был там, познакомился с этими людьми, попрощался с ними за руку. И вот их нет, я — есть. Что мне за стезя такая, что я третий раз за ночь, за одну только ночь ухожу от смерти... В сорочке, что ли, родился?..

Наступление за рекой развивалось успешно. А через день из медсанбата передали, что меня хочет видеть один офицер-грузин. Сердце екнуло: неужели Сванидзе? Быстро поскакал.

Точно — он. Тяжелое ранение. Нетранспортабелен в течение десяти дней. Володя был очень слаб, едва шевелил губами. Отойдя от него, я спросил у врача:

— Ну как он?

— Мы обычно считаем такое ранение смертельным, — и, махнув рукой, добавил: — Пуля прошла через печень.

До сих пор чувствую себя виноватым. Не взял его домашнего адреса. И минуло столько лет, а я так и не написал родным или в военкомат. Знаю только, что был он отличным парнем и что родом из-под Кутаиси.

* * *

Переход через Хинган — старый горный хребет с редкими скалами, травянистыми, безлесыми склонами и вершинами до тысячи метров высотой. Никому из врагов и в голову не могло прийти, что наш солдат осуществит маневр, равного которому не было в истории. Около 700 тысяч пленных японских солдат и офицеров — таков итог окружения.

Пока дивизии перебрасывались с запада на восток, мы стояли под Баин-Туменью. По календарю был День физкультурника, и наше командование решило его устроить. Штабные офицеры сражались на моментально сделанной волейбольной площадке, боевые полки бежали трехкилометровый кросс вокруг высотки.

Для нас война была еще не окончена, нам предстоя-

Склоны Хингана хоть и были в основном травянистые, но даже на траверсах * гусеницы не могли удержать танки, и они сползали боком к подножию, погружаясь в трясину. Только башни оставались на поверхности. Такое довелось увидеть, когда наша дивизия сомкнулась с танковой армией. Чтобы подобная участь не постигла наши машины и они не перевернулись, орудийные расчеты перевешивались за борт, как это делают яхтсмены при боковом ветре, а пехотинцы, идя выше по склону, за веревки удерживали машины от сползания. Удивительно находчив наш солдат.

И мы прорвались через Хинган.

За Внутренней Монголией была Манчьжурия.

Перед городом Тунляо на берегу реки Ляохе мы остановились. Темп продвижения был настолько высок, что дивизия слишком далеко оторвалась от штаба армии, и для связи использовался маленький самолет-биплан.

Прилетел в очередной раз воздушный почтальон, сбросил вымпел с пакетом для командира дивизии, в нем — сообщение о капитуляции Японии. Радостная, долгожданная весть!

* * *

Минуло девять лет с окончания войны.

В роли наблюдателей меня с Сергеем Шустовым отправили на чемпионат мира в Швецию. Познавательным было все, что попадалось на глаза. И по возвращении домой я изложил свои впечатления на страницах газет. Постарался все описать. Одну лишь деталь упустил. Упустил тогда, не желаю повторять ошибку сегодня.

Организация горнолыжных стартов везде за рубежом, где доводилось бывать, осуществляется силами

* Траверс — движение поперек склона.

армейских подразделений. И шведы, отличающиеся скрупулезностью и основательностью, поступали так же.

Я поразился. Солдаты готовили склоны и устанавливали трассы в обычном полевом обмундировании. Экипировке оставалось только позавидовать, хотя ничего мудреного в ней не было. Лыжи, на которых шведские военные перемещались по склонам, утаптывая наст, по длине чуть уступали чисто спортивным лыжам, а шириной слегка их превосходили. Солдаты подсыпали или, наоборот, срезали снег опециальными лопатами, каких сегодня днем с огнем не встретишь в наших горнолыжных центрах.

Если говорить о горах и лыжах, то непременно следует помнить, что инвентарь здесь, все детали экипировки крайне важны. Наш солдат — смелый и сильный, мужественный и умелый, преданный Родине. Выносливей, несгибаемей, преданней солдата в мире не сыскать. Все это так. И все же хорошо бы было уделять побольше внимания обучению действиям в горах, добротной экипировке.

...Порядком истерлась вырезка из «Красной звезды» от 15 апреля 1981 года, с которой началась эта глава. Вскоре на ту же тему вышла статья в «Правде». Не дают они мне покоя. Как не было покоя с тех пор, когда война прервала курсы офицеров в Терскоде, когда лишь после захвата фашистам Эльбруса начали формироваться горнострелковые отряды, и особенно после того, как накопленные в Бакурианской школе знания, опыт и традиции по окончании войны были преданы забвению. В Школе военного альпинизма и горнолыжного дела закладывались отечественные традиции в важном разделе военного искусства.

Из Бакуриани на передний край поступали ко всему готовые воины. Воин, обученный действиям в горах, стоит, по-моему, минимум трех солдат-пехотинцев! И по физической готовности, и по умению вести огонь, и по ориентированию в оперативной обстановке, которая на

горных склонах меняется молниеносно. И по испытаниям на выживаемость.

Американцы при отборе в свою горно-стрелковую дивизию пользовались «коэффициентом интеллектуальности». Примечательно их резюме о том, что «каждый солдат горно-стрелковой дивизии мог рассматриваться как потенциальный офицер».

Война на хребтах, перевалах и вершинах — это война мелких подразделений, обеспечивающих наступление крупным соединениям в долинах. И оттого возрастает сложность и ответственность задач горных стрелков.

Крайне важно к началу боя находиться выше противника. «Кто выше — тот сильней!» — вот главный закон войны в горах. При прочих равных условиях, конечно.

Маршал Советского Союза И. С. Конев, основываясь на опыте Великой Отечественной войны, в частности боев за Кавказ, писал, что «в горах хорошо обученный, организованный батальон со средствами усиления во главе со смелым и решительным командиром может выполнить задачу, поставленную полку, а то и дивизии».

...Совсем пожелтела маленькая, карманного формата книжечка: «Памятка бойца лыжника-альпиниста».

Выходные данные: учебная горно-лыжная база Закавказского фронта, 1942 г.; тираж — 10 тысяч; объем — 1¾ листа печ.; разрешено к набору — 5.12.42 г., подписано к печати — 15.12.42 г.

Три дня и три ночи сидела, не разгибаясь, бригада преподавателей Бакурианской школы и написала памятку. Ее отправляли, словно телеграмму-«молнию», чтобы была она в полевой сумке солдата горно-стрелковой роты.

Читаю оглавление памятки:

«Изучай горную местность. Различай места в горах, где бывают камнепады, лавины, обвалы. Умей ходить по горам. Страхуйся веревкой на крутых и опасных местах. Преодолевай на лыжах снежные скаты. Для умелого бойца-альпиниста нет непреодолимых препятствий в горах. Умей сражаться, стоя на лыжах или на кошках. Стреляй метко, маскируйся умело. Береги оружие и снаряжение. Находи дорогу в горах. Не оставляй раненого товарища».

Сегодня сюда стоило бы добавить вопросы взаимодействия подразделений и использования новой техники.

А так ведь горы остаются горами: высота, крутизна, ветер, снег, лавины, камнепады...

МОДЫ И ЗАБЛУЖДЕНИЯ

Приезжает ко мне на работу один научный сотрудник с диссертацией на соискание звания кандидата наук. Все там есть. Введение. Литературный обзор. Теоретическая часть. Эксперимент. Анализ результатов. Таблицы и графики. Выводы. Рекомендации. Просит он ознакомиться и дать отзыв, кстати, уже заготовленный.

Читаю и узнаю, что наилучший вариант скольжения при поворотах — это скольжение в постоянном контакте лыж со снегом. Множество цифр, формул, схем, диаграмм свидетельствует о том предельно достоверно.

Мне ли сей факт опровергать? Это же было изложено мною в пособии для тренеров. Правда, признаю, в куда менее солидной форме — всего-то на половине страницы, да и формул приведено совсем чуть-чуть. Правда и то, что пособие появилось на свет в конце 50-х годов.

Сообщаю молодому адепту науки об этом факте. Он и жилочкой на лице не выдает растерянности, во всеоружии встречая любой поворот событий:

— Верно. Совершенно верно, Дмитрий Ефимович. Так ведь это же и подтверждено моими экспериментами!

— Ну коли этого теперь достаточно для звания кандидата наук... Извините. Только отзыв давать — увольте!

Я-то знаю наперед, что все у него обойдется и у нас появится новый правофланговый научного прогресса. Их в области горных лыж более двух десятков — взвод целый! — и я бы с радостью представил тех, кто внедряет передовую мысль на горнолыжных склонах, да вот оказия — не знаю таковых. Лишь кандидаты наук супруги Лисовские продолжают на лыжах тренировать студентов. Большинство же, защитившись, уходят от горных лыж. Причины разные. Одна из них — недооценка роли науки в наших дисциплинах.

Во Всесоюзном научно-исследовательском институте физической культуры имеется целая лаборатория по лыжному спорту. Какое-то время в воздухе витала идея сформировать там маленькую группу или сектор нашего профиля. Я позвонил туда, предложив помощь. И получил ответ:

— Вы знаете, этот вид спорта у нас не идет.

Наверное, я определенно чего-то недопонимаю. И млад и стар, куда ни взглянешь, идет на горки и едет в горы, а у них, видите ли, горнолыжный спорт «не идет»!

Дома приводил бумаги в порядок и обнаружил, что мои публикации по технике, методике, организации, другим «горнолыжным» вопросам составляют довольно-таки увесистую стопу: уж на одну-то диссертацию даже на строгих весах науки «потянет». Но не думал я об ученом звании, не помышляю о нем и сегодня. Однако считаю, что спорт и поиск, беспокойство мысли, безусловно,

совместимы. Изобрел ты тренажер, получил любопытные данные, воспринял по-своему новое веяние, воспитал мастера, отойдя от привычных схем, — словом, создал что-то свое, чем хотел бы поделиться, так выступи на конференции, напиши статью, пособие или диссертацию защити.

Если статью, пособие и даже книгу пишут иногда специалисты-практики, то на ученых советах заслушивают, как правило, научных сотрудников-теоретиков чистой воды. Я бывал на защитах диссертаций по горнолыжному спорту. Немало слышал интересного и важного, что так могло пригодиться на лыжных склонах. Увы, дальше публикаций в специальных изданиях дело не продвигалось. Естественно, что и реализовывать на практике новые идеи при таком положении весьма проблематично. Вот и предпочитают кандидаты наук внедрять свои знания в других областях спорта.

КНГ — это комплексная научная группа. В ней и физиолог, и биомеханик, и терапевт, и психолог. Работали со сборной страны сотрудники Тбилисского института физкультуры, потом их коллеги из Львова, вслед за ними — алмаатинцы. Научные группы сменяли друг друга, но различить их по делам тренеры сборной не могут, утверждая:

— Практическая польза от науки равна нулю! Мы устали на это сетовать.

Вина тренеров, полагаю, в том, что они не предъявляют конкретной программы, заданий на разработку научных тем. А расхлебывать на склонах им и спортсменам.

На одной из научно-практических конференций бывший государственный тренер Юрий Кабин бросил как перчатку:

— Я держу в руках отчет КНГ двадцатилетней давности, содержащий четкие и аргументированные рекомендации. Страницы эти пожелтели, поистрепались. А каков уровень ваших докладов, товарищи из КНГ и

тренеры сборной? Где обобщения сегодняшней практики? Что принесло советским горнолыжникам признание за рубежом? Вместо этого вы живо повествуете о том, как западная пресса расхваливала наших ребят.

Семнадцать лет я работал со сборной командой СССР тренером, а бок о бок с нами трудилась комплексная бригада из Ленинградского научно-исследовательского института физической культуры. Мы, тренеры, формулировали перед бригадой вопрос, в решении которого затруднялись, и бригада строго по-научному ставила эксперименты, собирала и анализировала данные и приходила с конкретными предложениями. Жаль, принявшие у нас эстафету так и не завершили начатую нами работу по дифференциации нагрузок в слаломе, гиганте и скоростном спуске, необходимую для планирования тренировочного процесса.

Что правда, то правда: тяжело нам тягаться в научном обеспечении быстрых секунд на снежных трассах с теми же австрийцами, для которых это — защита национального престижа. Но два десятка кандидатов наук, защитивших диссертации на материале горнолыжного спорта, чтобы потом заниматься чем угодно, — это и для нас роскошь непозволительная.

Как стремительно ни мчится горнолыжник, все равно эти «километры в час» далеки от скорости распространения света. И потому взаимодействие человека, лыж и склона целиком умещается в формулы, выведенные Исааком Ньютоном. В формулы, доступные любому, имеющему аттестат зрелости. При всей своей сложности и подверженности изменениям горнолыжная техника полностью умещается в рамках обычной классической механики, где все можно легко представить, объяснить «на пальцах».

Крепость мышц. Технические приемы. Тактическая сметка. Устойчивый характер. Из этого гимна о спорте слов не выкинешь, иначе он потеряет свой строй, свою рифму, свое содержание, мелодичность свою растеряет.

Но каждую его строфу я бы начинал со слова «Техника», им же и завершал бы четверостишие. Слово это означает биомеханическое обоснование движения, производимого спортсменом с определенной целью в конкретных условиях.

А высшая цель — это титул чемпиона или рекорд. И одного совершенства движений здесь недостаточно. В частности, феноменальный американский барьерист Эдвин Мозес убежден в том, что «настраивать себя на рекорд — сущая бессмыслица, в ходе стартов сложится по всем статьям благоприятная ситуация, и тот самый день, естественно, при высшей степени готовности, станет датой рождения рекорда».

Мозес бегает один круг с барьерами. Его экипировка — шиповки да трусы с майкой. Завяжи ему глаза, он и так одолеет тартановый круг, настолько отрепетирован каждый шаг и каждый взлет над барьером. Ленинградский пловец Владимир Сальников «одет» и того проще. И мощные его гребки выверены столь же тщательно, как и бег Мозеса.

Горнолыжник конца XX века похож на средневекового рыцаря, закованного в доспехи. Лыжи — изделие металлургов и химиков; ботинки — из пластика; стальные крепления открываются при строго дозированных усилиях, предотвращая вывихи и переломы; комбинезон — обтекаем, с налокотниками, наплечниками и наколенниками; шлем — как у летчика-истребителя, с забралом; очки — с противосолнечными и противотуманными фильтрами.

И все это постоянно видоизменяется, влияя на характер движений, который, в свою очередь, выставляет новые требования к экипировке. Процесс взаимный.

На снежном склоне в отличие от тартановой или водной дорожки все привязано к снегу и ветру, к фантазии постановщика трассы и местному рельефу. Поэтому и нет здесь рекордов.

Эволюция техники то и дело приносила новые веяния

из Альп к нам, отставшим по результатам, местам, медалям, но не всегда — по владению техническими приемами. Напрочь забывались или отметались куда более важные причины нашего пребывания в тени, и очередной крик моды почитался за руководство к действию без каких-либо сомнений. Мода ветрена, капризной женщине под стать. Вот и шарахались некоторые из одной крайности в другую, а жизнестойким оставалось то, что отвечало классическим законам механики.

Вы делаете вираж направо, а туловище при этом разворачивается налево. И вот уже знаменитый норвежец Стейн Эриксен принимает подчеркнуто раскрытую стойку. Ему старательно вторят, расплачиваясь за урок долларами. И невдомек им, что в пору своего расцвета их учитель выглядел куда рациональней, что это просто рисовка.

Росли скорости, и все сильней убирали плечо при обходе слаломного древка. Стали появляться спортсмены с изломанной стойкой. Изобрели даже прибор, фиксирующий боковое изгибание туловища, без которого якобы и поворота не существует в природе.

Фото- и кинопленки в нижнем ящике моего письменного стола — немые свидетели забвения наших удач. Да, да, не только были ошибки, просчеты и заблуждения, но и находки.

Олимпийский скоростной спуск 1960 года выиграл француз Жан Вюарне. По мнению ведущих экспертов, успех ему обеспечила обтекаемая стойка, которую окрестили «яйцом».

Все, Вюарне придумал сверхскоростную стойку!

А вот пожелтевший кадр: я в белой штормовке в низкой стойке — вылитое «яйцо» — еду по пологому склону Вудьяврчорра. Ростик Беляков, тот иначе, как в «яйце», и не ездил, благодаря чему не раз всех нас обгонял на чемпионатах.

Фото старое, а техника вполне современная. Значит,

и мы искали и подчас находили рациональное зерно. Чувствовали, что хорошо и что плохо.

Как часто мы дожидались открытий из Альп. И теряли сразу два темпа: вместо того чтобы самим прокладывать тропу, брели по истоптанной дороге.

С Холменколленских игр 1948 года мы привезли новый элемент — преодоление неровностей в полете. Кое-кто посчитал это альфой и омегой всей техники, и стали, где надо и не надо, прыгать, теряя сцепление со снегом, а с ним и управляемость.

Одно время мы корпели над «стюпами» — переносом пяток по воздуху в момент перехода из поворота в поворот. Не сразу выяснилось, что гораздо полезнее сводить облегчение пяток лыж к нулю.

«Идти по трассе так, чтобы имевшуюся у старта потенциальную энергию с минимальными потерями превратить в кинетическую, в быстроту скольжения».

Так я формулирую основную задачу механики с горнолыжным уклоном.

А потери — пущенная по ветру энергия — возникают из-за технических погрешностей, недостаточно чистого скольжения, к которому все и сводится. И элементарный «плуг». И тот же «упор». И те же «ножницы». И «стюпы» те же. И современный «коньковый ход». Цель приемов одна — улучшить в конечном счете скольжение на параллельных лыжах.

Взять «авальман». Этот прием вызвал, пожалуй, самый большой шум. С улучшением пластических свойств лыж увеличивался и их прогиб по дуге поворота. При переходе из дуги в дугу траектории центра тяжести тела и лыж пересекались все ощутимее, происходило как бы поджимание лыж под туловище: «авалимент» по-французски значит — «проглатывание, поглощение». Его проповедником был известный Жорж Жубер, артистичными исполнителями — Патрик Руссель и Жаноэль Ожер, которые из виража в вираж перескакивали по воздуху с поджатыми ногами и выбрасывали их потом

в сторону. Делали они это в безопорном состоянии, в воздухе, на снегу же загружали лыжи нормально. И побеждали! К поджатию ног итальянец Густаво Тони добавил активное окончание поворота за счет задников лыж, выглядевшее вроде подседа. И побеждал многократно.

Что тут началось! Подседом заразились почти все. Исказилась его рациональная суть. Последствия «эпидемии» ощущаются и поныне, как следы давнего, поглотившего все на своем пути селя в горах. Ученые мужи, находящиеся под гипнозом моды, продолжают обсуждать и так и эдак пресловутый «авальман». Дело дошло до диссертаций.

Опять мы вернулись к старой теме. Стало быть, наболело... Кандидаты технических наук часто гулу цехов предпочитают тишь лабораторий — на производстве нет надбавки за звание. Может быть, есть смысл в том, чтобы «остепененные» тренеры получали надбавку и у нас, а с тех, кто моделирует лыжный спуск на ЭВМ, строже спрашивать?

Истинными учеными в спорте стоит считать тех, кто из своей практики черпал материал для научного обобщения и продолжал, вооруженный новыми знаниями, воспитывать новых спортсменов. Именно так поступали Вольдемар Нагорный, специалисты по легкой атлетике Николай Озолин и Владимир Дьячков. Это дар божий, когда человек, не увлекаясь модными веяниями, постигает глубоко законы, управляющие движением, реализует эти законы как бы подспудно.

А сейчас пройдемся по портретной галерее, которая интересна во всех отношениях. Мои мини-комментарии — лишь «подписи к фото», но все же...

Виктор Тальянов. Сегодня он среди ведущих горнолыжных педагогов страны. Мы работаем с ним сообща в армейском клубе. Порой Виктор бывает излишне требователен, по-видимому, считая своих рядовых, сержан-

тов, прапорщиков, лейтенантов такими же, как он сам, щедро одаренными природой.

Виктор Турунин и Николай Пешев. Полагаю, они возвращались с горы, испытывая утомление в голове больше, чем в ногах: осмысливали все, даже чересчур беспокоясь о том, как бы не переступить границы понимания. Оба потом нашли себя: Турунин — видный инженер, Пешев — доктор наук.

У неоднократного чемпиона СССР армейца Геннадия Чертищева дневники были что монографии. Он был мыслящий спортсмен, и я твердо рассчитывал, что из него получится хороший тренер. И попал впросак. Он из Свердловска перебрался на Украину, думал, что там горные лыжи поднимет, так нет же, пересел «не в свои сани», уйдя в санный спорт.

С Чертищевым я дважды просчитался. Поначалу не верил в его возможности стать чемпионом: грубая манера катания с шаркающим ведением лыж не внушала мне оптимизма. Но отменное физическое развитие Геннадия (он осилил первые разряды по 13 (!) видам спорта) принесло свои плоды. В конце концов я был рад, что ошибся.

Вячеслав Мельников — Василий Мельников. Это примерно такие же противоположности, как север — юг, черное — белое, пустыня — тайга.

Слава без устали пытается постичь суть, найти скрытые резервы в овладении приемами и элементами. На редкость мыслящий специалист. Спорщик заядлый и абсолютист. Появилась техника двухопорной работы на палках, и он: «То, чем мы занимались до сих пор, — бред! чепуха!» В моду вошла было школа, где через параллельные лыжи постигали весь технический арсенал, и он: «Плуги и упоры только зря отнимают драгоценное время!» И так далее.

Дискуссии о методах обучения всегда были и будут. Они способствуют прогрессу. Споря о целесообразности освоения «упоровой» техники, мы вынуждены были да-

же сесть за «круглый стол», организованный редакцией спортивной газеты. Обсуждали разные точки зрения, пытаясь прийти к общему знаменателю. Но понадобились многие годы, чтобы время доказало, что плуги и упоры были, есть и будут. Даже сегодня переводная литература пестрит ими, потому что изуродованный «авальман» разучил людей правильно кататься и надо срочно идти «в народ» с горнолыжной азбукой. И закладывать кирпичики в фундамент техники так, чтобы не было в нем пустот.

Как это ни парадоксально, но Слава Мельников, занимаясь лыжной механикой, чувствует себя в основах движения так же, как спортсмен с тупыми кантами лыж на крутом и леденистом склоне: сила скатывания уводит от намеченной траектории. Еще ближе его сходство с одиноким странником, скоро покрывающим расстояния, но не запасшимся компасом, а по сторонам света ориентирующимся слабо. Слава неизменно и свято верит в свой азимут.

По старой киногрaмме я хорошо вижу, как Мельников скачет по бугоркам: не сгибает ноги, подтягивая их на себя (тот самый случай, когда «авальман» целесообразен), а клюет носом, и верхушки неровностей подбрасывают его вверх. Два года мы переучивали Славину ученицу Галю Шихову от подобного «клевания».

Добыть знание можно и с помощью своих ощущений, опыта, интуиции, лишь бы эти ощущения, опыт, интуиция были верными.

Василий Мельников, однофамилец и сверстник Вячеслава, считался тонким техником и смельчаком. И тренером не мудрствует лукаво, полагаясь на свои ощущения. Однажды в Кировске он заглянул ко мне в гостиницу. Посидели. Я удивился тому, насколько же ясно на основе собственного опыта и с учетом современных тенденций представляет Василий техническую грамоту. На Айкуайвенчорре и сегодня стоит он на лыжах так, что залюбуешься! И загрузка лыж правильная, и стойка

что надо. Ребятишек учит просто, без ухищрений и перекосов. Сам прямой, душевный человек, он и сына растит таким же. Не случайно пятнадцатилетнего Леню Мельникова стали подключать на летнем снегу к Андрееву и другим первым номерам сборной страны. А спустя три года он стал чемпионом мира среди юниоров. Так Василий Мельников в очередной раз убедился в верности своей «методы».

Лепка, которой занимаются тренеры, кропотлива и замысловата, ибо только условно подвластна она делению на совершенствование техники и тактики, физической готовности и воли. Но и, помимо всего этого, в горных лыжах масса аспектов, подверженных изменениям.

Иногда вдруг задумаешься о том, как бы сложилась судьба, работай я по специальности «Холодная обработка металлов резанием», полученной в стенах МВТУ имени Баумана.

Представим себе, что это явь и что по истечении многих лет мне доверили руководство механическим цехом какого-нибудь завода. А в цехе есть токарь-виртуоз, сдающий втулки с первого предъявления. Постепенно и неизбежно возрастает спрос как на втулки, так и на валы и кольца, выпускаемые в моем цехе. И я оказываюсь перед дилеммой: повысить передовику сменное задание на втулки или же поручить ему освоить и обработку валов и колец? Я предпочту второй вариант — овладение смежными профессиями.

В горных лыжах существует похожая дилемма.

Я — за мастера с большой буквы. За того, кто пустится и в слаломный пляс, и ювелирно проскользит в гиганте, и будет неудержим на спуске. Что-то одно мастер обязан выполнять на «отлично», остальное — минимум на «хорошо». А уникумы — все на «отлично». Их имена как вехи в горнолыжной летописи.

Развитие, где бы оно ни происходило, вызывает ограничение фронта действий с одновременным его углублением. Это специализация. Растут требования, растет пополнение из достойных конкурентов, и уже кажется непостижимым угнаться за тремя зайцами — слаломом, гигантом и спуском. Полагаю, что кажется... Остались в истории горнолыжные универсалы Александр Филатов, Виктор Тальянов и Василий Мельников, не говоря уж о Стейне Эриксене и Тони Зайлере, Карле Шранце и Жан-Клоде Килли. Из корифеев начала 80-х годов мне больше импонируют своей многогранностью швейцарка Эрика Хесс и американец Фил Маре.

Я и сегодня обеими руками голосую за «меткую стрельбу» из всех видов лыжного «оружия»! От этого будет только польза.

Спор об «универсализме» и «специализации» разгорается снова. Каким быть Кубку мира? По какой формуле проводить чемпионаты мира? Дебаты идут жаркие. Лично я считаю, что хорошему скоростнику никогда не повредят навыки слаломиста. Слаломисту пользу принесут уроки спуска — ему полезно иметь так называемый запас скоростной прочности. А уж о слаломе-гиганте и говорить не приходится — он золотая середина, доступная и нужная всем.

И только учитывая олимпийские испытания, когда разыгрываются медали в отдельных видах, можно допустить в последний период подготовки узкую специализацию.

Валерий Цыганов еще юношей выделялся разносторонностью и от нее же и страдал. То одну для него дисциплину выберут, то на другую нацелят... Трасса скоростного спуска в американском местечке Аспене изобиловала крутыми, технически сложными виражами, которые Валерий благодаря навыку в гиганте одолел чище других и открыл счет нашим победам на Кубке мира.

Другой первооткрыватель, Владимир Макеев, — антипод Цыганова. Володе лишь бы на скоростной учас-

ток выскочить, обтекаемую стойку принять — «закрыться», а на крутых виражах он разбазаривает мгновения.

Вот бы каждому из них добавить те достоинства, что так ярко выражены у другого.

Горнолыжники докатились до разделения на три почти автономных лагеря. И от этого поблек мир горных лыж. Руководители международной федерации ищут обратный путь, подсчетом очков в мировом Кубке всячески поощряя универсалов, тех, кто не робеет овладевать любой из трех горнолыжных «наук». А на чемпионате мира 82-го года, помимо наград в отдельных дисциплинах, определялись лауреаты и в комбинации: спуск плюс слалом.

Где рождаются лыжники, искусно спускающиеся с гор? На живописном Кавказе? В суровых Хибинах? На отрогах древнего Уральского хребта? А может, родники дарований бьют ключом на «Крыше мира» — Памире? Или на Алтае, в Саянах?

Логика подсказывает, что наиболее вероятно там, где горы высоки и обжиты.

А вот факты, которые упрямее всех упрямцев на свете. Приэльбрусье за двадцатилетие подарило нам лишь одного члена сборной страны — Дагиба Гулиева, ничем себя не проявившего...

Бакуриани славится рельефом и климатом. Но славу прыгуна с трамплина Кобы Цакадзе и слаломиста Ибрагима Джангобекова никто не продолжил за двадцать лет.

Горная сторона — Карпаты, оснащена транспортными магистралями и лыжными подъемниками, склонами одарена хорошими и климатом мягким, а урожаи на спортивной ниве весьма скромны.

Кто же в таком случае выручает нас из года в год?

Это никогда не пропадающий в полярной ночи Кировск. Не отступающий под натиском сибирских морозов шахтерский Междуреченск. Воздающая сторицей горнолыжная целина на Камчатке.

Наши лидеры родом из среднегорья, и притом отнюдь не курортного облика. Александр Жиров вообще вырос не в горах, а в деревушке, каких в средней полосе России не счесть. Зовется она Деденево и расположена близ станции «Турист». По субботам и воскресеньям на здешние холмы спешат жители столицы. И здесь можно претворять принципы повторности и наглядности, учить первому шагу и потом вывозить окрепшую детвору на склоны настоящих гор.

Противопоставление больших гор малым, за что некоторые долго и горячо ратовали, надуманно и беспочвенно. Всякое захлопывание дверей в мир спорта приносит вред, оно антигуманно.

С братьями Тюриными из Горького я работал долго: Аверкий три раза провозглашался чемпионом СССР, Вениамин — однажды. Недавно случайно встретились. Аверкий что-то бережно вынул из бумажника:

— Знаете, Дмитрий Ефимович, мы тут случайно ваше фото обнаружили. Это 52-й год, Румыния. Вот, взгляните.

И, добродушно посмеиваясь, протянул черно-белый снимок: полураздетый, я сплю, неловко притулившись на койке.

В ответ на мою просьбу ученик пояснил:

— Да мы тогда еле с горы доплелись, у вас сил не хватило, чтобы до конца раздеться. Заснули мертвецки, едва сели на кровать. Тут-то мы вас и щелкнули...

Бывало, напрыгаешься, набегаешься, накатаешься, что и домой вернуться нет сил. И о лыжной «пахоте» на горе я говорил: «Всласть сегодня накатался!»

Я всегда даже от больших нагрузок получал удовольствие, испытывал радость. В щелканье секундомера

для меня был азарт, на состязаниях была игра. Что в *том* страшного?

И в тренерской работе я старался, чтобы занятия не были в тягость.

В 49-м году ведущих лыжников, находящихся в Кировске, пригласили на встречу с горняками. От горнолыжников попросили выступить меня.

Рассказывая о спортивных буднях и праздниках, я не преминул заметить:

— Спорт, товарищи, это ведь еще и удовольствие!

Голос из президиума:

— Товарищ Ростовцев, не туда вы клоните. Это — труд. Тяжелый труд.

Надо было объяснить, и я объяснил:

— Кто-то называет спорт трудом, кто-то — развлечением, а я — радостным трудом. В 38-м году я здесь, в Кировске, первый раз стал чемпионом Союза. Но без радости от лыж, от скорости и скольжения, борьбы с достойными соперниками я, вернувшись с фронта, зачехлил бы и спортивное оружие.

И соленый пот, обильно пролитый на тренировках, и сгоревшие на трассах нервные клетки — это знакомо мне, вряд ли принадлежащему к романтикам. В спорте куда чаще встретишь прозаические главы, но без певучих баллад ты, пусть и стократный чемпион, что пахарь, так ни разу и не расправивший грудь, чтобы вдохнуть аромат скошенных хлебов.

Детям читают стихи, их убаюкивают песнями. Полными рифмы и задорной мелодии должны быть для них и первые шаги в спорте. «Подавал надежды...» — термин обиходный. Подавал, а когда загремели бои «стратегического» значения, скрылся за горизонтом. Нет, не оробел, и сил бы ему хватило, и умения не занимать, да вот прошло в нем при «галопе» желание достигнуть вершины.

Слишком часто находятся желающие получить вер-

ную карту в руки, а ведь сложно это — определить, каким будет ребенок лет через пять, десять. Если уж вешаете ярлыки, то лишите себя права ошибаться.

Десятилетнего Макеева поначалу не приняли в секцию, посчитав, что он опоздал. Цыганов в одиннадцать лет переступил порог секции. И Жиров с Андреевыми не из скороспелок. А те их сверстники, что сызмальства ходили в перспективных, сегодня в лучшем случае на вторых ролях: рановато, выходит, повзрослели. Остается лишь догадываться, сколько потерь понес наш горнолыжный спорт...

Слишком жизнен спорт, чтобы подчиняться каким-либо «железным» правилам. Особенно касающимся возрастных цензов.

С Владимиром Ивановичем Афанасьевым мы трудились сообща. И никого никогда не отсеивали. Группа есть группа, и не может она состоять сплошь из лидеров, равных по мастерству и притязаниям, из людей с общими интересами и одного кругозора. Те, что не блистали на лыжах, вырастая, находили себя в науке, технике, медицине, у станка и часто возвращались к Владимиру Ивановичу, ведя под руки своих детишек и пристраиваясь рядом на горке.

Возился Афанасьев с малышней сначала на Воробьевых горах, потом в оврагах села Крылатское. Не счесть ребят, прошедших через его руки и сердце. Не так давно сердце его остановилось. На кладбище я увидел, сколько людей пришло к Владимиру Ивановичу с последним низким поклоном — все они когда-то проходили у него курс горнолыжной науки.

Да, я всегда считал и считаю поныне, что техника служит основой мастерства для горнолыжника. Собственно, о технике, ее значении и эволюции и шла речь в этой главе. Но, чтобы закончить ее, надо решить уравнение с одним неизвестным: на любых состязаниях у

стартового домика разминаются сразу несколько участников, обладающих отточенным стилем скольжения; кто из них у подножия горы, в финишном створе, покажет лучшее время дня?

Ответ даст только старт. Быстрейшим среди быстрых становится тот, кто лучше других выглядит в зеркале скорости, у кого на самом сложном участке можно заметить на лице улыбку. Улыбку, выдающую наслаждение скоростью, а не гримасу напряжения — как свидетельство нелегкого единоборства со скоростью.

«РУССКИЕ В ЭЛИТЕ?!»

Телетайпы разносили по странам и континентам поразительные вести.

Январь 1978 года, Гармиш-Партенкирхен (ФРГ).

Владимир Макеев (СССР) показал девятое время в скоростном спуске на XXIV чемпионате мира. «Сибирский вихрь» ворвался в элиту. Это одна из главных сенсаций чемпионата.

Владимир Андреев и Валерий Цыганов (оба — СССР) набрали четвертую и пятую суммы в троеборье».

Декабрь 1978 года, Шладминг (Австрия).

«Макеев первым из советских горнолыжников вошел в тройку лучших на очередном этапе Кубка мира».

Март 1979 года, Межев (Франция).

«Александр Жиров (СССР) по итогам зимы завоевал Кубок Европы в специальном слаломе».

Февраль 1980 года, Лейк-Плэсид (США).

«Надежда Андреева (СССР) на первой трассе специального слалома имела третий результат. Допустив во второй попытке небольшой сбой, она заняла на Олимпиаде шестое место».

Март 1981 года, Аспен (США).

«Цыганов принес Советскому Союзу первую в истории победу на этапе Кубка мира. Он быстрее всех прошел здесь трассу скоростного спуска».

Март 1981 года — Фурано (Япония), Боровец (Болгария), Лаакс (Швейцария).

«Жиров выиграл четыре последних и решающих этапа Кубка мира в специальном слаломе и слаломе-гиганте (в Боровце — дважды). В общем зачете Жиров стал третьим горнолыжником мира».

Февраль 1983 года, Сестриере (Италия).

«17-летний Леонид Мельников победил в троеборье на первенстве мира среди юниоров. Он стал первым советским чемпионом мира по горным лыжам».

Макеев, Андреев, Цыганов, Жиров, Андреева, Мельников.

Иностранные эксперты, хозяева фирм, асы, комментаторы, очевидцы — все разводили руками: русские в горнолыжной элите?! Еще больше удивлялись соотечественники, не привыкшие к таким успехам. Разве возможно, чтобы наши горнолыжники так блистали?!

А почему бы и нет. Тем более что начало у них было обнадеживающим. Сияет бронзовым отливом олимпийская медаль Жени Сидоровой, кое-чего стоит и восьмой показатель в кицбюэльской комбинации Виктора Тальянова. Это 1955 и 1956 годы.

И пропасть...

Пропасть бездействия, куда угодило много одаренных горнолыжников. Они желали, они были готовы побороться за престиж отечественного спорта на снежных трассах. Однако такая возможность предоставлялась им

слишком редко и без какой-либо системы, чтобы можно было добиться заметных результатов.

На ошибках учатся. Это вообще удел первопроходцев. Таковыми являлись и мы — тренеры и спортсмены 50-х годов. Например, спуски представлялись нам как отдых после тяжелого и нудного пешего подъема в гору. И в голову не приходило, что может быть иначе, пока не начали готовиться к Олимпийским играм...

На Олимпиаду 56-го года мы выехали заранее, обстреливаясь в крупных состязаниях класса А, как тогда именовались этапы, проводимые сегодня под эгидой Кубка мира. От старта к старту ребята улучшали результаты, набирая классификационные очки. Тяжело это доставалось. Были травмированные. Они были и в других командах, но мы несли большие потери из-за недоработанного дома, где лыжные подъемники только-только появлялись. Существенно возросла для нас ежедневная доза прохождения слаломных трасс и особенно скоростного спуска. Ко всему прочему зарубежные трассы оказывались и быстрей и, главное, сложней.

День ото дня накапливалась у спортсменов не понятная ни мне, ни им какая-то усталость. Мне самому подобное было неведомо. Мы стремились, чтобы команда как можно полней использовала прекрасные условия для подготовки. Но мера должна быть во всем, в усердии тоже.

Когда за день до скоростного спуска на олимпийской трассе Стратофана ребята попросились пойти смотреть прыжки с трамплина, я не сразу и без желания разрешил им, так как знал, что трасса открыта для тренировок, и видел спортсменов из других сборных, направлявшихся к горе.

Вечером руководитель делегации, председатель Всесоюзного спорткомитета Николай Николаевич Романов учинил мне разнос за то, что «горнолыжники вместо того, чтобы тренироваться, торчали у трамплина!..».

Из-за своей неопытности я не сумел убедить Романо-

ва в необходимости переключить внимание спортсменов перед серьезнейшим испытанием, когда они вдобавок утомлены километрами спусков. Плохие результаты на соревнованиях следующего дня укрепили позицию руководства, а меня заставили еще и еще раз все продумать и взвесить.

В общем-то у трамплина накануне были все горнолыжники, за исключением опоздавших с прибытием в Кортина д'Ампеццо. Для них и только для них была на полтора часа открыта трасса Стратофана: просмотр и опробование. Мы же, пожадничав с количеством спусков, ориентировались на австрийцев, французов и прочих европейцев, которые в начале зимы накатывали по 50—60 километров в день. Для них и 20—30 тренировочных километров в разгар сезона вполне приемлемая дневная норма, для нас это был явный «перебор».

...Знойное лето для горнолыжника что прихожая в зиму. После майских каникул восстанавливаются навыки, спокойно и кропотливо шлифуется техника.

Близ Майкопа обнаружили уникальное плато Лаго-Наки: кругом сочные альпийские луга, фиолетово-желтое море крокусов и «куриной слепоты», стада пасущихся овец, табуны лошадей, а снежник длиной больше километра цел и невредим. Дышится легко, снега хватает, что еще летом желать?

Есть переносной подъемник. Первое лето жили как целинники, в палатках, а к следующему лету трактором были доставлены бамовские домики, казавшиеся царской обителью. Важно, чтобы погода благоприятствовала. Можно с дождем, но чтоб не три дня как из ведра, и с туманом можно, но чтоб хоть следующие ворота разглядеть. «Пахота» на снегу и утром и вечером воздает труженикам качеством — стилем и скоростью.

На ледник Ала-Арча близ Фрунзе ведет одна дорога — воздушная. Благодаря местным поклонникам горных лыж там установили подъемник и выстроили двухэтажный коттедж на 30 с лишним человек. Этот райский для горнолыжников уголок природы наши сильнейшие мастера облюбовали на период бабьего лета.

Стоит нам только захотеть, продумав все до мелочей, и горы будут исправно служить нам.

Тем летом мы катались в Птышском ущелье Домбая. Гена Чертищев приехал из Свердловска вместе с хрупкой шестнадцатилетней девушкой. Она представилась:

— Корзухина Сталина.

— Ростовцев Дмитрий Ефимович. Вот и познакомились. А теперь я попрошу тебя: скатись просто, как ты любишь, как умеешь.

— Не хочу.

— Как это — не хочу?!

— Не хочу, и все! — ответила она, насупившись.

И застенчивость тут была, и упрямство... В конце концов она скатилась, и я дал новое задание:

— Теперь заберись чуть повыше и сделай три поворота.

Девушка исполнила пять.

— Я ж говорил о трех поворотах!

— Не все ли равно?

Мне нужны были три поворота, чтобы выяснить, может ли она скользить, «вытягивая» дугу. Оказалось, нет, не может. Принялись исправлять почерк Корзухиной. Она резко маневрировала в слаломных поворотах, скользить же, особенно в гиганте, по-настоящему не могла. Сталина была юна, схватывала все на лету и годам к двадцати стала на диво техничной спортсменкой.

Не раз и не два обсуждали мы с государственным тренером Юрием Сергеевичем Преображенским систему подготовки Сталины Корзухиной. Было очевидно, что пока только она способна сдать альпийский экзамен и что непременно затеряется в женской группе среди заметно уступавших ей в классе подружек.

В первых числах ноября 1959 года в поисках подходящего для тренировок места армейская команда отправилась на поезде до города Чусового. Там нас встретила уральская зима: морозы под сорок, зато без ветра. Согревались, когда лезли в гору, а после двух часов коротких спусков и длительных подъемов позволяли себе несколько минут понежиться в пахнувшей смолой избе, звучно называвшейся базой. Скольжение по дугам было девизом армейцев. Корзухина трудилась на равных с Шустовым, Петраченковым, Тальяновым и Чертищевым на трассах, рассчитанных примерно на сорок секунд. Большего количества ворот просто не умещалось на горе, да и вполне достаточно этого для контрольных тренировок. На таких трассах результаты девушки были только на секунду больше, нежели у парней, чей пример, атмосфера здоровой конкуренции заставляли ее постоянно искать высокую скорость, выше той, что была на тренировках с женской командой.

Спустя два месяца Тальянов в туманной мгле, окутавшей склоны Закопане, выиграл скоростной спуск Спартакиады дружественных армий, обогнав и хозяев, поляков, в целом бывших сильней нас. А Сталина Корзухина той зимой показала седьмое время на олимпийской трассе слалома в Скво-Вэлли.

Девятнадцать лет спустя я при встрече с тренерами сборной страны полюбопытствовал:

— Какая у вас прикидочная трасса в слаломе?

— Секунд на сорок.

— А сколько Надежда Андреева уступает лучшему из ребят?

— Две, две с половиной секунды.

— Многовато.

Минул год. И при повторном расспросе накануне выезда команды на Олимпиаду в Лейк-Плэсид я услышал обнадеживающее:

— Надежда отстает на секунду, случается, что и меньше.

— Вот теперь можете рассчитывать на нее.

Своим третьим временем в первой попытке Андреева наделала переполоха у подножия горы Уайтфейс. По рассказам очевидцев, и вторую олимпийскую трассу шла быстро и уверенно, как назло, в одном месте палка не воткнулась в снег, политый водой, и получился сбой, стоивший потери сотых долей секунды. В итоге шестое место.

Андреева как бы подхватила от Корзухиной эстафетную палочку, затерянную было совсем.

Не имея в сборной страны поддержки со стороны других девушек, Надежда доказывала, что и одна на склоне воин. Но с ней пришлось решать меньше задач, чем с Корзухиной. И вот почему. С первых же выходов на склоны родного Айкуайвенчорра пути-дороги Нади Патракеевой и Володи Андреева были, будто нарочно, проложены параллельно. И так продолжалось год за годом: маршруты в учебе и в спорте были у них одинаковые. Они поженились, родился мальчик. Володя всегда являлся для Надежды и примером, и советчиком, и экзаменатором.

Володина подруга жизни покорила меня давно. Я стоял на скальном выступе Чегета и наблюдал за детскими стартами. Рядом притопывал на ветру Владимир Иосифович Пикузо, привезший Надю Патракееву в Терскол с кировской командой. Когда она спускалась по трассе, на лице тринадцатилетней девчонки была улыбка, а лыжи пели чудесную мелодию скольжения. За такую песню не стоит бранить и при неудаче, ибо в начале пути куда полезнее приблизиться к тайнам технического совершенства, нежели коллекционировать грамоты и дипломы. На финише она утерла нос почти всем мальчишкам.

Когда Андреева обещала стать мастером, ее землячка Светлана Лебедева была им. Когда Андреева вышла на большую орбиту, Лебедева покинула ее. На горе Кохта, принимавшей участников Спартакиады народов

СССР, они встретились лицом к лицу: Андреева, сорвавшая комплименты зарубежных экспертов, и Лебедева, вставшая на лыжи после рождения дочери.

Накануне скоростного спуска в нон-стопе Лебедева показала неплохое время. Так она искусно проскользила сложный участок, на котором я расположился, что я не утерпел и вечером подбодрил ее:

— Света, быть тебе завтра чемпионкой!

И точно — сбылось.

Только потом я узнал, что само участие Светы было под большим вопросом. Перед отъездом в Бакуриани она получила серьезную травму. Резкая боль досаждала ей и в дни Спартакиады.

Если оценить путь, пройденный нашим горнолыжным спортом, то выяснится довольно интересная закономерность. Мужская половина сборной страны неизменно бывала сильней женской команды. Но в главных стартах — олимпийских — определенных успехов добивались именно девушки.

У мончегорца Валерия Цыганова все складывалось сложней, нежели у товарищей по сборной. Он самый старший, самый битый и самый горячий. Ближе я узнал Валеру, когда он проходил службу в армии.

Одно время мы облюбовали Кировск для проведения чемпионатов Вооруженных Сил. В тот раз все у нас шло как по нотам: соревнования по скоростному спуску начали минута в минуту и по гиганту — тоже. Настал черед слалома.

Я стоял внизу, у подъемника, проверял, пересчитывал участников, строго оповещая всех:

— Учтите, соревнования начнутся вовремя. Больше на просмотр трассы не спускайтесь. Опоздаете.

До старта осталось двадцать минут. Вижу, Валерий протискивается на подъемник. На всякий случай предупредил.

— Валера, больше не спускайся, а то опоздаешь. У тебя один из первых номеров.

— Ничего, Дмитрий Ефимович, успею.

Он поехал наверх, я пошел к финишу.

Суета последних приготовлений была в разгаре, когда, разметая клубы снежной пыли, мимо финиша промчался Цыганов. Я — технический представитель спорткомитета Министерства обороны, старший тренер. Уже по одному этому должен был он мои слова намотать на ус, не говоря о том, что я ему добра желал.

Главный судья соревнований по телефону связался со стартом и дал команду.

Прошли трассу открывающие, фактически дав пять минут в пользу задерживающихся участников. Финишировали первые номера из группы сильнейших. Главный судья запросил старт по рации.

Вдруг взволнованный голос стартера по рации вызывает меня:

— Цыганова нет на старте — его очередь.

Правила есть правила. Для всех. Опоздал на старт — дисквалификация. Спросил стартера:

— Следующий готов?

— Готов.

— Пускайте его.

Через минуту подходит представитель Ленинградского военного округа, где служил Валерий:

— Что такое?! У него же помеха была на подъемнике!

Типичная уловка — сваливать на поломки подъемника. Но все было в исправности. Другие участники явились вовремя, один Цыганов опоздал:

— Нет, никаких помех у него не было.

И, обращаясь к судейской коллегии, я попросил:

— Продолжайте, товарищи.

Рядом с трассой к финишу скатился Цыганов:

— Ну, Дмитрий Ефимович, не ожидал я от вас такого...

— Чего не ожидал? Строгого соблюдения правил? Жди и впредь слушай, что старшие советуют.

Опоздание с началом соревнований у нас — обычное явление. К нему привыкают все, спортсмены прежде всего. Поэтому для новобранцев наш армейский порядок зачастую оказывается трудновыполнимым. В эпизоде с Цыгановым мне надо было доказать еще и то, что нагрудные номера делают спортсменов равными в своих правах вне зависимости от заслуг.

Уроженец шахтерского города Междуреченска Владимир Макеев — первая наша ласточка, впорхнувшая в мировую элиту «скоростников». Сибиряк был отчаянно смел и напоминал мне Сережу Шустова. Разве что в обработке сложных рельефов, полетами с бугров не внушает мне доверия, заставляя каждый раз трепетать: устоит или не устоит?

Взлет Макеева совпал с периодом лидерства австрийца Франца Кламмера, чья безрассудная лихость не вызывала у меня восторга. Его не подкрепленная техникой, немного даже сумасшедшая езда, когда он степенью риска сверх всякого разумения пытался компенсировать огрехи в стиле, была чревата падениями, которые в скоростном спуске обходятся слишком дорого. Теперь-то Макееву это хорошо известно, а его стиль, на мой взгляд, подобен кламмеровскому. А что на пологих скоростных участках Владимира признавали чуть ли не быстрейшим в мире — замечательно!

Первым среди советских горнолыжников взошел он на пьедестал почета, показав третью скорость на этапе Кубка мира. Он же лучше других в нашей команде проявил себя на мировом чемпионате 82-го года: шестое место. Оба раза действие происходило в австрийском центре Шладминге, оба раза он вперед ногами вылетел и падал на скорости 140 километров в час с последнего спада, похожего на трамплинный стол отрыва, и оба раза финишировал в падении. Остается лишь прикидывать и догадываться, что упущено им на этих злосчастных последних метрах трассы.

Армейцы поддерживали тесный контакт с дмитров-

ской детско-юношеской спортшколой, помогая ей в материальном оснащении и становлении некоторых ее выпускников. Так что предложение посмотреть «одного способного паренька» я воспринял как должное, не зная, о ком идет речь. При встрече он назвался — Саша Жиров.

Парень с виду медлительный, если не сказать — вяловатый. Правда, скромный, но какой-то замкнутый. Успокоил себя, вспомнив, что Володя Преображенский казался увальнем, а чемпионом Союза не раз становился. Все, что думал о своем настоящем и будущем, Жиров уместил в три короткие фразы:

— Лыжи люблю. Слышал о вашем коллективе. Хочу быть в ЦСКА.

И мы поехали в клуб. Через два часа он оформил свое членство в ЦСКА и стал армейцем.

Зимний сезон уже закончился. Весеннее солнышко вытаивало последние остатки снега, делая асфальт сухим и чистым. Мне не терпелось увидеть новобранца в деле, на склоне. Такая возможность представилась довольно скоро, когда мы летом приехали на Эльбрус.

Саша скользил по трассе и не подозревал, как придирчиво я за ним наблюдаю. Он ошибся только при выходе на крутую часть горы, не компенсировав смену рельефа наклоном корпуса над лыжами, чуть потерял контроль, но сумел-таки восстановить равновесие. Миновал «крутяк» и на пределе устойчивости блестяще финишировал. Не вылетел из трассы, справился с лыжами. У меня даже вслух вырвалось: «Это именно то, что надо!»

Спустя несколько лет мне попал в руки его спортивный дневник: отрывочные, зато свои пометки и соображения, среди которых я углядел направленность мысли. Восприимчивым к гармонии движений оказался Саша.

На снегу эльбрусского ледника остались каллиграфические узоры жировского стиля. Того стиля, который он потом кропотливо оттачивал и благодаря которому уже

спустя три с лишним года стал всемирно известен. Финиш с лучшим временем на четырех подряд этапах Кубка мира (причем последних, решающих) — это редчайшая серия! Ведь и один выигранный этап — событие для любого. Лишь для Ингемара Стенмарка это почти что будни.

Они очень были схожи — Ингемар и Александр.

Оба выросли на равнине: Стенмарк — в местечке Торнбю; Жиров — из подмосковной деревушки Дедеиево.

Оба, как на склоне, так и вне его, были просты и рациональны, ничего лишнего, броского. Ингемара давно окрестили «великим молчуном»; Александр, угодив под свет юпитеров, оставался тем же простым парнем. Обогнав всех, он медленно снимал шапочку, очки и краешком губ улыбался самому себе, а при неудаче не кипятился и не кивал на обстоятельства.

Оба вобрали в себя все лучшее, что успела накопить эволюция горнолыжной техники: все внимание накату лыж, когда кратчайшему пути предпочитается такая траектория спуска, чтобы присутствовал накат, выше была скорость.

Оба слаломисты: Стенмарк — выдающийся, живой символ эпохи; Жиров — достиг уровня экстра-класса, только он ведь и скоростной спуск любил, когда стрелка лыжного спидометра переваливает далеко за «сотню».

Оба симпатизировали друг другу: Жиров немало почерпнул полезного для себя, пристально следя за шведом; Стенмарк по достоинству оценил того, кто четырежды подряд сокрушил его, пригласил после этого Жирова и Андреева приехать в Торнбю и устроил там очный спор.

Старший и два младших Сашиных брата бороздили на лыжах горку под названием Шуколовка, преподаватели дмитровской школы немало ребят в округе обучили лыжному искусству. Сколько юных дарований внушали большие надежды, а выше всех поднялся Жиров!

Спортивная школа — это хорошо. Но она же и вред может принести, подогнав индивидуальность к стандарту. Два мастера берут в руки одинаковые алмазы и дают им огранку: у первого солнцем засиял камень, у второго и караты те же, а сияние не то. Очень возможно, что заслуга первого тренера, Валентина Широкова, как раз в том и состоит, что, приобщив мальчишку к лыжам, он не мешал таланту наливаться силой.

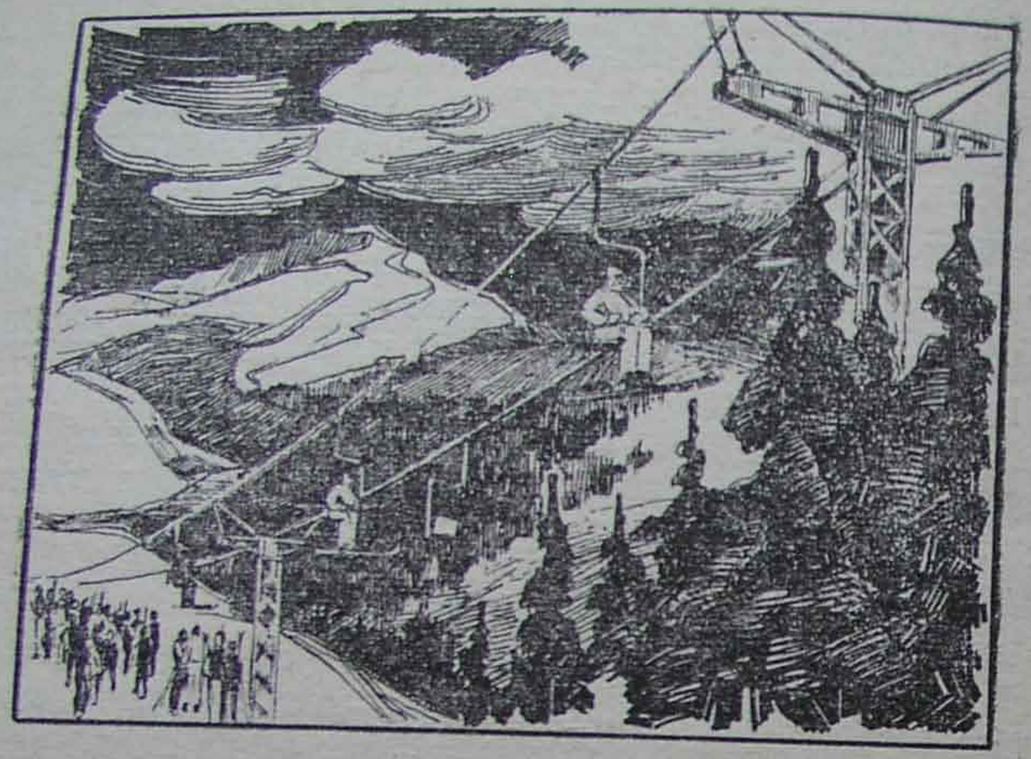
В свое время я тренировал прекрасного горнолыжника Виктора Тальянова. Подполковник Виктор Иванович Тальянов некоторое время тренировал рядового Александра Жирова. И стало быть, Жиров был в какой-то мере моим спортивным внуком.

...Был май 83-го. Стояли жаркие, совсем летние дни. Горнолыжники наслаждались месячной передышкой. Саша Жиров, как всегда, в это время был среди родных и друзей детства. Оставалось три недели до вылета на Эльбрус, где начиналась подготовка сборной к олимпийским стартам в Сараеве. Главные надежды связывались с Жировым. Тем временем в ЦСКА готовились к приятной церемонии — вручению группе спортсменов правительственных наград. Заслуги Александра Жирова отмечались орденом «Знак Почета».

И вся жизнь была еще впереди...

И вдруг в шесть утра телефонный звонок Тальянова: «Дмитрий Ефимович, несчастье — Жиров на машине разбился. Умер. По дороге в больницу умер».

Жизнь оборвалась на взлете.

«СЕМЕЙНЫЕ» НЕУРЯДИЦЫ

Канатная дорога на Чимбулаке заканчивалась у 20-й опоры, и длина скоростного спуска получалась около двух километров. Мне же хотелось проложить еще минимум тысячу метров, чтобы иметь классическую трехкилометровую длину. Значит, тянуть трассу выше до самого перевала, прокладывать маршрут «на своих двоих». Для этого мне, начальнику трассы, выделили человек 20 судей на лыжах.

Мы забирались все выше и выше. Окинув взглядом склоны, я примерно наметил, как трасса пойдет дальше. Каждый новый шаг вызывал растущее беспокойство, чувствовалось, что мы разрушаем и без того хрупкую корку, прикрывавшую сухой рыхлый фирн, что, в свою очередь, уменьшало сцепление снежных кристаллов. Недолго было до беды. Я собрал всех в кружок:

— Смотрите! Позапрошлой зимой вон из-под тех

скал у вершины после того, как альпинисты своей тропинкой подрезали наст, сошла снежная лавина и унесла пять человеческих жизней. Мы следуем несколько другим направлением, но все равно лавинный ход может пересечь наш путь даже в том месте, где мы сейчас стоим. Ежесекундно помнить об опасности! Замыкающий не спускает глаз со склона и в случае чего кричит: «Лавина!» По его сигналу носки лыж разворачиваем вниз и по готовой трассе стараемся выбраться из опасной зоны. Или скользим наискось по склону и прячемся под ближайшей скалой. Всем все ясно?

— Ясно. Да что там.

Кто-то снял одну лыжу, взял ее в руки и возился с креплением. Только я собрался дать команду подниматься дальше, как услышал:

— Дмитрий Ефимович, по-моему, лавина идет.

Обернулся: белесые пласты наползают друг на друга и с кажущейся медлительностью движутся на нас. Я и не предполагал, что окажусь пророком. Судьба группы зависела теперь от того, насколько четко был усвоен только что проведенный инструктаж. Скомандовал:

— Лавина! Всем вниз!

А сам стою: мне покидать «корабль» последним. Мои подопечные благополучно ретировались Двинулся и я. Лавина краем своим успела лизнуть меня, хлестнула по лыжам, но я уже набрал скорость, и меня по инерции вынесло под скалу. Обернувшись, убедился, что возившегося в неурочный час с креплением судью, я не углядел. Лавина враз поглотила его.

Коварный приглушенный шорох снегов превратился в грохот, который так же стремительно, как возник, пропал где-то внизу, в ущелье. Вокруг все остановилось, застыло, замерло. Белая гладь — и никаких следов. Бросил клич:

— На лавину! На поиск!

Мы, как саперы на заминированном поле, ринулись прощупывать палками застывший слой снега. Каждая

секунда была на вес жизни, она могла оказаться последней для потерпевшего, а мы так, методом «тыка», могли копаться до темноты. Вдруг радостный вопль: «Рукавичка!» Мы гурьбой кинулись раскапывать то место, где едва торчала шерстяная варежка. Он еще дышал. Кряхтя и охая, поднялся, отряхнулся и заявил, что должен найти снятую с ноги лыжу. Ему сказали:

— Чудак человек, ты хоть представляешь, откуда сейчас явился?

— Откуда?

— С того света! И поклонись тому, кто уследил направление, по которому тебя несло. Снимай-ка с ноги вторую лыжу.

Я с треском переломил уцелевшую лыжу посередине, надавив там, где шурупами ослаблено сечение. Ремнем от креплений связали половинки и воткнули крест в снег, сошедший с вершины:

— Это — в знак того, что ты заново родился.

Лавины. Стихийное бедствие. Стоит ли так расписывать их мощь и коварство? Горнолыжники ведь появляются в обжитых районах, имеющих службы горной безопасности. Но за четверть века, минувшую после того случая, на Чимбулаке мало что изменилось. На Чегете я познакомился с еще молодым, но уже седым человеком, чудом уцелевшим под лавиной и заживо похоронившим жену; на счету чегетских лавин уже около десятка жертв. Счет попавших в лапы «белого тигра» (так называют иногда снежные лавины), к великому огорчению, продолжает расти.

Нет нужды преувеличивать крутой нрав высокогорья, уж слишком дорога расплата за ошибки и пренебрежение.

Важный момент — «техника безопасности». И все же не это главное, не в работе лавинной службы запрятан корень неполадок и недоделок, наших «семейных» неурядиц. «Семейных» оттого, что дело это наше, кровное, и мы все в ответе за него.

Переведу слово «стадион» на горнолыжный лад: арена — склоны гор; беговые дорожки — трассы; разметка линий краской — маркировка флажками; трибуны — все, что слева и справа от трассы.

Горнолыжный стадион. Звучит в диковинку. То и печально. Конькобежцы и биатлонисты, пловцы, теннисисты, мотогонщики и стрелки из лука имеют свои стадионы, свое пристанище, отвечающее требованиям общеспортивным и специальным. Такой дом родной имеют, кажется, все спортсмены. Все, да только не горнолыжники, хотя мы и с довоенным стажем и популярностью не обделены. Нет до сих пор такого места в горах, которое было бы оснащено: маркированными спортивными и туристскими трассами, подъемниками, ратраками — машинами для утрамбовки склонов, водопроводом для полива спортивных трасс, электрохронометражем, комфортабельным и близким к склонам жильем, удобными подъездными путями...

Карпатский поселок Славское и расположен удобно, и гора Тростян канатными дорогами насыщена, только вот трасса спуска простовата и мала. И с жильем худо. На Айкуайвенчорре в Кировске тоже не устроишь настоящего скоростного спуска. Легче съездить из Тбилиси в Москву, чем попасть в кресло единственного подъемника, ведущего к вершине Кохты в Бакуриани. На Чимбулаке под Алма-Атой мало что изменилось с 53-го года, когда я там стартовал в последний раз. А Чегет? Чегет во власти туристов, хотя там вполне хватает места и для прокладки спортивных трасс.

Трассы нас выбирают.

Вот в чем парадокс. Не мы решаем, где, когда и что проводить, а все определяет тот центр, который на данный момент ближе других мест к тому, чтобы зваться «стадионом». Хотя по-настоящему и он далек от этого.

Последнее время личные чемпионаты СССР устраиваются в апреле в Кировске. Из года в год на склонах Айкуайвенчорра можно наблюдать уникальное явле-

ние — деление неделимого! Из-за недостаточной длины и перепада высот быстрейшие в скоростном спуске выявляются по сумме двух попыток. Никому и в голову не придет в два присеста бежать десять тысяч метров в шиповках или на коньках, 50 километров на лыжах, а вот спуск на лыжах с гор, оказывается, можно дробить на части. Не от хорошей жизни, конечно, так делают, искажая сам смысл состязания.

Лежат где-нибудь в уголочке стадиона легкоатлетические барьеры. Старт — в десять ноль-ноль. В девять ноль-ноль рабочие расставляют барьеры так, что судьям остается лишь проверить их высоту да интервалы между ними, а спортсменам разминаться и помышлять о быстрых секундах.

Создать в горах такие условия, чтобы можно было без помех испытать мастерство лыжников, куда сложней. Но оттого требования к качеству подготовки нисколько не снижается. Склон признается годным, если он утрамбован и снег жесткий, а лучше леденистый — политый водой. Мягкий снег, на котором и техника иная, — это давнее прошлое, это все равно, что шлак вместо тартана на беговой дорожке.

Перед очередным чемпионатом Вооруженных Сил я отправил депешу в Северо-Кавказский военный округ с просьбой командировать взвод солдат в поселок Терскол. С их помощью намеревался хорошо приготовить трассу скоростного спуска: долбя наст каблуками армейских сапог, довести трассу до кондиции. Это, конечно, примитивный, зато весьма эффективный способ.

В назначенный срок прибыли солдаты, обутые в кирзовые сапоги, одетые в хлопчатобумажные шаровары и в шинелях. На кресельной канатке поднялись наверх. По их виду было похоже, что впервые забрались они так высоко, а направлявшие их командиры не знали гор. Резиновые подошвы сапог не держали на снегу, и парни заскользили. Шинели растрепало, как паруса на тугом ветру. Ну, подумал, сейчас начнут сыпаться. Опередил их на лыжах и стал собирать своих горе-помощников. Пересчитал, вновь усадил на подъемник и отправил вниз.

Сдвиги к лучшему в нашем хозяйстве есть. Они заметны в инвентаре (увы, импортируемом), насыщении склонов подъемниками, в массовом распространении горнолыжной азбуки.

А «стадиона», для начала хотя бы одного, все нет и нет.

Под проведение зимних Спартакиад отпускаются большие средства на оборудование мест соревнований. И каждый раз новых... Каждая республика пытается сделать что-то у себя. Ведомства тратят средства на создание своих баз. И почти нигде дело не доводится до конца. Почему? Да потому, что у одних средств не хватило, у других материалов, у третьих климат неподходящий и рельеф неудобный...

Налицо распыление денежных средств, материальных ценностей и людских ресурсов. Кочуем из одной горной стороны в другую, от одного дара природы к другому. Очень мы похожи на капризного жениха, устраивающего бесконечные смотрины. Пора наконец сделать выбор.

Я давно и обеими руками за Чимбулак: во-первых, рельеф склонов годен для стартов любого класса; во-вторых, подходящие толщина и длительность залегания снежного покрова, а чуть повыше снег лежит круглый год; в-третьих, мягкий курортный климат Заилийского Алатау; в-четвертых, близость такого крупного и чудесного города, как Алма-Ата; в-пятых, по той же автостраде и совсем близко расположен искусственный лед «Медео»...

Я голосую обеими руками за то, чтобы хоть одно место было доведено до нужной кондиции. Конькобежный стадион «Медео» — прообраз того, что может, что должно быть на Чимбулаке.

Отсутствие горнолыжных стадионов является, пожалуй, главной слабостью нашего тыла. Без этого трудно рассчитывать на долговременные успехи на передовой. События Игр 1984 года в Сараеве подтвердили это: советские горнолыжники проехали вдали от олимпийского пьедестала.

* * *

Разные люди встречались на моем пути в спорте. И каждый вносил свою лепту в общее дело. Спортсмены быстрыми секундами давали импульс развитию, педагоги успехами учеников отчитывались за прожитые годы. Но есть еще категория людей, которые благодаря своим знаниям и горению в работе ощутимо способствовали развитию горных лыж, расширению их географии.

В начале 50-х годов под моим началом проходил армейскую службу вологодский паренек Валентин Махов. Лыжи горные были для него в новинку, но надел он их и как одержимый носился по горам; за три года вырос до мастера спорта. Закончив армейскую службу, отправился Валентин в таежные сибирские края. Сначала в Горно-Алтайске открыл детско-юношескую спортшколу. Затем переехал в Междуреченск и там «поднял целину»: расчистил трассы, создал одну из лучших в стране горнолыжную школу. Вот уже десять лет получаю от него письма из Красноярска. И тот факт, что старты всесоюзной Спартакиады 82-го года прошли в Бобровом Логу — этом детище Махова, меня не удивил. Человек неуемной энергии, с размахом, в интересах дела преодолеет любые трудности. Махову вдобавок помогали и городской комитет партии, и краевые физкультурные организации. Теперь мы видим — стоит новая база и хорошеет день ото дня Бобровый Лог. Появились и резервисты для сборной страны.

Валентина я иногда встречаю на тренерских конференциях. Никогда он не выступает. И весточки от него,

если дело негорящее, подолгу жду. Но не обижаюсь, потому что знаю: Валентин Махов — человек дела!

В ведении заместителя председателя Львовского областного совета «Динамо» Анатолия Васильевича Архангельского находились и бассейны, и стадионы, и велотрек. Более десятка видов спорта были в его хозяйстве. Но вот «заболел» он горными лыжами, понял их перспективность: увидел, что идут и будут идти люди в горы с лыжами на плечах. Как рачительный хозяин, обустроил он карпатское местечко Славское, которое кажется мне пока единственным в стране, более или менее годящимся для эффективных тренировок. Там много подъемников, туристские и спортивные трассы отделены друг от друга, обслуживающий персонал знает свою задачу.

Много попреков со стороны непосредственного начальства выслушал Архангельский за свои инициативы и деяния. Одни беспокойства принесла ему любовь к горным лыжам. Но, когда он вышел в отставку, то стал руководителем республиканского объединенного центра подготовки спортсменов в горах.

Свою любовь к нашему спорту Анатолий Васильевич Архангельский воплотил в дела. И низкий поклон ему за это.

Появлению горных лыж в Терсколе мы во многом обязаны Алексею Александровичу Малеинову и Юрию Михайловичу Анисимову; развитию горнолыжного спорта в Кировске — Семену Ивановичу Ялокасу, Алле Александровне Васильевой, Владимиру Иосифовичу Пикузо; в Бакуриани — покойным Александру Иордановичу Гвалия и Александру Александровичу Балаевичу.

Таких людей называют энтузиастами. Они же просто считают, что делают свое дело. Делают на совесть и с душой

Побольше бы таких людей.

* * *

Перед войной и сразу после нее мы лезли в горы, топтали целину и бросались вниз под взорами единственных наших зрителей и болельщиков — тренеров и судей. На скале под пиком Школьника в день старта прохажи-вался, дымя «Казбеком», метеоролог дядя Миша Линьков, обитавший в горной хижине и замерявший толщину снежных слоев. Он без звука ставил нам свою закорючку — визу на акте о лавинной безопасности в районе Чимбулака. Мы мечтали о том, чтобы люди пришли к нам и вместе с нами протоптали склоны, покатались в свое удовольствие и посмотрели соревнования.

За три десятка лет многое изменилось. Возмужал, окреп наш спорт. Армия любителей лыжного отдыха в горах поддается лишь приблизительным подсчетам. Но бывает и так...

В толпе у нижней станции чегетской канатки судья соревнований схватился врукопашную с туристами, не пропускавшими его без очереди, и когда прибыл наконец к своему рабочему месту, его впору было отправлять в поликлинику. Вид солидного ученого, преданного спорту и потратившего двухнедельный отпуск на то, чтобы окунуться в атмосферу горнолыжных сражений, своими ссадинами и синяками вызвал чувство жалости, досады и горечи.

Неурядицы, ведущие к стычкам, вызваны мелочами, из которых состоит быт любой коммунальной квартиры. Места хватит, чтобы жить без ссор, имея свои трассы и подъемники. Пока же спортсмен оказывается в положении того автогонщика на шоссе, который вынужден то и дело притормаживать, лавируя меж «Жигулей» и «Москвичей», управляемых новичками. А снежная трасса что асфальтовое шоссе, и выход в том, чтобы посередине жирно провести сплошную разделительную полосу. Если же маршрут спуска единственный и он вдобавок

узкий, в одну колею, то без «светофора» здесь не обойтись.

Приэльбрусье являет собой крепкий узел нелепостей и неразберихи. В поисках летнего снега сюда прибывают спортсмены от мала до велика, стекаются не насытившиеся за зиму туристы. Маятниковая дорога доставляет их на станцию «Мир», вознося на четыре с лишним километра над землей, здесь дефицит кислорода и избыток ледников и снежников — кати куда душа пожелает.

Для спортсменов Эльбрус хорош в утренних лучах солнца, когда фирн жесткий, леденистый, еще не разъеденный полуденным зноем, превращающим его в кашицу. Хорошо и поближе к вечеру, когда наст прихватывает морозцем. У спортивного тренажа требования строгие. Туристам же спозаранку подниматься лень, дожидаться вечерней прохлады так же ни к чему. Все вроде бы устраивается само собой, нам даже нечего делить друг с другом: мы на снегу — утром и вечером, они — днем; они поднимаются, когда мы спускаемся после первого занятия, и кабина не работает вхолостую; они спускаются к обеду, а мы поднимаемся вторично.

Казалось бы, все просто... Но станция маятниковой дороги открывается никак не раньше девяти утра. И сразу становится очень похожей на восточный базар — в узкий проход к заветной кабине, расталкивая друг друга, пробираются и спортсмены, и туристы, и экскурсанты. Тренировки начинаются уже на раскисшем снегу. Их КПД падает к нулю. Отпущенные на летние сборы деньги летят на ветер. А отдыхающие, как и спортсмены, зря треплют нервы.

Не надо «изобретать велосипед», достаточно, учтя, какой летом длинный световой день и как много желающих внести свои деньги за услуги, начинать работу не с девяти ноль-ноль, а с семи и заканчивать часа на два-три позже обычного. Все очень просто разрешается.

Ан нет. Хозяева дороги, которая находится в ведении кабардино-балкарского совета по туризму и экскур-

сиям, прикрылись щитом: «Не можем платить сверхурочных!» Воз и поныне там.

Вспоминаю давнюю зиму в швейцарском курорте Венгене, выдавшуюся на редкость бесснежной. Времени до крупного старта оставалось совсем мало, но вероятность снегопада была ничтожно малой. И все-таки бой на трассах слалома и гиганта разгорелся! К чести организаторов, они справились в ситуации, казалось бы, совершенно безнадежной. Участники воспользовались полуторакилометровым подъемником, установленным на северном склоне, где как раз-то и сохранилось белое покрывало. От хозяина дороги я узнал, что функционирует она только в мае или когда небеса поскупятся на осадки: «Я за месяц обеспечиваю себя на год вперед! Кругом растает, желающих кататься масса, а у меня тут чудесный фирн».

Много ребятишек занимаются в детско-юношеских горнолыжных школах, в достатке там преподавателей. Много людей примагничивают горные лыжи. Много различных ведомств уделяют внимание (хоть и недостаточное) этому виду спорта и туризма... Все мы похожи на большую горнолыжную семью. Большую, но пока что недружную. Не идем рука об руку к общей цели, а тянем каждый в свою сторону. И двигаемся лишь неровными шажками. Какая, однако, сила пропадает, каких бы высот достигли мы, наступи в семье мир да согласие.

Спорт и туризм — две половинки одного целого, единого и неделимого. Я плохо представляю себе жизнь врозь. Горные лыжи тем еще особенно хороши, что зрители здесь активные, они — физкультурники! В подавляющем большинстве они стоят на лыжах и, переживая ход борьбы, сгорают от нетерпения выехать на трассу и приблизиться к тем, кто только что покорял их своим мастерством. На олимпийской трассе скоростного спуска в Кортина д'Ампеццо болельщики, притомившись от ожидания заветного мига, ринулись сопровождать по-

следнего участника, спускаясь рядом с ним, а затем толпой обогнали его. По мастерству этот спортсмен уступал «подкованным» туристам, которые, войдя в азарт, причастились к спорту! И, понимая это, даже полицейские улыбались.

«Хороши горные лыжи, да по карману уж больно бьют!»

«Я не могу позволить себе такую роскошь — кататься на лыжах с гор».

Так рассуждают те, кто заочно охотно соглашается с тем, что велика радость от горнолыжного отдыха, только по всему выходит, что по карману она лишь одержимым лыжами «фанатикам».

Действительно ли столь дорого это удовольствие?

Вопрос в том, чему отдавать предпочтение при покупках, как раскидывать костяшки на бухгалтерских счетах доходов-расходов. Можно покупать ковры и хрусталь, гоняться за фирменной стенкой. Это украсит быт, но поможет ли сделать нас здоровыми и бодрыми?..

Появиться экипированным на горе сложней, нежели отправиться в лес на пробежку, выйти к волейбольной сетке, поплавать в бассейне. Но полку катающихся прибывает и прибывает. Очевидно, что бюджета средней семьи хватает и на домашние расходы, и на покупку инвентаря, и на проведение отпуска в горах.

Отечественные ботинки «Терскол» — хорошей формы, с удобными замками и пластиковой подошвой, для начала это как раз то, что надо. И цена терпимая. Лыжи подороже, но и они вполне доступны. Крепления, очки, палки потребуют и вовсе небольших затрат. Покупай и скорей на горку! Пока научишься кататься так, что появится смысл приобрести инвентарь получше и подороже, минет времени достаточно, чтобы постепенно, не стесняя себя в необходимом, подкопить денег. Моя дочь Наташа лет шесть пользуется одними и теми же лыжами, ботинками, комбинезоном. И ничего, довольна и

польскими лыжами «Эпокси», хотя по умению своему выше среднего уровня туристов.

Туристы, подменяющие собой передвижные выставки горнолыжной моды, не редкость. Спору нет, наряды их эффектны, элегантны, удобны, практичны, но обходятся в копеечку. Большинство из них, знаю наверняка, стремятся сэкономить и подработать, лишь бы почувствовать на себе чей-то взгляд, послушать завистливый шепоток. Они гонятся за мнимой престижностью, демонстрируя то, к чему приводит болезнь нашего времени под названием «вещизм».

В альпийских странах гор искать не надо. В Австрии, Швейцарии, на юго-востоке Франции, севере Италии и юге ФРГ города расположены у подножия гор, и транспортные расходы мизерны. Экспресс Париж — Шамони выходит из столицы поздно вечером, и поутру вы уже в отеле, рядом с подъемниками. Для французов такой перегон велик, а для нас это пустяки, что от Москвы до Ленинграда. Наши просторы тем не менее не закрывают вход в горы: двухнедельная путевка на любую базу в «Терскоде» с проездом самолетом от Москвы туда и обратно стоит обычно менее двухсот рублей. Часто ли встретишь того, кто тратит на отпуск меньше?

Живя в горной гостинице или пансионате, туристы могут, туристы хотят, туристы жаждут выложить полтинники и рубли, столько, сколько будет стоить сервис. Только бы накататься всласть! Потом, в городе, на шоколадном от горного солнца лице прочтешь лишь одно: «Эх, жаль, маловато покатался».

В Терскоде я неоднократно наблюдал, как туристы из Чехословакии или ГДР после катания и обеда не шли передохнуть в уютные номера гостиницы «Иткол», а вновь спешили до темноты пойти тропой, ведущей к перевалу: Кавказ пленил их.

В санатории мы готовы исправно принимать процедуры и даже делать утреннюю гимнастику, с которой, увы, в будни общаемся редко. Лыжный отдых в горах — по-

ложительные эмоции плюс здоровый дух в крепком теле.

Подведем общий баланс, сопоставляя затраты личные с общественными. Одни бегут по тартановой или плывут по водной дорожке, явно «занимая» у государства, другие охотно раскошеливаются ради того, чтобы скатиться на лыжах.

На улице Лавочкина, что находится в квартале от моего дома, красавец дворец распахнул свои двери для баскетболистов, гандболистов, волейболистов. В графе доходов стоят скромные цифры, появляющиеся после редких матчей и эстрадных концертов. В будни здесь хозяйничают члены секций, не платя из своего кармана ни копейки.

То, что вложило государство в благоустройство горы Чегет в Терскоде, окупилось за два или три года и с тех пор исправно воздает сотнями тысяч рублей чистой прибыли, а могло быть и куда больше, будь местный сервис лучше.

Звонит мне как-то знакомый полковник и просит съездить вместе с ним в Крылатское, подсказать, как восстановить базу ЦСКА, которую сожгли хулиганы. После этого ЧП и последовавшей вскоре смерти заслуженного тренера РСФСР Владимира Ивановича Афанасьева юношескую секцию ЦСКА, его детище, к полному нашему недоумению, распустили. Но группа офицеров и инженеров, воспитанников Владимира Ивановича, решила: не сдаваться! Кто-то откопал на свалке «бытовку» строителей, верней, железный остов без колес, вместе приволокли ее, отремонтировали, обшив досками, обновили два бугельных подъемника, и коллектив не распался, а, наоборот, окреп.

Солидные по возрасту и занимаемым должностям люди в охотку таскали старые доски и рихтовали гвозди. Наградой за потраченные время и силы служат им выходные дни, которые они проводят на лыжах. Здесь, на крылатских холмах, они далеко не одиноки. Сотни

любителей горных лыж получают заряд бодрости и здоровья, даже не выезжая за пределы городской черты. При этом затраты государственные равняются нулю.

А рядом высится громада олимпийского велотрека. Чудо-скорости показывают на полотне из сибирской лиственницы спортсмены. В этом прекрасном сооружении трудятся немало сотрудников, получающих, разумеется, зарплату. Турниры редки. Львиная доля времени отводится под учебно-тренировочные занятия юных и опытных велогонщиков. Государство вложило и продолжает вкладывать здесь немалые средства, по существу, не получая дохода.

Что тут дешево и что дорого, судите теперь сами.

«А на лыжах катаетесь? Непременно катайтесь! Научитесь, заведите лыжи и по горам — обязательно. Хорошо на горах зимой! Прелесть...» *

Это выдержка из письма Владимира Ильича Ленина во время его пребывания в Швейцарии. «Катайтесь... Хорошо... Прелесть...» — речь идет об удовольствии.

Приятные ощущения, увлекательность и доступность — вот что во сто крат усиливает тягу к движению ради здоровья. Но и тут нужен азарт, без которого, по-моему, любой спор, любое соревнование — в труде ли, в спорте — мертвеет.

Что еще обидно. Из парков культуры и зон отдыха постепенно исчезли такие аттракционы, где всяк мог быть молодец, показывая силу, ловкость, физическое умение. С каким азартом, смачно поплевав на ладони, парни брались за рукоять молота и били по «наковальне» силовых аппаратов, бывших достопримечательностью каждого парка. Исчезли «наковальни», гигантские шаги, подвешенные мячи на шестах, другие «снаряды». И взамен их ничего не появилось.

---

* Ленин В. И., ПСС, т. 49, с. 341.

Едва снег укроет леса и поля, как устремляются туда тысячи и тысячи людей с лыжами, у большинства они беговые, у многих слаломные. Прогулка по лесу — это прекрасно! Переход по намеченному маршруту — это здорово! Покататься с горки — это захватывающе!

А где же путь к спорту?

Можно ли считать прогулки, переходы, катание с гор — приобщением к спорту? Да, если вы наметили рубежи и двигаетесь, чтобы овладеть ими.

Нагулять среди просторов снежных 100, а лучше 1000 километров — это уже спортивный фрагмент физкультуры. Как и переход, совершенный в рассчитанное время, или примитивная слаломная трасса, пройденная без падения.

Что же дальше?

Нормы ГТО сданы, а разряда спортивного нет да и вряд ли предвидится. Получается разрыв: малая высота взята, а на штурм большой не хватило сил, времени и желания. Пропадает спортивность, а с ней и здоровый азарт.

В пригороде, какой ни возьмешь, найдется вдоволь места и для равнинных лыжников, и для горных. Почему бы не проложить эталонную лыжню или слаломную трассу, на которых по выходным дням для «затравки» выступал бы кто-нибудь из действующих спортсменов и по секундам, показанным им на этом снегу, на этой же трассе, померялись бы с мастером желающие. Зазывать их будет излишне — сами набегут, только услышав о возможности сразиться с асом!

Команда армейских горнолыжников гостила в польском центре Закопане. Из-за непогоды нам предложили отправиться не на спортивную трассу, а на туристскую, где соревновались любители горных лыж, к ним же причислялись и бывшие спортсмены, не участвовавшие в официальных стартах более двух лет. Нас допустили только потому, что мы были гостями. Всех разбили на группы по мастерству, полу и возрасту. С каждого взя-

ли мизерную плату в два злотых. Деньги идут на прокладку трасс, изготовление древков и флажков, номеров, хронометрирование, закупку памятных значков — «золотой» вручается уступившему мастеру менее секунды; «серебряный» — за проигрыш не более двух секунд; «бронзовый» — трех; остальным — просто значки.

В тот день я еще раз убедился, что массовые, с выдумкой проведенные старты имеют свою прелесть и свой азарт. Из-за них человек приходит в большой спорт, из-за них же обращается лицом к физкультуре.

Гонки с общим стартом! Состязания с гандикапом (когда именитый дает фору заведомо слабому — это было так популярно в дни моей молодости)! Старты по возрастам! Эстафеты! Конкурсы! Параллельный слалом!..

Чего только не придумаешь!

Так давайте же придумывать и претворять это в жизнь.

ПОСЛЕСЛОВИЕ

Написать книгу — дело нелегкое. В этом я убедился сам. Писал охотно, но долго. За это время на снежных склонах произошло множество событий — и чрезвычайно приятных, и весьма огорчительных. Такого бурного периода, как начало 80-х годов, я что-то и не припомню в нашей горнолыжной летописи. И сейчас, напоследок, хочется поразмышлять над днем сегодняшним моего любимого спорта, слегка помечтать.

Недавно в который уж раз побывал я в заполярном Кировске. Вспомнив свою юность и сравнив времена былые с нынешними, я не мог не порадоваться. Достаточно взглянуть на «Спящую красавицу» — так с лапландского переводится название горы Айкуайвенчорр, — чтобы отметить разительные перемены к лучшему. Нитки бугельных и канатно-кресельных дорог будто рассекают на части бескрайние склоны, уходя далеко вверх, к перевалу, и бесперебойно доставляя туда добротно экипированных туристов из Ленинграда и Москвы, Ярославля и Риги, Саратова и Харькова. Где еще найдешь в конце апреля такое обилие снега и подъемников!

Жители городов спешат с лыжами на плечах к пригородным холмам и курганам, где исправно работают сотни самодельных подъемников. Горные лыжи стали массовым и потому обычным явлением, не потеряв своей экзотичности.

А если вы побываете в обжитой горной стороне, то наверняка увидите детишек из горнолыжных спортшкол, которых в стране около полутораста! В таежном Междуреченске, что расположился у входа в Горную Шорию, на всесоюзные старты горнолыжников приходит поболеть до половины городского населения. И в альпийских курортах не всегда встретишь подобное!

Нынешняя плеяда спортсменов получила все условия, какие требовались для плодотворного тренинга и успешных стартов. И уникальные, только что открытые летние полигоны на Кавказе и Тянь-Шане. И осенние занятия на высокогорных базах в Альпах. И участие в Кубке мира по полной программе. Никто из предшественников не имел в своем распоряжении таких условий. Поэтому ветераны радовались за наших ребят, как за сыновей, которым живется легче. И гордились тем, что быстро возмужавшие мастера доказали главное — советские горнолыжники могут, хотят и просто обязаны спорить с асами. Достижение Александра Жирова будет отныне символом потенциальных возможностей советского горнолыжного спорта...

Новая волна оказалась на радость мощной и на удивление кратковременной. Час шумного прибоя сменился отливом. Причем вышло так, что к Олимпиаде 1980 года волна еще не набрала мощи, а к моменту выхода на сараевские трассы она уже потеряла и высоту и скорость.

В преддверии Олимпийских игр 1984 года меня частенько просили дать прогноз. Я не гадал, а вспоминал и сопоставлял факты.

Нет, иллюзиями себя не тешил. И вот почему. Наши лидеры снова слишком заметно уступали победителям на этапах Кубка мира — в среднем четыре секунды. Четыре секунды... Плотность результатов у горнолыжников сейчас такая, которую разве что у спринтеров на стометровке встретишь. Победу приносят сотые доли секунды. Будущего лауреата предсказать невозможно. Что касается наших лидеров... Попадание в число первых пятнадцати — так называемую первую группу, элиту — для Макеева, Цыганова и Андреевых стало редким эпизодом. А без этого надежд на успех практически не было. Правда, составы олимпийских сборных ограничены четырьмя участниками в каждом виде программы. Ведущие альпийские страны тут пострадали, а у спортсменов других команд повысились шансы. Но и это не помогло.

К сожалению, мой прогноз оправдался полностью. Неудача на сараевских трассах привела к тому, что среди соотечественников вновь воцарилось неверие по отношению к горнолыжникам.

Что же, собственно, произошло? И что считать закономерным: вспышку ярких удач или окативший вскоре ледяной душ олимпийского экзамена?

Когда горнолыжник проскакивает мимо очередных ворот или просто падает, это вовсе не означает, что именно в данный миг допустил ошибку. На самом деле причину «аварии» ищи выше по склону: сначала был едва заметный промах, затем второй, третий, что и привело к потере равновесия.

Корни «неуда» за сараевский экзамен берут свое начало сразу же по окончании зимы 1980/81 года — самого... лучшего для нас сезона. Настолько контрастным выглядел выход из многолетней тени, что достижения, достижения безусловные, воспринимались и в стране, и за рубежом несколько преувеличенно. Сами же действующие лица забыли прописную истину: класс спортсмена определяется не единичными попаданиями в «яблочко», а стабильностью.

И наставники сборной, видимо, посчитали свой удачный опыт гарантией на все случаи жизни. Прекратилось критическое осмысление зарубежного опыта, без чего современный спорт просто немыслим. А между тем сразу после триумфа Жирова шведские специалисты не посчитали зазорным и утомительным срочно прибыть

на летние тренировки советской сборной: им не терпелось разобраться в природе сенсации, автором которой стал Александр.

Не люблю этого слова — сенсация, хотя и не отрицаю всякого рода неожиданности, которыми полны состязания на снежных склонах. Предпочитаю читать сухие строчки спортивных протоколов и анализировать.

Выходу на относительно высокий уровень в 1956 году способствовала отлаженная учебно-тренировочная работа на чимбулакской трассе скоростного спуска. Тогда она по сложности, по оснащенности подъемниками могла идти в какое-то сравнение с теми, на которых занимались соперники. Горнолыжная индустрия на Западе бурно развивалась. А мы у себя только освоили гору Чегет в Терсколе. Но трассы и там оставляли желать лучшего: подъемники тащили вверх непозволительно медленно, не было противолавинной защиты. Продуктивность тренировок здесь была почти в десять раз ниже той, что у конкурентов. И все же три сезона эксплуатации чегетской трассы позволили на предолимпийской пробе скоростного спуска в Саппоро сократить отставание.

Вырисовывается очевидная закономерность — относительные успехи бывали в те редкие периоды, когда техническая оснащенность наших гор в какой-то степени отвечала велениям времени.

И еще. Советские горнолыжники прогрессируют, однако темпа им все-таки явно не хватает, чтобы прочно сравняться с мировыми лидерами. Ибо догнать когда-то далеко оторвавшихся вперед реально лишь при условии, что в чем-то будешь их превосходить. Невольно приходит на ум известный софизм об Ахилле, который никак не настигнет черепаху: он все ближе и ближе к ней, разрыв тает прямо на глазах, а все тщетно...

И вот новый, быть может, самый печальный парадокс. Тот самый импульс, который, по логике, должны

были вызвать быстрые финиши лидеров, действительно возник, да только направленный... в прямо противоположную сторону. Удачи на склонах Альп создали видимость этакого благополучия на склонах наших гор. Ими — удачами — прикрылись как щитом те, кто отвечает за развитие этого вида спорта. А тем временем мы непростительно теряли время. Насущные проблемы повисли в воздухе.

Любые явления можно, на мой взгляд, объяснить кратко и доходчиво. Что касается дел горнолыжных, то попробую использовать военную, но понятную терминологию: «Без прочного тылового хозяйства успех наступательных боев авангарда не может быть гарантирован».

Тратить средства экономно, с умом, а значит, в расчете на далекое будущее — это требование касается и спорта. Чем закупать дорогие инвентарь, ратраки, подъемники, лучше наладить их производство своими силами. Чем рассчитывать на милость европейцев — позволят использовать их базы или нет, — не лучше ли иметь свои центры? Это и проще, и надежней, и дешевле. Зная, какие у нас прекрасные горные массивы, Международная федерация горнолыжного спорта официально предложила проводить в Советском Союзе этапы Кубка Европы и Кубка мира. Как было бы здорово осуществить это в ближайшее время!

Горные лыжи заслуживают того, чтобы стать полноправным членом большой и славной спортивной семьи. Только незамедлительный и крутой поворот способен существенно выправить положение. Что, впрочем, не снимает ответственности и с исполнителей — тренеров и спортсменов.

С давних пор повелось у нас снизу вверх глядеть на модные веяния с Альп. Это подменяет творчество примитивным копированием и делает саму мечту о вершине несбыточной. Нелегко это — сохранять свое достоинство, когда ты слабей. Но иного пути нет.

Допускаю: по прочтении этой книги не все приглянется читателю. Могут чересчур категоричными показаться суждения, может, субъективизма многовато, может, наконец, критиковаться и мое тренерское кредо. Во всяком случае, я был искренен. И стремился рассказать не о себе, а о чудесном и непростом мире горных лыж, о людях, встреченных на долгом пути по горным дорогам, о годах грозовых, связав их с тем, что волнует нас сегодня.

Есть у меня, прослужившего в Вооруженных Силах четверть века и в горных лыжах всю жизнь, мечта: на олимпийском пьедестале — парень или девушка с Урала, а может, из Сибири, Заполярья, Камчатки — и величаво поднимающийся наш флаг. Так часто возникает эта картина перед глазами, что кажется порой — это когда-то было.

Но так будет. Так должно быть.

Я верю.

СОДЕРЖАНИЕ

Вместо предисловия 3

Умный гор не обойдет 10

Воробьевы горы 33

Зеркало скорости 64

С лыжами наперевес 94

Моды и заблуждения 138

«Русские в элите?!» 155

«Семейные» неурядицы 168

Послесловие 185

Ростовцев Д. Е.

Р 78 Зеркало скорости. — М. : Мол. гвардия, 1984. — 191 с., ил. — (Спорт и личность).

65 к. 100 000 экз.

Заслуженный тренер СССР, неоднократный чемпион страны рассказывает о зарождении горнолыжного спорта, о своих воспитанниках, о школах горнолыжников. Читатель получит ответы на чисто практические вопросы — как стать горнолыжником, как экипироваться, с чего начать тренировки. Книга поможет заинтересовать горнолыжным спортом многих молодых людей.

Рассчитана на массового читателя.

Р $\frac{4202000000-217}{078(02)-84}$ КБ—20—037—84

ББК 75.719.5
7А4.1

ИБ № 4389

Дмитрий Ефимович Ростовцев

ЗЕРКАЛО СКОРОСТИ

Редактор В. Васильев
Художник Х. Нуриманов
Художественный редактор Б. Федотов
Технический редактор Р. Сиголаева
Корректоры Т. Пескова, А. Долидзе

Сдано в набор 06.04.84. Подписано в печать 10.07.84. А08105. Формат 70×108$^{1}/_{32}$. Бумага типографская № 2. Гарнитура «Литературная». Печать высокая. Условн. печ. л. 8,4. Условн. кр.-отт. 8,75. Учетно-изд. л. 8,6. Тираж 100 000 экз. Цена 65 коп. Заказ 450.

Типография ордена Трудового Красного Знамени издательства ЦК ВЛКСМ «Молодая гвардия». Адрес издательства и типографии: 103030, Москва, К-30, Сущевская, 21.